

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

9
734
Библиотека Историческаго Чтенія—I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

И

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ

Въ Константинополѣ

В. ТЕПЛОВА

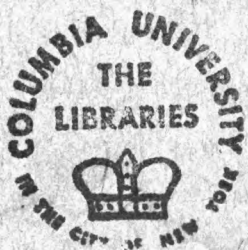

Съ видами и портретами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание Крунислава Геруца

1897

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАГО ЧТЕНІЯ

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
И
ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

В. Теплова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Крунислава Геруца
1897

9.496/1 1876
т. 34

В. ТЕПЛОВЪ

SMUTNOE VREMIA
СМУТНОЕ ВРЕМЯ

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

36280a

(Записки очевидца)

Съ видами и портретами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание Крунислава Геруца
1897

1939. 2

Дресс 1939 г.

Проверено 1947 г.

Того же автора:

~~Материалы для~~ статистики Болгарии, Оракии и Македонии, съ картою Спб. 1877. 5 р. — к.

Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. Историческое исследование, Императорскою Академію Наукъ удостоенное Уваровскаго почетнаго отзыва Спб. 1889. . . . . 3 » — »

Адрианополь (изъ воспоминаний путешественника). Спб. 1877. . . . . 2 » — »

Представители иностранных державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Историч. очеркъ. Спб. 1890. . . . . 1 » 50 к.

Русские представители въ Царьградѣ. Историч. очеркъ. Спб. 1891. . . . . 2 » — »

Графъ Іоаннъ Каподистрія президентъ Греции. Историч. очеркъ, Императорскою Академію Наукъ удостоенный Уваровскаго почетнаго отзыва. Спб. 1892. . . . . 2 » — »

BUT STAX

DR

569

.T4

Складъ изданій у автора (С. Петербургъ, Дворцовая площадь, 6).

16 12 16 97

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

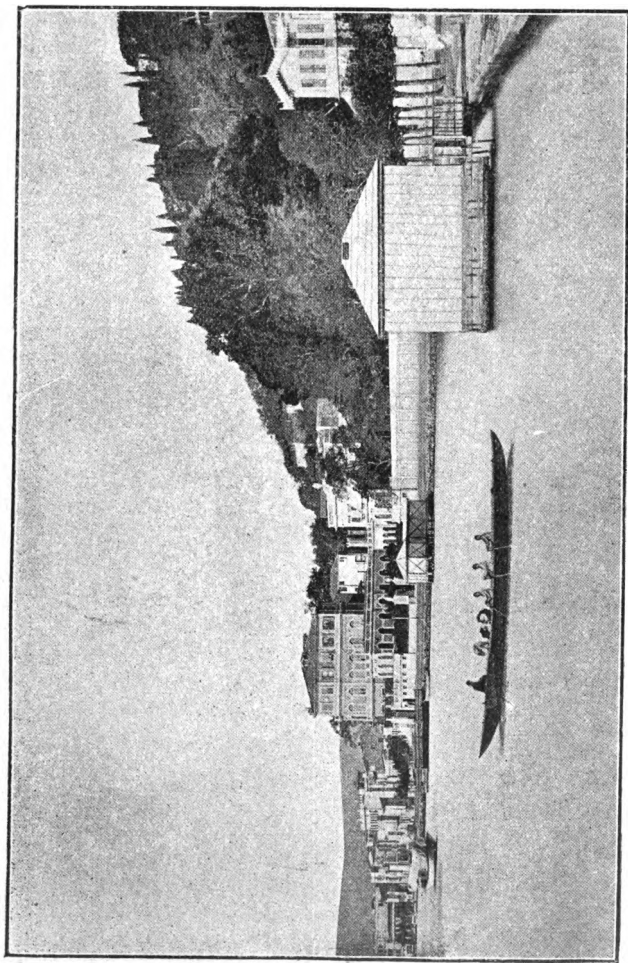
И

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

BUTLSTAX
DR
569
.T4

Буюкдере.

I.

Раннимъ, дождливымъ утромъ 18-го мая 1876 года, жители мирной при-босфорской деревушки Буюкдере были чрезвычайно удивлены прибытіемъ на зарѣ турецкаго фрегата, который, ставъ на якорь какъ разъ противъ лѣтняго дворца русскаго посольства, открылъ свои борта и показалъ жерла громаднхъ орудій, какъ бы приготовляясь приступить къ бомбардировкѣ. Въ то же время узнали, что еще въ полночь мѣстная телеграфная станція была занята отрядомъ турецкихъ войскъ, а другіе отряды прекратили всякое сообщеніе Буюкдере съ окрестными мѣстами. Было очевидно, что въ Константинополѣ что-то произошло чрезвычайно важное, но что именно—оставалось неизвѣстнымъ.

Погода въ то утро была отвратительная—густой туманъ лежалъ на Босфорѣ, съ Чернаго моря дулъ порывистый вѣтеръ, моросилъ мелкій, упорный дождь. Несмотря на все это, на набережной была масса народа; на лицахъ всѣхъ было написано недоумѣніе.

Часъ проходилъ за часомъ, а неизвѣстность все длилась, любопытство достигало своего крайняго напряженія—тѣмъ болѣе, что давно уже миноваль часъ, когда въ Буюкдере долженъ былъ придти изъ города первый пароходъ—ширкеть ¹⁾, съ которымъ могли бы быть получены какія-нибудь извѣстія, и только потомъ оказалось, что, по приказанію Порты, были прекращены всѣ сообщенія между Царьградомъ и окрестностями: изъ города не выпускали ни пароходовъ, ни экипажей, ни верховыхъ.

Наше посольство находилось въ такомъ же невѣденіи, какъ и остальные простые смертные, и лишь въ десятомъ часу утра явился туда гонецъ изъ Перы (европейское предмѣстье Константинополя), одинъ изъ курьеровъ посольства, Гвоздинскій, которому удалось пѣшкомъ пробраться въ Буюкдере. Онъ разсказалъ, что въ Константинополѣ—общее ликование: въ ночь произошла революція, султанъ Абдуль-Азизъ свергнутъ и на престолъ взошелъ Мурадъ V.

Причины низверженія Абдуль-Азиза были сложны, но главную, повидимому, было опасеніе нѣкоторыхъ западныхъ державъ, какъ бы султанъ, слышій за приверженца искренняго соглашенія съ Россією, не принялъ какихъ-либо рѣшеній, напомилавшихъ рѣшенія отца его, Махмуда, рѣшившагося поставить въ 1833 г. Турцію подъ покровительство императора Николая I. Исторія, конечно, выяснитъ въ свое время, въ подроб-

---

¹⁾ Называемый такъ отъ общества *Ширкети Хайрие*, поддерживающаго посредствомъ многочисленныхъ пароходовъ постоянное сообщеніе между Константинополемъ и всѣми при-босфорскими деревнями.

ностяхъ, роль, какую играли во всемъ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ западныхъ дипломатовъ. Тогдашній великобританскій посоль, сэръ Генри Эллиотъ, уже успѣлъ пріобрѣсти къ тому времени репутацію *бѣдовика* (*l'ettagetoge*), приносившаго несчастье всякому государю той страны, гдѣ онъ бывалъ аккредитованъ. Такъ, сначала король Обѣихъ Сицилій—Францискъ, а затѣмъ греческій король—Оттонъ утратили свои престолы именно въ бытность сэра Генри англійскимъ представителемъ въ этихъ государствахъ.

Внутренними же причинами паденія Абдуль-Азиза выставлялось общее положеніе дѣлъ, вызывавшее повсюду недовольство. Дѣйствительно, послѣдніе мѣсяцы царствованія этого султана были ознаменованы цѣлымъ рядомъ несчастныхъ событій, потрясшихъ до основанія оттоманскую имперію. Сначала, финансовое банкротство Турціи, къ которому она, благодаря участію нѣкоторыхъ европейскихъ дѣльцовъ, неотвратимо стремилась уже издавна и которое выразилось, наконецъ, 6-го октября 1875 года въ распоряженіи великаго визиря Махмудъ-Недима-паши, объявившаго, что платежъ процентовъ по турецкимъ государственнымъ бумагамъ будетъ производиться въ продолженіе пяти лѣтъ лишь въ половинномъ размѣрѣ, дабы дать финансамъ Турціи возможность придти въ болѣе порядокъ. Слѣдствіемъ этого распоряженія было страшное паденіе турецкихъ фондовъ, благодаря чему полагавшіе себя вчера богачами обратились въ сегодняшнихъ нищихъ съ ничего нестоющими кусками бумаги въ рукахъ.

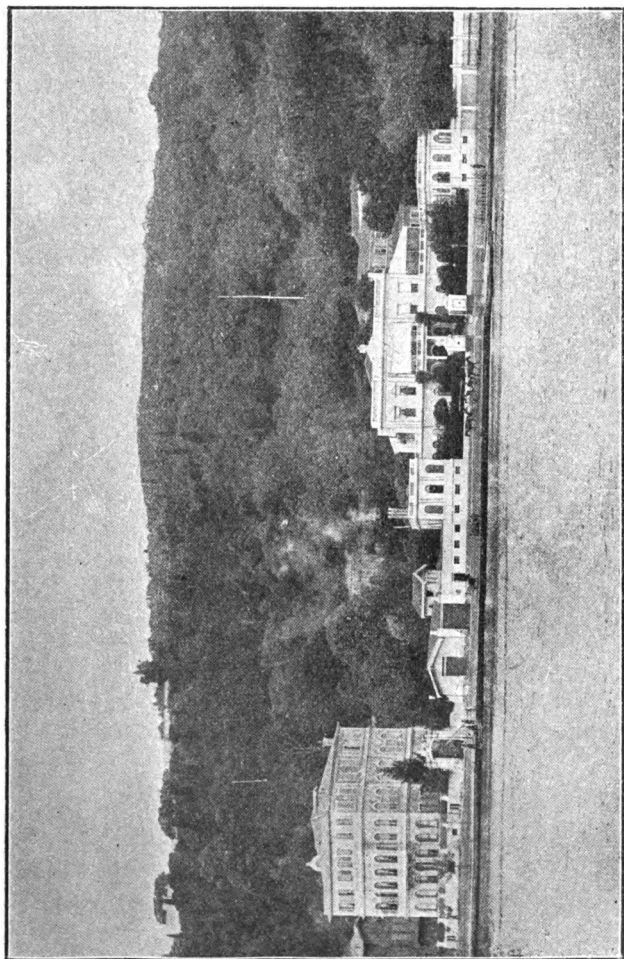
По всей справедливости, Махмудъ-Недимъ-паша лично даже и не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за принятую имъ мѣру, такъ какъ, собственно говоря,

*

онъ лишь засвидѣтельствовалъ на бумагѣ то, что существовало уже въ то время на дѣлѣ, т.-е. абсолютную невозможность для Турціи продолжать платить ростовщическіе проценты по огромнымъ займамъ, навязаннымъ Турціи Европою съ той поры, когда имперія османовъ была насильно втиснута въ совѣтъ несвойственную ей роль участницы въ европейскомъ концертѣ и вынуждена нести непосильные расходы, въ особенности по организациіи турецкой арміи и флота, покрывавшіеся въ бѣльшей своей части не изъ государственныхъ доходовъ, а путемъ виѣшнихъ займовъ изъ щедро раскрытаго кошелька западной Европы, видѣвшей въ этомъ— и не безосновательно—наилучшій способъ къ пріобрѣтенію въ Турціи преобладающаго вліянія.

Государство, съ 1453 года, въ теченіе четырехъ столѣтій, не задолжавшее на сторону ни одной копѣйки, принялось, начиная съ крымской войны, заключать виѣшніе займы въ огромныхъ размѣрахъ. Съ 1854 по 1875 годъ было заключено двѣнадцать виѣшнихъ займовъ на суммы: въ 1854 году—3 милліона фунт. стерл.; въ 1855 году—5 мил. фунт. стерл.; въ 1858 году—5 мил. фунт. стерл.; въ 1860 году—2.037.220 фунт. стерл.; въ 1862 году—8 мил. фунт. стерл.; въ 1863 году—8 мил. фунт. стерл. и еще 6 мил. фунт. стерл.; въ 1869 году—22.222.220 фунт. стерл.; въ 1870 году—31.680.000 фунт. стерл.; въ 1871 году—5.700.000 фунт. стерл.; въ 1872 году—10 мил. фунт. стерл., въ 1873 году—27.777.780 фунт. стерл.—всего 124.417.220 фунтовъ стерлинговъ ¹⁾ (свыше 995 мил. рублей), т.-е., круглымъ

¹⁾ Stambul und das moderne Türkenthum, von einem Osmanen. 1877—78, II, 190—239.

Г. Садъ и общій видъ дворца русскаго посольства въ Буюкдере.

числомъ, изъ 9⁰/₀ годовыхъ турецкое казначейство обязано было уплачивать ежегодно однихъ процентовъ до 90 милліоновъ рублей.

Въ мемуарѣ, представленномъ конфиденціально Мидхатомъ-пашей 9-го марта 1876 года берлинскому, лондонскому, парижскому и римскому кабинетамъ, турецкій государственный долгъ представлялся еще болѣе значительнымъ, такъ какъ доходилъ, вмѣстѣ съ внутренними обязательствами, до 277 милліоновъ турецкихъ лиръ (2.078 милліоновъ рублей) и требовалъ на уплату процентовъ ежегодно по 24.931.000 тур. лиръ, т.-е. около 187 мил. рублей.

Какимъ же образомъ турецкое казначейство могло справиться съ подобными колоссальными обязательствами, когда по бюджету 1876 года всѣ доходы Турціи, вмѣстѣ съ египетскою данью, простирались до 4.776.588 кошельковъ (179.122.050 рублей), при ежегодномъ расходѣ въ 5.785.729 кошельковъ ¹⁾, т.-е. сводились къ нормальному дефициту болѣе чѣмъ въ милліонъ кошельковъ или около 38 милліоновъ рублей.

Тогдашнее политическое положеніе оттоманской имперіи было также крайне тяжело. Ничтожное во время своего возникновенія, невесиньское возстаніе ширилось все болѣе и болѣе, вызвавъ открытую борьбу съ Черногоріей и вмѣшательство Европы, настоятельно требовавшей осуществленія дѣйствительныхъ реформъ въ пользу христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Вмѣшательство это, всегда нестерпимое для мусульманъ, давало благодарную почву для проповѣди

¹⁾ Ibid. II, 323—326.

мусульманскихъ патриотовъ и фанатиковъ, разжигавшихъ обѣднѣвшій народъ противъ правительства, накликавшаго будто столько бѣдствій; султана выставляли главнымъ виновникомъ; его называли гяуромъ за сближеніе съ Европой, припоминали его путешествіе на парижскую выставку 1867 года. Абдуль-Азиза обвиняли въ намѣреніи пригласить русскія войска для расправы съ волновавшимися его подданными; обвиняли, наконецъ, въ намѣреніи измѣнить вѣками установленный порядокъ престолонаслѣдія въ династіи Османа, путемъ объявленія наслѣдникомъ престола своего сына Юсуфъ-Иззедина, въ видахъ чего и состоялось будто бы его назначеніе начальникомъ гвардіи.

Но все это волненіе, быть можетъ, не привело бы ни къ какимъ крайностямъ, не облеклось бы въ осязательную форму, если бы не нашлось умѣлой руки, которая сплотила бы главныхъ недовольныхъ и внушила имъ убѣжденіе, что единственнымъ выходомъ изъ тогдашняго тяжелаго положенія было вернуться къ прежнимъ янычарскимъ порядкамъ и замѣнить султана его братомъ Мурадомъ, слышшимъ за противника Россіи и приверженца Англіи, казавшейся истинною защитницею мусульманъ отъ насилія *москововъ* (турецкое названіе русскихъ). Такая рука скоро нашлась и, какъ кажется, въ средѣ дипломатическаго корпуса.

Однимъ изъ орудій начавшагося движенія явилась партія такъ-называемой «молодой Турціи». Партія эта образовалась еще въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ и считалась въ Европѣ представительницею истиннаго либерализма и молодыхъ, полныхъ энергіи силъ турецкаго народа, ищущихъ сближенія съ западною Европой, дабы путемъ заимствованія представительныхъ учрежде-

ній Запада оживить состарившійся государственный организм Турціи и тѣмъ возродить его къ новой жизни. Истинные идеалы «младо-турокъ» были однако далеко не тѣ; но сначала руководящія лица этой партіи успѣшно скрывали ихъ отъ Европы, предоставляя ей восхищаться вновь народившимся вѣяніемъ въ турецкомъ народѣ. «Младо-турки», столь либерально зашищавшіе въ своей газетѣ «Ибретъ» даже парижскую коммуну въ 1871 года, въ сущности были ничто иное, какъ вымазанная европейскими красками маска, которая скрывала за собою крайній магометанскій обликъ со всѣмъ его необузданнымъ фанатизмомъ.

Самая ярая ненависть къ Европѣ, къ цивилизаціи, къ христіанству—вотъ дѣйствительная подкладка «младо-турокъ». Впервые заявили они себя въ 1867 году заговоромъ, направленнымъ преимущественно противъ тогдашняго великаго визиря Аали-паши: цѣлью ихъ было устраненіе отъ власти Аали-паши, искорененіе изъ турецкаго строя всѣхъ вкравшихся въ него нововведеній, возвращеніе къ чисто мусульманскому укладу, уничтоженіе вліянія христіанскаго элемента въ государствѣ—и въ концѣ концовъ нападеніе на Европу. Въ теоріи имъ все казалось возможнымъ, и они добивались немедленнаго осуществленія своихъ плановъ. Быть можетъ и самъ отъявленный противникъ «младо-турокъ», Аали-паша, въ глубинѣ души вполне раздѣлялъ, какъ добрый мусульманинъ, ихъ воззрѣнія, но, какъ дипломатъ, онъ не могъ одобрять ихъ слишкомъ уже откровеннаго и рѣзкаго образа дѣйствій. Какъ бы то ни было, заговоръ былъ открытъ, и самые выдающіеся члены партіи «молодой Турціи» — Али-Суави-эфенди, Кемаль-бей, Тевфикъ-бей, Зія-бей, Мехмедъ-бей, Ахмедъ-

Мидхатъ-бей и нѣкоторые другіе, спасаясь отъ преслѣдованій, бѣжали за границу, откуда они вернулись въ Константинополь лишь послѣ смерти Аали-паши, когда ихъ помиловалъ новый великій визирь, Махмудъ-Недимъ-паша.

Съ теченіемъ времени, истинныя стремленія «младотурокъ» стали высказываться все болѣе и болѣе открыто. Они сочли возможнымъ выступить понемногу уже во всей наготѣ, включивъ въ число своихъ идеаловъ еще одинъ важный принципъ—объединеніе всѣхъ правовѣрныхъ во имя ислама. Одинъ изъ нихъ, Эссадъ-эфенди, издалъ въ 1875 году брошюру подъ заглавіемъ «Объединеніе Ислама», въ которой онъ доказывалъ, что исламъ есть источникъ всякаго образованія и знанія; внѣ его—невѣжество и варварство. Нынѣ настала пора всѣмъ мусульманамъ сплотиться и собрать подъ знаменемъ халифа—знаменемъ истины и правосудія—всѣ страны отъ Марокко до Китая. Всѣ мусульмане по мнѣнію Эсада-эфенди, должны бы сойтись въ меккескомъ святилищѣ и ополчиться на невѣрныхъ христіанъ и язычниковъ. Брошюра эта, переведенная на арабскій языкъ, разошлась по магометанскому міру въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

«Младотурки» были логичны въ своихъ порабительныхъ стремленіяхъ: они прежде всего—горячіе приверженцы своей религіи и убѣжденные ея защитники, а коранъ, какъ извѣстно, не допускаетъ соглашенія между мусульманами и не-мусульманами; онъ знаетъ и узаконяетъ лишь вѣчную борьбу между ними, прекращаемую лишь конечнымъ покореніемъ послѣднихъ или, на время, истощеніемъ первыхъ.

Главный редакторъ журнала «Мухбиръ», Али-Суави-

эфенди, родъ магометанскаго Петра-пустынника, Савонаролы и Мадзини вмѣстѣ, сложившій впоследствіи свою голову въ чераганскомъ бунтѣ, требоваль, уже начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ, конституціи на томъ основаніи, что по коренной догмѣ ислама общественныя дѣла должны зависѣть отъ общественнаго же обсужденія, но при томъ формально оговариваль, что такъ какъ такое обсужденіе устанавливается именно догматомъ ислама, то само собою разумѣется, что не-магометане *не должны* принимать въ немъ участія. Въ то же время онъ печатно доказываль, что допущеніе христіанъ свидѣтелями въ мусульманскихъ судилищахъ—немыслимо. Сдѣланный, по возвращеніи въ Константинополь въ 1876 г., директоромъ лицея въ Галата-Серафъ, Али-Суави началъ свою педагогическую дѣятельности тѣмъ, что выгнать изъ лицея всѣхъ бывшихъ тамъ 95 учениковъ не-турецкой національности, хотя первый же параграфъ лицейскаго устава гласить, что это учебное заведеніе открыто для всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ безъ различія.

Люди, проникнутые подобными воззрѣніями, конечно, могли только съ ненавистью относиться къ правительству, которое вынуждено было прислушиваться къ настояніямъ Европы и недостаточно, по словамъ «младотурокъ», ограждало мусульманъ, а своею безумною расточительностью разоряло окончательно этихъ послѣднихъ. Смѣлыя рѣчи «молодой Турціи», встрѣчали сочувственный отголосокъ не только среди старыхъ мусульманъ-фанатиковъ, отъ всего сердца желавшихъ осуществленія идеаловъ «младотурокъ», бывшихъ ихъ же собственными, но и среди многочисленнаго служилаго сословія, между которымъ недовольство росло пропор-

ціонально нищеть, явившейся слѣдствіемъ какъ оттяжки въ выдачѣ имъ жалованья—имъ его приходилось ждать иногда по 15, 18 мѣсяцевъ—такъ и увольненія ихъ цѣлыми массами отъ службы.

Дѣло въ томъ, что великій визирь Махмудъ-Недимъ-паша думалъ достигъ экономіи въ запутанномъ государственномъ хозяйствѣ Турціи, главнымъ образомъ, путемъ сокращенія штатовъ и урѣзыванія жалованья чиновниковъ. Изъ Эдхема-паши, Джевдета-паши, Сафвета-паши и Кіани-паши составила, подъ громкимъ титуломъ «коммисіи реформъ», настоящая проскрипціонная коммисія, которая еженедѣльно представляла великому визирю списки чиновниковъ подлежащихъ отрѣшенію. Увольняли всѣхъ—виновныхъ и невинныхъ, придираясь ко всякому случаю; ябедничеству и доносамъ данъ былъ самый широкій просторъ. Но все это дѣлалось чисто по-турецки: мелкимъ чиновникамъ содержаніе было понижено на 40, 50 и даже 60%; нѣкоторымъ же крупнымъ пашамъ, напротивъ безъ всякой особой нужды, увеличено. Хищенія и взятки сановниковъ процвѣтали по прежнему. Требованія денегъ самимъ султаномъ нисколько не уменьшались въ виду пустоты государственнаго сундука, а наоборотъ изо дня въ день увеличивались. Расточительность Абдуль-Азиза въ послѣдніе годы его царствованія дошла, дѣйствительно, до геркулесовыхъ столповъ, непростительныхъ въ особенности при всеобщей нищетѣ народа. Дворцы строились и перестраивались безъ конца: въ чераганскомъ саду была воздвигнута громадная оранжерея, вся изъ желѣза и стекла, по образцу знаменитаго англійскаго Хрустальнаго дворца; въ нее впущены были тысячи разныхъ птицъ. Едва успѣли ее выстроить, какъ

султанъ нашелъ, что птицы слишкомъ шумять, а стекла оранжереи, накаляясь въ теченіи дня, слишкомъ нагрѣваются сосѣдній съ нею дворецъ и мѣшаютъ спать султану, а потому, оранжерея была немедленно же сломана. Самъ чераганскій дворецъ поглотившій чудовищныя суммы, не долго служилъ резиденціей Абдуль-Азиза: однажды подъ вечеръ, султанъ замѣтилъ, что на крышѣ дворца сидитъ сова. Этого было вполне достаточно, чтобы истолковали появленіе ночной птицы какъ дурное предзнаменованіе для самого султана—дворецъ былъ тотчасъ же покинутъ и дворъ переѣхалъ въ Дольма-багче. Впрочемъ на этотъ разъ дѣйствительно сова оказалась вѣщей птицей: предчувствіе Абдуль-Азиза не обмануло его, и въ этомъ самомъ чераганскомъ дворцѣ застигла его потомъ ужасная смерть.

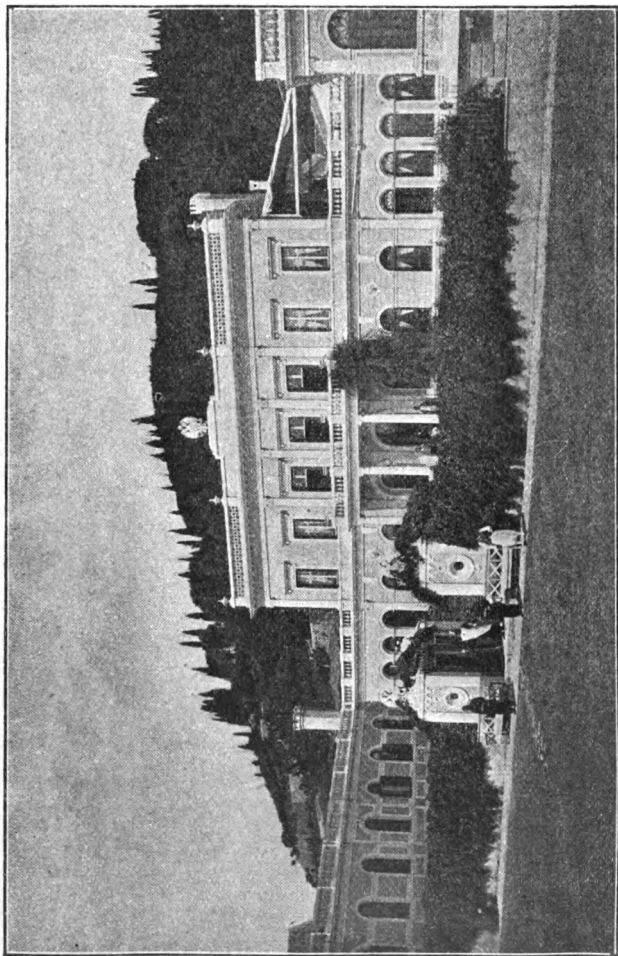
Груды денегъ тратились также на содержаніе мечетей, и лишь низложеніе Абдуль-Азиза помѣшало осуществленію проекта постройки громаднѣйшей мечети на высотахъ близъ Дольма-багче, стоимость которой опредѣлена была смѣтою въ 800.000 турецкихъ лиръ (около 6 милліоновъ рублей).

Немудрено, что, сопоставляя подобныя траты государственныхъ денегъ на неоправдываемыя ничѣмъ надобности—съ общимъ обнищаніемъ, всѣ классы турецкаго общества, страдавшіе отъ такого положенія дѣлъ, не могли не испытывать чувства горькаго недовольства и съ жадностью прислушивались къ рѣчамъ тѣхъ, кто сулилъ имъ возможность хотя какой-либо перемѣны. Такимъ настроеніемъ народа не замедлили воспользоваться люди, съ своекорыстными цѣлями добивавшіеся власти, какъ напр. пресловутый Мидхатъ-паша, Халиль-Шерифъ-паша, Дервишъ-паша, Велн-паша, Риза-бей,

Зія-бей, Эминъ-бей и др. Люди эти поняли, что одно лишь сословіе улемовъ (мусульманскихъ законниковъ) обладаетъ достаточнымъ нравственнымъ вліяніемъ, чтобы помочь имъ эксплуатировать общее народное недовольство и извлечь изъ него, говоря именемъ всего народа, тѣ результаты, къ которымъ были направлены всѣ усилія вышеназванныхъ честолюбцевъ, прикрывавшихся соображеніями якобы государственной пользы. Къ сдѣланнымъ имъ въ этомъ смыслѣ предложеніямъ улемы, представляющіе изъ себя, такъ сказать, мусульманскую интеллигенцію, отнеслись сочувственно, будучи очень довольны предоставляемою имъ ролью спасителей отечества. Безъ опасенія ошибиться можно сказать, что съ самой осени 1875 года, весь Стамбуль представлялъ изъ себя одинъ обширный заговоръ: совѣщаніе заговорщиковъ происходило въ *медресе* (школахъ при мечетяхъ), въ кофейняхъ, даже въ канцеляріяхъ разныхъ правительственныхъ учрежденій; заговоръ развивался на глазахъ самого правительства, и участвовавшіе въ немъ не принимали почти никакихъ предосторожностей, какъ бы вполне увѣренные въ своей полной безнаказанности. Виня во всемъ и прежде всего самого султана, общій гласъ народа видѣлъ исходъ изъ невыносимаго положенія—въ ограниченіи правъ султанской власти.

Исходя изъ такого воззрѣнія, участвовавшіе въ заговорѣ морскіе офицеры хотѣли воспользоваться посѣщеніемъ султана на только-что прибывшій въ Босфоръ и построенный въ Англии броненосный фрегатъ «Мас-судіа», чтобы попытаться захватить Абдуль-Азиза въ плѣнъ и заставить его подписать нѣкоторыя условія ограничивающія его власть. Предувѣдомленный кѣмъ то заранѣе, султанъ уклонился отъ визита на бронено-

Дворецъ русскаго посольства въ Буюклере.

сецъ, которымъ онъ передъ тѣмъ такъ интересовался, и прибытія котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Попытка заговорщиковъ на этотъ разъ не имѣла успѣха.

Ухудшеніе финансоваго положенія, въ связи съ продолжавшимися затрудненіями въ Герцогвинѣ, могли только усилить волненіе. Оно въ особенности проявилось въ февралѣ 1876 года, во время опасной болѣзни Абдуль-Азиза, когда всѣ ожидали его смерти и надѣялись на перемѣну къ лучшему при его преемникѣ. Но султанъ выздоровѣлъ, и надежды всѣхъ были обмануты. Тогда-то партія «молодой Турціи», руководство которою переходило все болѣе и болѣе къ Мидхату-пашѣ, рѣшила выступить болѣе активнымъ образомъ съ своими требованіями объ измѣненіи вѣками сложившихся основъ государственнаго устройства Турціи путемъ дарованія турецкому народу особой конституціи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ былъ разосланъ государственнымъ людямъ разныхъ государствъ, (за исключеніемъ Россіи и Австріи), анонимный «манифестъ мусульманскихъ патріотовъ», приписываемый Мидхату-пашѣ, Халиль-Шерифу-пашѣ и армянину Одіану-эфенди. Манифестъ этотъ, помѣченный 9-мъ марта 1876 г., былъ посланъ Дизраэли—лорду Биконсфильду, лорду Дерби, лорду Гренвилю, маршалу Макъ-Магону, Тьеру, Гамбеттѣ, князю Бисмарку и итальянскому министру иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста. Въ немъ выражалось убѣжденіе, что стоитъ лишь Турціи облечься въ европейскій либерально-политическій костюмъ, ограничить деспотическую власть султана, благодаря которой онъ самъ былъ лишь игрушкой въ рукахъ придворныхъ партій, созвать палату изъ представителей всѣхъ племенъ и исповѣданій, и тогда не только прекратится

внутреннее неустройство оттоманскаго государства, но оно «безъ труда займетъ принадлежащее ему въ Европѣ, по плодородности его пѣчвы, видное мѣсто». Но манифестъ указывалъ также, что выработанная графомъ Андраши, по порученію европейскихъ державъ, нота о необходимости въ Босніи реформъ по отношенію къ мѣстнымъ христіанамъ доведетъ мусульманъ до отчаянія, такъ какъ они никогда не смогутъ понять, чтобы Европа — этотъ очагъ цивилизаціи,—могла требовать исключительныхъ правъ для одной только части турецкаго населенія и притомъ въ ущербъ остальнымъ народамъ Турціи. Всѣ бѣды происходятъ исключительно «отъ системы управленія и отъ деспотизма султана,—дѣло перемѣнилось бы, еслибы въ Турціи была палата народныхъ представителей, что не только не противорѣчить правиламъ корана, но напротивъ, вполне съ ними согласуется». Обрисовавъ жалкое состояніе, въ которомъ находится Турція, благодаря деспотическому правительству, манифестъ говорилъ, что существуетъ лишь одинъ выходъ изъ такого невыносимаго положенія: «пусть европейскія державы прикажутъ своимъ представителямъ въ Константинополѣ войти въ искреннее соглашеніе съ людьми, составляющими ту энергическую, но въ то же время умѣренную партію, во главѣ которой стоитъ Мидхатъ-паша и многіе другіе, не столь извѣстные, какъ этотъ послѣдній, но столь же, какъ и онъ, просвѣщенные и мужественные,—и тогда все быстро перемѣнится. Если державы не могутъ согласиться по этому поводу относительно коллективнаго дѣйствія, то поддержки со стороны одного вашего посла будетъ достаточно, чтобы дать намъ ту нравственную опору, въ которой мы нуждаемся. Быть мо-

жетъ, намъ удастся обойтись и безъ низложенія нынѣшняго султана, обуздавъ лишь его безумный деспотизмъ. Въ такомъ случаѣ у насъ быстро были бы введены учрежденія, способныя уравновѣсить неограниченную власть султана, изъ которой онъ дѣлаетъ такое печальное употребленіе, и тогда для нашей страны настала бы пора спокойствія и возрожденія».

Такимъ образомъ, возставая противъ вмѣшательства Европы во внутреннія дѣла Турціи вообще, мусульманскіе «патріоты» сами какъ будто упрасивали, чтобы иностранные представители въ Константинополь могли имъ расправиться съ султаномъ.

Подъ вліяніемъ улемовъ, пропаганда о необходимости государственнаго переворота нашла себѣ наиболѣе благопріятную почву между мусульманскою учащеюся молодежью, *софтами*, т.-е. учениками духовныхъ заведеній (нѣчто въ родѣ нашихъ семинаристовъ), всегда отзывчивыхъ въ Турціи на всякаго рода агитацію, и которыхъ убѣдили въ томъ, что они призваны явиться спасителями отчизны. Сначала софты рассчитывали на открытую поддержку ихъ со стороны турецкой арміи. Когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1876 года они къ прискорбію своему убѣдились, что на войска имъ надѣяться нечего, тогда они рѣшили совершенно устранить военный элементъ, а вооружиться самимъ, чтобы произвести революцію исключительно во имя соціальныхъ началъ. Тогда-то произошли массовыя покупки софтами оружія на всѣхъ константинопольскихъ базарахъ, такъ напугавшія жителей европейскаго квартала Константинополя—Перы. Деньги софтамъ на покупку оружія были доставлены членомъ англійскаго парламента, рѣшительнымъ туркофиломъ; восхищавшимся неистовствами баши-

бузуковъ въ Болгаріи—Джонсономъ (Butler Johnson). Изъ Лондона же были, какъ говорятъ, присланы на пароходѣ одной англо-греческой компаніи ружья и револьверы, розданные приверженцамъ Мидхата. Что сказала бы Европа, если бы Россія позволила себѣ такими же способами поддерживать христіанское возстаніе въ Константинополѣ?

Движеніе, созданное «молодою Турціею» и партіею мусульманъ-фанатиковъ и направленное къ ограниченію деспотизма султана, обратилось прежде всего противъ великаго визиря, Махмудъ-Недима-паши. Его упрекали въ излишней уступчивости предъ Европой, навязавшей свои условія умиротворенія мятежныхъ подданныхъ султана въ Герцеговинѣ. Уступки христіанамъ глубоко оскорбляли самолюбіе турокъ и безъ того уже негодовавшихъ на то, что имъ не позволили расправиться съ Сербіей и Черногоріей. Махмудъ—паша, при своемъ гордомъ характерѣ, не хотѣлъ видѣть опасности и, въ виду общности его интересовъ съ султанскими, былъ увѣренъ, что Абдуль-Азизъ его не выдастъ.

Но число недовольныхъ увеличивалось, мусульманскій фанатизмъ разгорался все болѣе и болѣе, а политическіе противники Махмуда раздували пламя и возбуждали софты, выставляя ихъ истинными патриотами.

Новую пищу мусульманскому фанатизму дало происшедшее въ то время злодѣяніе—убійство французскаго и германскаго консуловъ въ Солунѣ. Оно произошло при обстоятельствахъ, нѣсколько напоминающихъ трагическую смерть Грибоѣдова въ Тегеранѣ.

Въ деревнѣ Богданца, близъ Солуни, люди, посланные однимъ изъ мѣстныхъ богачей, Эминъ-беемъ, похитили 21-го апрѣля девятнадцати-лѣтнюю болгарскую

Султанъ Абдуль-Азизъ.

дѣвушку, Стефану, когда она брала воду у источника. Похищенная красавица, стройная брюнетка, провела въ гаремѣ Эминъ-бея три дня, и ее уговорили принять исламъ. Такъ какъ по правиламъ, установленнымъ въ Турціи для желающихъ переимѣнить религію, необходимо, чтобы вѣроотступникъ сдѣлалъ лично заявленіе мѣстнымъ властямъ о своемъ переходѣ въ мусульманство, то и Стефана—для исполненія этой формальности—была привезена, уже одѣтая въ турецкій костюмъ и въ сопровожденіи негритянокъ, на желѣзнодорожную станцію Карасули, чтобы съ первымъ же поѣздомъ отправиться въ Солунь. Тутъ съ ней повстрѣчалась ея мать, начавшая уговаривать дочь не отступать отъ родной религіи. Стефана упорствовала—мать не отставала отъ нея и съ тѣмъ же поѣздомъ отправилась въ Солунь. Тамъ на станціи была масса народу, такъ какъ это было 23-го апрѣля—столь популярный у грековъ праздникъ св. Георгія. Плачущая мать Стефаны обратилась къ собравшимся тутъ христіанамъ, рассказала имъ исторію ея дочери и умоляла спасти ее отъ ту-роковъ. Христіане напали тогда на провожатыхъ Стефаны; за послѣднихъ заступились бывшіе на станціи мусульмане, произошла общая свалка; но такъ какъ христіане были многочисленнѣе, то они отбили дѣвушку, сорвали съ нея *лимакъ* (вуаль) и *ферадже* (верхнюю одежду турецкихъ женщинъ), и въ каретѣ американскаго консула, Хаджи Лазаро, случайно тутъ бывшей, отвезли ее въ американское консульство.

Въ тотъ же день, для совѣщанія по поводу происшествія на желѣзнодорожной станціи, старшій *имамъ* (священникъ) созвалъ въ мечети сходку, на которой, среди неистовыхъ воплей фанатиковъ, было рѣшено

завладѣть отбитою дѣвушкою. На слѣдующій день, 24-го апрѣля, депутація мусульманъ явилась къ солунскому генераль-губернатору съ требованіемъ возвратить имъ Стефану. Генераль-губернаторъ, Мехмедъ-Реефеть-паша, тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ американское консульство, но тамъ отвѣтили, что дѣвушки уже болѣе нѣтъ въ консульствѣ. Тѣмъ временемъ, въ мечети Саатли-Джами происходила вторая сходка, которая рѣшила, что всеѣмъ мусульманамъ надлежитъ вооружиться. Глашатаи были посланы по городу и призывали по всеѣмъ улицамъ народъ вооружиться чѣмъ попало; муэzzинъ съ минарета также не переставалъ распалять толпу.

Тѣ, кто хотя немного знаютъ Востокъ, гдѣ борьба изъ-за вопросовъ, касающихся религіи, способна довести до крайняго озлобленія взаимныя отношенія между постоянно и безъ того соперничающими народностями разныхъ вѣроисповѣданій—тѣ легко поймутъ необычайное волненіе охватившее обывателей Солуни, когда по городу разнеслась мало вѣроятная вѣсть, что христіане похитили дѣвушку, уже перешедшую въ мусульманство.

Каждый изъ турокъ имѣетъ въ сердцѣ своемъ зерно фанатизма, каждый изъ нихъ слишкомъ проникнуть сознаниемъ своего превосходства надъ побѣжденною народностью—христіанъ, чтобы на одно даже мгновеніе допустить мысль, что эти самые христіане могли бы осмѣлиться похищеніемъ новообращенной мусульманки, нанести такое неслыханное оскорбленіе религіи Магомета, или что, разъ такое оскорбленіе было нанесено, оскорбители могли бы избѣжать наказанія, достойнаго содѣяннаго ими, съ точки зрѣнія мусульманъ, преступленія.

Христіане, въ свою очередь, были точно также возбуждены, тѣмъ болѣе что они были убѣждены въ полной правотѣ своихъ дѣйствій и защищаемаго ими дѣла. Стефана была христіанкой отъ рожденія и сдѣлалась жертвою мусульманъ, которые обошли ее, сманивъ ее измѣнить своей родной вѣрѣ. Слѣдовательно, долгомъ каждаго православнаго являлось защищать всѣми завистѣвшими отъ него средствами овечку, которую злые Агаряне стремились отдѣлать отъ Христова стада.

Но была и существенная разница въ образѣ дѣйствій христіанъ и мусульманъ. Въ то время какъ первые только *разсуждали* какія бы принять мѣры, чтобы не выпустить изъ своихъ рукъ самый предметъ раздора—мусульмане *дѣйствовали*, пользуясь, въ особенности, вялостью мѣстныхъ властей, давшихъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, явное доказательство своей полной неспособности.

Вооружившіеся мусульмане, по преимуществу торговцы, заперевъ свои лавки, устремились къ конаку (губернаторскій домъ) и съ громкими криками требовали выдачи дѣвушки. При продолжающейся растерянности мѣстныхъ властей, толпа росла ежеминутно и затѣмъ снова собралась на совѣщаніе въ мечети Саатли. Проходившіе въ то время случайно мимо германскій консуль, Абботъ, и французскій, Муленъ, втащены были фанатиками въ мечеть и заперты тамъ въ комнаткѣ. Освѣдомившись объ арестѣ консуловъ, генераль-губернаторъ тотчасъ же прибыль въ мечеть, извинился передъ консулами за ихъ заключеніе и просилъ ихъ употребить все вліяніе къ тому, чтобы добиться скорѣйшей выдачи Стефаны. Абботъ послалъ письмо

въ желаемомъ смыслѣ къ своему брату, а въ виду нетерпѣнія толпы—отправилъ ему вскорѣ затѣмъ и второе письмо.

Все, однако, было напрасно. Бѣсновашіеся фанатики взломали двери и окна комнатки, гдѣ находились консула вмѣстѣ съ генераль-губернаторомъ, начальникомъ полиціи и членами *меджлиса* (управительнаго совѣта), и ринувшись, какъ дикіе звѣри, на несчастныхъ, безоружныхъ консуловъ, умертвили ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Французскому консулу было нанесено шестнадцать ранъ въ различныхъ мѣстахъ тѣла,—германскій былъ искрошенъ до того, что его невозможно было потомъ распознать. Эта злодѣйская бойня произошла на глазахъ у всѣхъ городскихъ властей Солуни, выказавшихъ при этомъ самую преступную слабость, и ни одна мужественная рука не поднялась на защиту несчастныхъ жертвъ.

Видя, что Стефаны все нѣтъ, остервенившіеся мусульмане густою толпою двинулись, со знаменами впереди, къ американскому консульству, съ твердымъ намѣреніемъ перерѣзать всѣхъ въ немъ живущихъ. Но въ это время кавасъ англійскаго генеральнаго консульства открылъ убѣжище Стефаны, гдѣ она скрывалась, по уходѣ отъ Хаджи-Лазаро, и привелъ ее къ шедшей къ американскому консульству толпѣ фанатиковъ, что и предотвратило дальнѣйшія убійства.

Извѣстіе объ этомъ злодѣйствѣ произвело панпку въ Перѣ, гдѣ стали опасаться, какъ бы стамбульскіе фанатики не захотѣли послѣдовать примѣру, поданному ихъ солунскими собратьями: и дѣйствительно, среди улемовъ и софть замѣтно было скорѣе сочувственное отношеніе къ образу дѣйствій солунскихъ убійць; софты считали

Любимая жена султана Абдуль-Азиса.

это убійство справедливымъ возмездіемъ за оскорбленіе мусульманской религіи, выразившееся въ похищеніи новообращенной.

Германія и Франція потребовали немедленнаго удовлетворенія и примѣрнаго наказанія виновныхъ. Въ-стѣ съ турецкою слѣдственной комиссіею въ Солунь были отправлены чрезвычайные комиссары — германскій Жиллетъ и французскій Роберъ. Хорошее впечатлѣніе на ходъ слѣдствія было произведено сосредоточеніемъ на солунскомъ рейдѣ иностранныхъ военныхъ судовъ — турецкое правительство усмотрѣло въ этомъ выраженіе солидарности, которая соединяетъ европейскіе Державы между собою, какъ только дѣло идетъ о важномъ вопросѣ, представляющемъ жизненный интересъ для каждой изъ нихъ.

Оттоманская Порта вообще избалована выгодами положенія, притекающими для нея отъ разности интересовъ, преслѣдуемыхъ Державами на Балканскомъ полуостровѣ и, какъ слѣдствіе того, отъ трудности согласить между собою Державы лишь только заходить рѣчь о примѣненіи къ Турціи какой либо общей мѣры.

Сила Блистательной Порты была и всегда будетъ основана на взаимномъ соперничествѣ европейскихъ Державъ, которыя, на зыбкой почвѣ Константинополя, лишь съ большимъ трудомъ договариваются до необходимости совмѣстныхъ дѣйствій.

Съ другой стороны, какъ только Порта убѣждается въ томъ, что по извѣстному вопросу между Державами установилось единодушное и чистосердечное соглашеніе — результатъ получается неизмѣнно одинакій: она спѣшитъ всячески сообразоваться съ волею Европы.

По отношенію къ преступленію столь чудовищному,

какъ Солунское, нельзя было предвидѣть возникновенія, какого либо разногласія между Державами. Всѣ онѣ въ равной мѣрѣ были заинтересованы не допускать дальнѣйшаго усиленія мусульманскаго фанатизма—нашедшаго себѣ столь яркое выраженіе въ Солунскомъ злодѣйствѣ—всѣ онѣ были заинтересованы, чтобы, принимавшіе участіе въ убійствахъ, были примѣрно наказаны и дабы казнью ихъ была предотвращена возможность повторенія такихъ же насилій въ другихъ частяхъ оттоманской имперіи.

А, потому, морская демонстрація предъ Солунью возымѣла и на этотъ разъ свое полное дѣйствіе и Порты, послѣ немногихъ обычныхъ колебаній, безъ которыхъ обойтись она все-таки не можетъ, уступила по всѣмъ пунктамъ.

Шесть главныхъ, по предположенію, убійць были повѣшены въ маѣ мѣсяцѣ на самой набережной. Нѣкоторые, однако, утверждаютъ, что казненные никакого участія въ убійствѣ не принимали, а что это были обыкновенные преступники албанцы и цыгане, сидѣвшіе, тою порою, въ мѣстной тюрьмѣ и потому попавшіеся подъ руку. Генераль-губернаторъ былъ приговоренъ къ годичному заключенію въ тюрьмѣ, трое изъ высшихъ офицеровъ—къ разжалованію, при томъ жандармскій полковникъ Селимъ-бей къ 15-лѣтнему заключенію въ крѣпости на островѣ Родосѣ, гдѣ онъ и умеръ; комендантъ солунской крѣпости и командиръ, бывшаго на рейдѣ военнаго судна—къ тюремному заключенію, первый на 10, а второй на 5 лѣтъ, и одинъ изъ мусульманскихъ членовъ меджлиса—къ заключенію на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Лишь въ концѣ іюля мѣсяца, и то послѣ угрозъ пословъ

французскаго и германскаго, Порта согласилась исполнить остальные требованія ихъ правительствъ, а именно особою нотою къ обоимъ посламъ Порта обязалась не назначать болѣе никуда Мехмедъ-Реефета-пашу и привести въ исполненіе въ Солунской крѣпости обрядъ разжалованія надъ офицерами, признанными виновными. Въ то же время банкиръ Зарифи далъ Портѣ деньги, необходимыя на уплату вознагражденія вдовамъ убитыхъ: г-жѣ Мулень, какъ имѣвшей дѣтей, 600,000 франковъ, и г-жѣ Абботъ—400.000 франковъ. Два векселя на эти суммы были выданы графу Бургоэну и барону Вертеру.

Невольная виновница убійства консуловъ, Стефана, была отправлена генераль-губернаторомъ въ Константинополь, во вселенскую патріархію для допроса (*истинтака*), дѣйствительно ли она желаетъ сдѣлаться мусульманкой. Однако патріархія, напуганная всѣмъ уже происшедшимъ изъ-за Стефаны, безъ всякихъ разговоровъ, какъ говорятъ нѣкоторые,—не будучи въ состояніи преодолѣть упорства Стефаны,—отдала ее похитителю, Эминъ-бею, съ которымъ она и живетъ въ настоящее время въ Малой Азіи.

Происходившее въ концѣ апрѣля 1876 года въ Стамбулѣ волненіе усилилось подъ вліяніемъ писемъ съ театра войны, полученныхъ софтами изъ уроженцевъ Босніи и Герцеговины: письма эти повѣствовали о неудачахъ турецкихъ войскъ, о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ тамошними мусульманами. Шумными толпами стали софты собираться въ оградахъ мечетей Сулейманіэ, Баязидіэ и въ особенности Мехмедіэ и требовали, чтобы ихъ отправили противъ инсургентовъ. Вожаки ихъ совѣщались тѣмъ временемъ съ однимъ изъ поль-

зовавшихся тогда популярностью имамовъ—Хайрулла-эфенди и съ эмиссарами Мидхата и Халиль-Шерифа пашей, насчетъ реформъ, которыя были бы необходимы. Но, несмотря на то, что все было подготовлено къ открытому возстанію, день, въ который оно должно было вспыхнуть, не былъ назначенъ.

Случайное обстоятельство ускорило взрывъ.

Улемы уже давно были недовольны своимъ главою Шейхъ-уль-исламомъ. Его упрекали въ жадности и въ разныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ: особенное же неудовольствіе сословія законниковъ было вызвано, когда, въ видахъ государственной экономіи, онъ измѣнилъ прежній законъ о пенсіяхъ улемовъ, причемъ вмѣсто прежняго 15-лѣтняго срока выслуги на пенсію былъ установленъ срокъ двадцатилѣтній; равнымъ образомъ и довольствіе натурою (паекъ), отпускаемое *ходжамъ* (учителямъ), было также сокращено на половину. Ходжа училища при мечети Мехмедіэ былъ первымъ, къ которому пришлось примѣнить новый пенсіонный уставъ. Въ знакъ протеста, ходжа опрокинулъ свой складной столикъ, что по значенію своему одинаково съ опрокидываніемъ въ прежнее время янычарскихъ котловъ, какъ знакъ недовольства правительствомъ. За ходжей вышли изъ училища (медресе) сначала лишь собственные его ученики въ количествѣ 250 человекъ. Вѣсть о происшествіи быстро распространилась по Стамбулу, и въ результатѣ оказалось прекращеніе лекцій во всѣхъ медресе. Къ первоначально вышедшимъ на улицу софтамъ присоединились ходжи и софты другихъ мечетей, и менѣе чѣмъ въ часъ времени на площади Баязида собралось до 5.000 человекъ, сбѣжавшихся въ полной увѣренности, что насталъ день для давно ожидаемой

сходки, на которой народъ долженъ былъ высказать свою волю. Пользуясь удобнымъ случаемъ, толпа разбила всю подвижность въ домѣ шейхъ-уль-ислама; самъ шейхъ-уль-исламъ, Хасанъ-эфенди, поспѣшилъ скрыться изъ своего дома, а настоящіе главы заговора все еще не знали ничего о происходившемъ.

Проѣзжавшій въ это время въ военное министерство *сераскиръ* (военный министр) подъѣхалъ къ толпѣ и вошелъ съ нею въ переговоры. Шейхъ Махмудъ-эфенди, отъ имени всего сборища, высказалъ ему, что софты и ходжи не довѣряютъ болѣе шейхъ-уль-исламу и великому визирю—измѣнникамъ странѣ и религіи, и желаютъ, чтобы ихъ воля была передана султану. Сераскиръ подозвалъ къ себѣ, случайно бывшаго въ военномъ министерствѣ, султанскаго адъютанта и повторилъ ему—для сообщенія султану — заявленія толпы.

Послѣ этого софты удалились въ мечеть Ахмедіа, гдѣ и начали открыто совѣщаться, какъ о цѣли, которую слѣдуетъ теперь имѣть въ виду, такъ и о средствахъ, какъ ее достигнуть. Уже слышались голоса о необходимости низложенія султана, какъ получено было извѣстіе о готовности правительства смѣнить шейхъ-уль-ислама.

Софты разсѣялись по городу, и тогда лишь начали свои совѣщанія истинные вожаки движенія. Улемы прямо заявили, что не хотятъ конституціи и желаютъ лишь обезпеченія преимуществъ за мусульманами, избавленія отъ европейской опеки, а также, чтобы, во-первыхъ были объявлены совершенно уничтоженными всѣ тѣ неразумныя уступки, которыя были сдѣланы христіанамъ со времени гюльханейскаго хатти-шерифа и, во-вторыхъ, чтобы весь административный строй

Турці быль преобразованъ въ старомъ строго мусульманскомъ духѣ. Предводители партій рѣшили недовольствоваться одною смѣною великаго визиря, а низложить самого султана; для назначенія же ему премника вернуться къ прежнему выборному началу, избравъ халифомъ того изъ принцевъ Османова рода, который для управленія государствомъ приметъ систему, основанную исключительно на принципахъ ислама.

Не взирая на разгоравшееся пламя народнаго недовольства, Махмудъ-Недимъ-паша, вмѣсто мѣръ энергичныхъ, которыя однѣ могли спасти его и султана, продолжалъ дѣйствовать весьма вяло и нерѣшительно, какъ бы заранѣе отдаваясь на произволь грядущей волнѣ событій. Съ другой стороны, повидимому, онъ сознавалъ, что не могъ рассчитывать ни на кого: всѣ обстоятельства слагались противъ великаго визиря и облегчали задачу его полптическихъ враговъ.

Послѣ солунской катастрофы, паника въ Перѣ все усиливалась. Иностранные подданные подали своимъ посламъ прошенія о принятіи мѣръ къ ихъ защитѣ. Они указывали, что не только ихъ имущество, но и жизнь въ опасности, такъ какъ мусульманская чернь опустошила уже всѣ оружейныя лавки, покупая себѣ оружіе, и дѣлается все враждебнѣе по отношенію къ христіанамъ, положеніе которыхъ тѣмъ болѣе опасно, что турецкія войска далеко не надежны. Затѣмъ, приводились слѣдующіе факты: софты въ броженіи; мусульмане приписываютъ упадокъ Турціи европейскому вліянію и тому, что сами мусульмане забыли коранъ; софты, по слухамъ, имѣютъ намѣреніе сжечь Перу, чтобы, пользуясь замѣшательствомъ, вырѣзать христіанъ, доведшихъ турокъ до нищеты. Въ виду этого и христіане, въ свою

очередь, вооружаются. Турки и христіане стоятъ другъ противъ друга, какъ два военныхъ лагеря, и малѣйшая искра можетъ вызвать страшный взрывъ народныхъ страстей и ужасныя убійства.

Множество семействъ, дѣйствительно, уѣхало тогда изъ Константинополя. Пароходы, отправлявшіеся въ Россію, въ Грецію, во Францію, каждый день были переполнены бѣгущими; болѣе отважные оставались, но отсылали за границу свои капиталы и драгоцѣнныя вещи.

Подъ давленіемъ иностранныхъ пословъ, великій визирь воспретилъ дальнѣйшую продажу оружія, велѣлъ на ночь разводить мосты на Золотомъ-Рогѣ и полиціи быть особенно бдительною въ христіанскихъ кварталахъ. Въ то же время онъ распорядился, чтобы по ночамъ у стамбульскаго берега Золотого-Рога не было ни каяковъ, ни вообще какихъ-либо перевозочныхъ судовъ. Такимъ образомъ софты были на ночь совершенно отрѣзаны отъ христіанскихъ кварталовъ Перы и Галаты, такъ какъ, въ случаѣ желанія ихъ двинуться туда во что бы то ни стало, имъ оставался лишь сухопутный, кружной путь чрезъ Кяатъ-Хане (европейскія Сладкія Воды), протяженіемъ въ нѣсколько верстъ, чрезъ что власти имѣли возможность своевременно перехватить наступленіе толпы фанатиковъ.

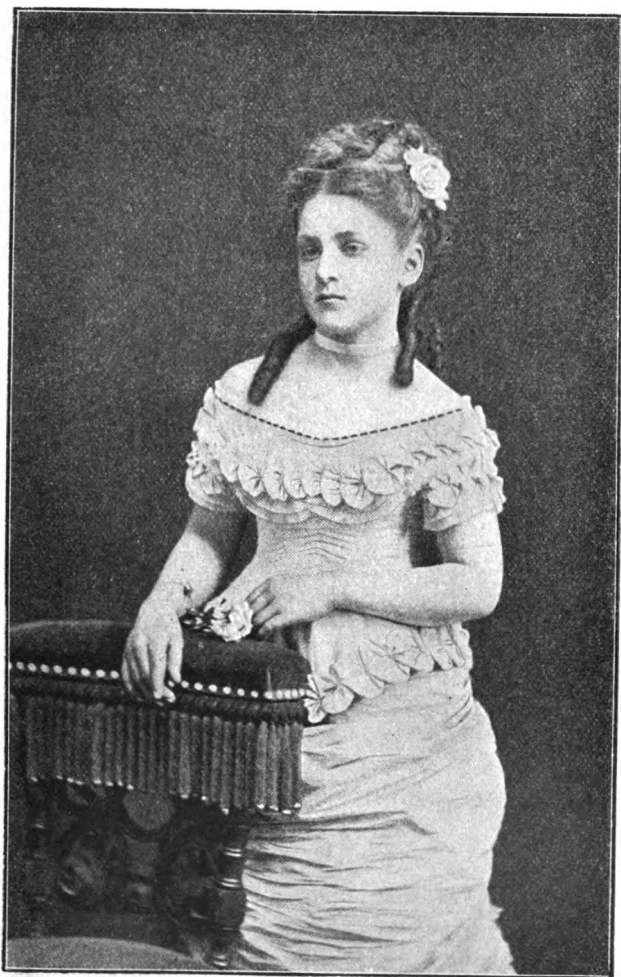
28-го апрѣля было многочисленное собраніе софтъ въ мечети Фатхіэ: туда отправился министръ полиціи, чтобы освѣдомиться о причинахъ волненія. Ему отвѣтили, что они ищутъ средство спасти отечество, для чего прежде всего необходимо смѣнить великаго визиря. Затѣмъ двѣсти человекъ изъ софтъ отправились къ Ильдызъ-Кіоску. Султанъ завидѣлъ ихъ и послалъ

спросить, что они хотятъ. Софты отвѣчали, что просятъ позволенія и средствъ отправиться драться противъ мятежниковъ и въ то же время подать просьбу о необходимости увольненія шейхъ-уль-ислама и великаго визиря, своею уступчивостью иностранцамъ, ведущихъ государство къ гибели. Абдуль-Азизъ велѣлъ тогда софтамъ прислать къ нему своихъ начальниковъ. „Мы всѣ начальники“,—былъ ихъ отвѣтъ, и никто не пошелъ во дворець.

Ночью софты возобновили свои совѣщанія. Во дворцѣ же въ то время султанша-валидэ (мать Абдуль-Азиза) умоляла сына уступить требованіямъ толпы. На другой день, 29-го апрѣля, султанъ еще разъ попробовалъ склонить софтъ, собравшихся въ мечети Сулейманіэ, прислать къ нему депутатовъ для изложенія своихъ желаній. Въ виду ихъ новаго, рѣшительнаго отказа, султанъ имѣлъ слабость уступить и, отобравъ государственную печать отъ Махмудъ-Недима-пашѣ, передалъ ее Мехмеду-Рушди-пашѣ, къ великому разочарованію вожаковъ движенія и англичанъ, надѣявшихся, что на вакансію великаго визиря будетъ призванъ Мидхатъ-паша. Хайрулла-эфендіи былъ назначенъ шейхъ-уль-исламомъ, а Хусейнъ-Авни-паша — военнымъ министромъ.

День 29-го апрѣля 1876 года было днемъ наибольшей паники за весь періодъ такъ-называемаго константинопольскаго „смутнаго времени“.

Напуганные солунскою рѣзней и постепенно разгоравшимся пламенемъ вражды турокъ ко всѣмъ христіанамъ,—вражды, которая ежеминутно могла разразиться кровавыми сценами, видя, наконецъ, безспіе властей смирить броженіе софтъ, отваживавшихся прямо ета-

Невристанъ ханымъ послѣдняя одалиска султана
Абдуль-Азиза.

вить султану свои требованія,—христіане Перы имѣли основаніе опасаться съ часу на часъ взрыва мусульманскаго фанатизма и поѣтому, въ свою очередь, приняли нѣкоторыя необходимыя мѣры защиты собственными средствами, тѣмъ болѣе, что высшая административная власть отсутствовала: въ теченіе 24 часовъ, т.-е. въ промежутокъ между отставкою Махмудъ-Недима и назначеніемъ Мехмеда-Рушди, у Турціи не было великаго визиря, и, слѣдовательно, вся администрація была какъ бы безъ головы. Болѣе осторожные христіане заготовили даже необходимыя запасы на случай осады ихъ баррикадированныхъ домовъ. Вооруженные софты бродили по улицамъ. Какъ это всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, досужіе языки распространяли самые фантастическіе рассказы о намѣреніяхъ и средствахъ софтъ, утверждая, что поголовное избіеніе христіанъ назначено именно на полночь 29-го апрѣля, и что сигналомъ къ тому послужить пожаръ въ одномъ изъ христіанскихъ кварталовъ Константинополя.

Общественное мнѣніе было сильно удручено постояннымъ ожиданіемъ всякихъ страстей и полагало, что подобное состояніе анархіи въ столь важномъ торговомъ и политическомъ пунктѣ, какъ Константинополь, могло быть измѣнено лишь вооруженнымъ вмѣшательствомъ Европы, которая должна бы прислать сюда свой флотъ, а Россія—нѣсколько пѣхотныхъ полковъ. Мысль эта находила сторонниковъ даже между нѣкоторыми западно-европейскими дипломатами.

Встревоженные всѣмъ происходившимъ, иностранные послы, чтобы обсудить положеніе дѣлъ, собрались у русскаго посла генерала Игнатьева, какъ тогдашняго декана дипломатическаго корпуса. Эллиотъ не мало уди-

виль всѣхъ собравшихся сообщеніемъ, что онъ уже вытребовалъ англійскую эскадру въ Безику, очевидно питая надежду, что англійскія суда, какъ ближайшія, скорѣе другихъ могли бы быть приглашены явиться для успокоенія константинопольскихъ христіанъ. Имѣя же своихъ броненосцевъ въ Босфорѣ, Англія тѣмъ самымъ пріобрѣтала преобладающее вліяніе на Порту и легко могла добиться назначенія великимъ визиремъ своего сторонника Мидхата или Халиль-шерифа-пашей. Генераль Игнатьевъ разгадалъ умысль великобританскаго посла и заранѣе отклонилъ возможность приглашенія англійскихъ броненосцевъ, какъ противорѣчащее трактатамъ о закрытіи Дарданеллъ, а предложилъ вызвать сюда вторыхъ станціонеровъ (станціонеръ—легкое судно, состоящее въ распоряженіи каждаго посольства), на что трактаты давали право. Предложеніе это было принято единогласно. Въ виду ожидавшагося на ту же ночь нападенія мусульманъ, послами было рѣшено, что, при первомъ же сигналѣ, команды съ станціонеровъ, стоявшихъ у Топъ-Хане (одно изъ прибрежныхъ предмѣстій Константинополя) высаживаются и направляются въ Перу къ тому посольству, которому будетъ угрожать опасность: въ то же время команды эти послужатъ ядромъ, около котораго могли бы собираться преслѣдуемые христіане. Кромѣ того, было рѣшено, что каждая иностранная колонія должна постараться и сама организовать сопротивленіе на случай нападенія враговъ. Для выработки же плана сопротивленія, по распоряженію пословъ, было созвано въ тотъ же день, 29-го апрѣля, совѣщаніе консуловъ. На этомъ послѣднемъ большинство боялось вообще высказаться вполнѣ категорически: причиною нерѣшительности было то, что

съ одной стороны консулы опасались принятіемъ явныхъ мѣръ предосторожности еще болѣе напугать христіанъ, признаніемъ опасности, размѣры которой могли быть преувеличены легко воспламеняющимся воображеніемъ перетовъ, съ другой—они не могли не отдавать себѣ отчета, что, не принимая помянутыхъ мѣръ, они рисковали, въ случаѣ дѣйствительнаго нападенія турокъ, оставить христіанъ совершенно беззащитными. Тогда русскій генеральный консуль, Хитрово, рѣзко обрисовавъ всѣ опасности тогдашняго положенія дѣль, сталъ настаивать на необходимости энергичнаго образа дѣйствій и на необходимости мѣръ предосторожности, которыя должны быть приняты именно сообща, на основаніи полной солидарности,—обязательной для всѣхъ иностранныхъ колоній въ дѣлѣ защиты общихъ интересовъ; прежде же всего надлежитъ подсчитать силы, которыя, въ случаѣ надобности, колоніи эти могли бы противопоставить мусульманскому натиску.

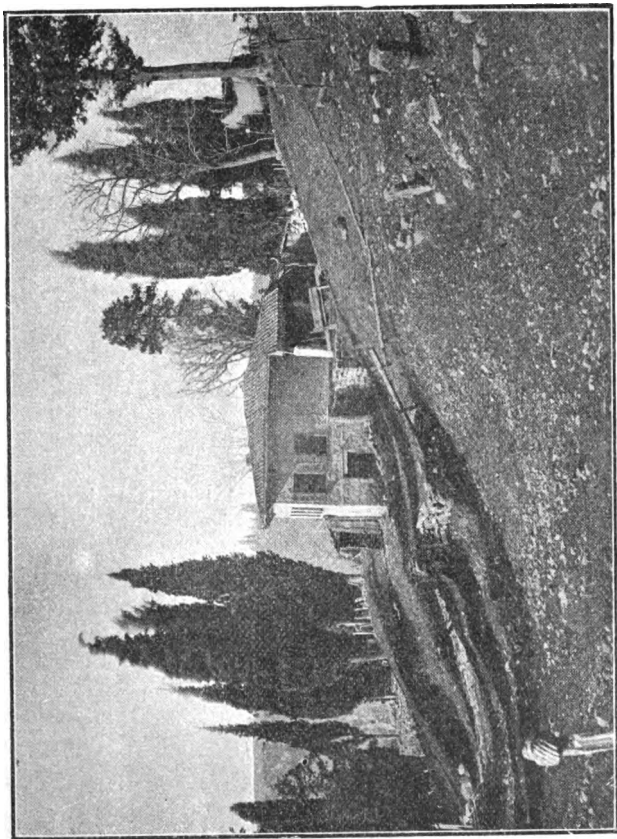
Австрійскій консуль объявилъ, что, въ случаѣ опасности, онъ можетъ выставить до полутора тысячъ хорватовъ; русскій генеральный консуль имѣлъ основаніе рассчитывать на нѣсколько сотенъ черногорцевъ. Другіе консулы прямо заявили, что не могутъ собрать воедино своихъ соотечественниковъ, разбросанныхъ, какъ по всему городу, такъ и въ при-босфорскихъ мѣстностяхъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣкотораго времени, обязанность спасенія христіанъ возлагалась самими европейскими представителями исключительно на славянъ, что было официально засвидѣтельствовано протоколомъ этого засѣданія. На славянъ смотрѣли въ тотъ день, какъ на лучшую гарантію безопасности для всѣхъ евро-

нейских колоній въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе, что вызванный въ засѣданіе консуловъ мутессарифъ (губернаторъ) Перы давалъ уклончивые отвѣты, изъ которыхъ можно было понять, что онъ не увѣренъ ни въ полицію, ни въ жандармахъ, и что, слѣдовательно, христіанамъ нужно было самимъ позаботиться о своей защитѣ.

Вечеръ наступилъ при тревожныхъ ожиданіяхъ, что-то произойдетъ въ полночь. Пера походила отчасти на осажденный городъ. Движеніе по улицамъ притихло,—всѣ попрятались по домамъ. Массивныя ворота нашего генеральнаго консульства—по постройкѣ тоже своего рода крѣпость—были закрыты наглухо, но за ними слышалось движеніе, звукъ оружія: то были черногорцы, въ количествѣ около трехсотъ человѣкъ, сами пришедшіе проситься позволить имъ, если понадобится, лучше умереть подъ сѣнью русскаго орла, чѣмъ пасть въ одиночномъ бою съ мусульманами.

Обширный внутренній дворъ генеральнаго консульства былъ покрытъ группами сидѣвшихъ и лежавшихъ сыновъ Черной горы. На лицахъ многихъ изъ этихъ энергичныхъ борцовъ за независимость своей страны можно было прочесть истинное, ничуть не скрываемое удовольствіе, которое они предвкушали при мысли, что этою ночью придется, быть можетъ, „посѣчь главу“, какому нибудь туркѣ. Съ юныхъ лѣтъ взрощенные въ ненависти къ мусульманамъ—ихъ непримиримымъ долготѣ врагамъ,—только въ бою съ ними черногорцы видѣли себѣ усладу, а тутъ еще предстояло, кромѣ личнаго наслажденія, и побиться за единокровную Россію, глубочайшая приверженность къ которой составляетъ точно также отличительную черту характера этого первобытнаго народа горцевъ—воиновъ.

Мезарликъ (старое кладбище) въ Перѣ.

Ночь была холодная, а потому въ разныхъ мѣстахъ двора были разложены костры. Ярко освѣщенные уса- тыя фигуры выдѣлялись своими рѣзко очерченными кон- турами; вспыхнувшее пламя играло и на шитой золо- томъ черногорской шапочкѣ, и на цѣломъ арсеналѣ оружія, заткнутомъ у всѣхъ за поясомъ; причудливыя тѣни ложились и перебѣгали по землѣ. Изъ мрака вы- двигались иногда новыя фигуры, въ своемъ живопис- номъ черногорскомъ костюмѣ, чтобы снова исчезнуть въ ночной темнотѣ: иногда сверкнетъ лишь клинокъ, пробуемый какимъ-то худошавымъ, черноволосымъ юно- шею, почти ребенкомъ, то загорится зловѣщимъ блес- комъ дуло огромнаго пистолета, осматриваемаго его осторожнымъ владѣльцемъ. Надъ всею этой картиной стоялъ непрерывный гомонъ южной толпы, не терпя- щей ни спокойствія, ни молчаливости.

Ровно въ 12 часовъ ночи раздался на улицѣ крикъ *неубетчи* (дозорнаго), который, по константинопольскому обычаю, бѣжитъ во всю прыть по большой Перской улицѣ и благимъ матомъ возвѣщаетъ о пожарѣ.

Немедленно затѣмъ раздались мѣрные удары о мосто- вую окованной желѣзомъ палицы ночныхъ сторожей (*бекчи*), затянувшихъ свой зловѣщій вошь: „янгынъ вары!“ (пожары!); этотъ вошь тономъ своимъ и въ обык- новенное-то время способенъ нагнать на новичка не- вольный ужасъ. Въ то же время съ Галатской башни донеслись пушечныя выстрѣлы, оповѣщающіе, по мѣстно- му обычаю, что гдѣ-то въ городѣ загорѣлось.

Этотъ пожаръ, вспыхнувшій ровно въ полночь, какъ бы подтверждалъ справедливость ходившихъ въ Перѣ толковъ, и я убѣжденъ, что не было тогда въ Перѣ челоуѣка, который, заслышавъ полночный крикъ дозор-

наго, не подумаль, что теперь настаетъ серьезная минута, предсказанная заранѣе настойчивыми увѣреніями, распространенными уже нѣсколько дней передъ тѣмъ между мѣстными жителями.

Однако оказалось, что толки о грядущихъ будто бы ужасахъ, на этотъ разъ были преувеличены. Совпаденіе часа пожара съ заранѣе объявленнымъ было чисто случайное. Горѣлъ домъ въ Галатѣ, тоже христіанскомъ кварталѣ Константинополя, но никакихъ попытокъ къ рѣзнѣ христіанъ сдѣлано не было, хотя на пожарѣ и присутствовало нѣсколько софтъ, скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ ненавистью смотрѣвшихъ на нѣкоторыхъ служащихъ при нашемъ посольствѣ чиновниковъ, рискнувшихъ, несмотря на предупрежденія, отправиться лично на этотъ пожаръ.

Ночь прошла спокойно: въ нашемъ генеральномъ консульствѣ догорали костры, еле-еле освѣщая ряды спавшихъ уже черногорцевъ, пріютившихся по всѣмъ лѣстницамъ, корридорамъ, а то и просто на голой землѣ.

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, софты дѣйствительно замышляли что-то на эту ночь, но отказались отъ своего намѣренія, убѣдившись, что христіане вовсе не расположены продавать дешево свою жизнь, и что ими приняты всѣ нужныя мѣры, чтобы отбить нападеніе.

II.

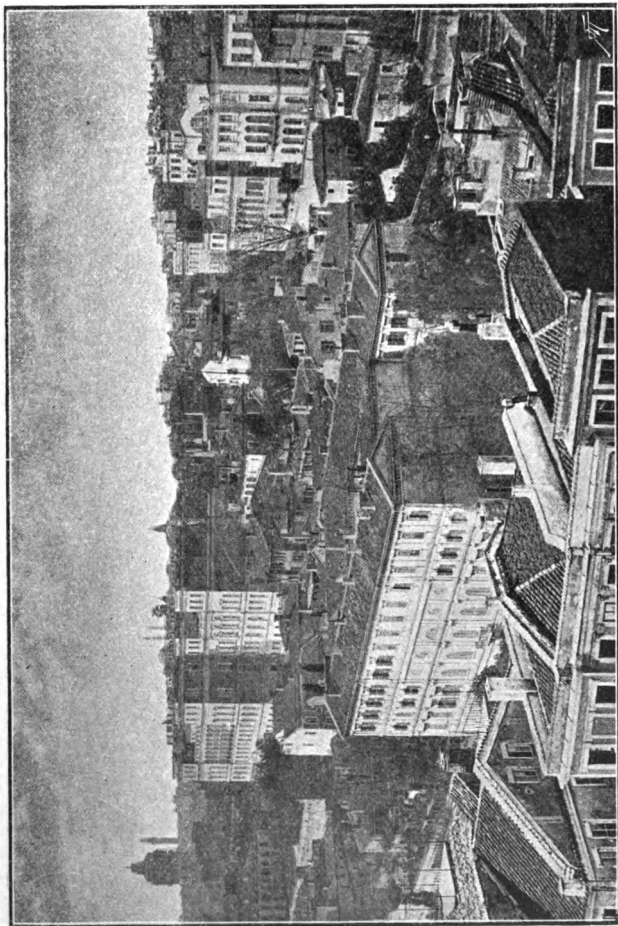
Несмотря на блистательный успѣхъ, увѣнчавшій всѣ домогательства софты, эти послѣдніе, подъ вліяніемъ партіи «молодой Турціи», чувствовали себя неудовлетворенными происшедшими 29-го апрѣля переменами личностей, стоявшихъ во главѣ турецкой духовной и гражданской администраціи. Софты разсчитывали, что великимъ визиремъ будетъ Мидхатъ-паша, и что тогда съ его помощью можно будетъ добиться ограниченія власти султана и получить конституцію, т.-е. имѣть совѣщательную палату представителей, великаго визиря съ заранѣе опредѣленною программю (какъ они выражались по-турецки—*программи садразамъ*) и, наконецъ, совѣтъ министровъ, гдѣ всѣ дѣла рѣшались бы по большинству голосовъ—султанъ же долженъ былъ бы лишь утверждать то или другое рѣшеніе совѣта. Считая подобныя условія единственнымъ средствомъ къ возрожденію Турціи, софты поставили свое дѣло подъ защиту Англіи, какъ прототипа парламентаризма.

Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ настоящаго столѣтія Константинополь былъ мѣстомъ борьбы двухъ вліяній—русскаго и англійскаго; это послѣднее, вслѣдъ за крымскою войною, казалось, было окончательно упрочено на берегахъ Босфора. Постоянныя усилія русской дипломатіи, а также многолѣтняя дѣятельность нашего посла, генерала Игнатьева, личное вліяніе его на султана и на турецкихъ министровъ, успѣли нѣсколько измѣнить въ нашу пользу взаимное соотношеніе двухъ борющихся на жгучей почвѣ восточнаго вопроса вліяній: турки начали понимать общность нѣкоторыхъ интере-

*

совь между обоими смежными государствами, а также и тѣ выгоды, которыя Турція, лично для себя, могла извлечь изъ искренняго соглашенія съ Россіею. Усилившееся притяженіе другъ къ другу обѣихъ этихъ странъ, конечно, не входило въ виды Англии, и вполне естественно, что она стала приводить въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобы только помѣшать начавшемуся сближенію, которое, при тяжелыхъ политическихъ обстоятельствахъ середины семидесятыхъ годовъ, во многомъ, напомиавшихъ затрудненія, испытанныя султаномъ Махмудомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, могло завершиться какимъ-нибудь новымъ соглашеніемъ, напоминающимъ столь ненавистный просвѣщеннымъ мореплавателямъ хункяръ-искелесійскій договоръ.

Общее броженіе въ турецкомъ народѣ и въ особенности движеніе въ пользу конституціи было какъ нельзя болѣе на руку Великобританіи, давая собою прочную точку опоры для дѣйствія въ смыслѣ противоположномъ стараніямъ Россіи. Отсюда, щедрыя раздачи, какъ мы уже видѣли выше, денегъ софтамъ; отсюда же сосредоточеніе въ Безикѣ сильнаго англійскаго флота. Изъ того же источника происходила радость сэра Генри Эллиота, когда свои конституціонныя вожделѣнія софты поставили подъ открытую защиту Англии. Великобританскій посоль по этому случаю стала усиленно разъяснять тѣ выгоды, политическія и финансовыя, которыя Турція извлечетъ изъ сочувствія и поддержки либеральной партіи Европы, въ особенности если, давъ своимъ подданнымъ конституцію, она тѣмъ самымъ опередитъ Россію—«этого традиціоннаго врага оттоманской имперіи». Что не искреннее желаніе облегчить участь христіанскихъ подданныхъ Порты ру-

Дворецъ русскаго посольства въ Перъ.

ководило сэрѣмъ Генри Эллиотомъ, когда онъ притворно восхищался стремленіями «младо-турокъ» надѣлать Турцію конституціею,—ясно изъ того, что англійскій посоль не могъ не знать, что христіанамъ нечего было разсчитывать на конституцію, такъ какъ она давала все мусульманамъ, узаконяя за христіанами роль исключительно служебную; по мысли создателей турецкой конституціи, въ будущей палатѣ представителей, турки должны были быть въ большинствѣ и притомъ занимать привилегированное положеніе. Наконецъ, вся борьба противъ Махмудъ-Недима-паши имѣла девизомъ—«да не будетъ болѣе уступокъ христіанамъ, ни уступчивости по отношенію къ Европѣ». По новому укладу, какъ это было извѣстно сэру Генри, во всей имперіи османовъ долженъ былъ господствовать законъ корана, такъ какъ всѣ несчастія, постигшія имперію, начались будто съ того момента, когда стали пренебрегать правилами этого священнаго закона и частью замѣнили ихъ новыми регламентами, введенными въ угоду иностраннымъ дипломатамъ и капиталистамъ.

Поддерживая движеніе конституціоналистовъ и входя въ открытыя сношенія съ вожаками этой партіи, сэръ Генри Эллиотъ не забывалъ дѣйствовать и на самое правительство, и успѣлъ увѣрить турокъ, что Англія—единственная защитница ихъ интересовъ противъ трехъ союзныхъ тогда имперій, рѣшившихъ де обращаться съ Турціею по-диктаторски. Англійскій посоль не задумался даже взвести на Россію обвиненіе въ томъ, что она, съ цѣлью ослабить авторитетъ турецкаго правительства, умышленно преувеличивала опасность переживаемаго Константинополемъ положенія, забывая, что онъ первый вызвалъ англійскую броненосную эскадру

въ Безику, рѣшеніе же вытребовать вторыхъ станціо-
неровъ состоялось лишь чрезъ два дня послѣ этого.

Такъ какъ требовательность толпы—разъ ей въ
чемъ-либо уступило правительство—неминуемо можетъ
только возрастать, то и опьяненные успѣхомъ маль-
чишки—софты съ каждымъ днемъ давали желаніямъ
своимъ все бѣльшій размахъ. Они теперь задумали уже
отдѣлится отъ султана халифатъ и, въ случаѣ упорства
Абдуль-Азиза, посадить на престолъ его племянника
Мурада, приверженца «молодой Турціи», уже общав-
шаго даровать конституцію. Для осуществленія этого
плана софты ждали подкрѣпленій изъ Анатолиі, от-
куда къ нимъ должны были подъѣхать, по ихъ счету,
около 12.000 софтъ.

Когда движеніе, направленное теперь уже къ низ-
ложенію царствующаго султана, охватило значительныя
массы и заговоръ разросся, Дервишь-паша хотѣлъ имъ
воспользоваться съ тѣмъ, чтобы возвести на престолъ
Юсуфа-Иззедина, сына Абдуль-Азиза и тогдашняго
начальника гвардіи. Но большинство стояло за Мурада,
который, кромѣ своихъ неоспоримыхъ правъ на наслѣ-
діе престола, извѣстенъ былъ за человѣка мягкаго, об-
ходительнаго, отчасти боязливаго и поддающагося по-
стороннему вліянію, тогда какъ его двоюродный братъ,
Юсуфъ-Иззединъ, отталкивалъ отъ себя всѣхъ, своимъ
какъ говорили, гордымъ, жестокимъ и неискреннимъ
характеромъ, своею жадностью и своею склонностью
къ интригамъ вообще.

Кое-какіе слухи о подобныхъ замыслахъ дошли до
Абдуль-Азиза, и онъ велѣлъ строже смотрѣть за Мура-
домъ: ему было запрещено выходить изъ дворца, не
предупредивъ заранѣе о томъ оберъ-камергера. Принцы,

сыновья Абдуль-Меджида, а болѣе всѣхъ Абдуль-Хамидъ (нынѣшній султанъ), такъ оскорбились этимъ распоряженіемъ, что предпочли лучше жить добровольными затворниками, чѣмъ подчиняться условію, столь унизительному для ихъ гордости.

Приверженцы Мурада, узнавъ о новомъ султанскомъ распоряженіи, стали опасаться за жизнь Мурада, и это обстоятельство имѣло впослѣдствіи свою долю вліянія на ускореніе общаго взрыва.

Люди, находившіеся во главѣ тогдашняго турецкаго правительства, поняли наконецъ опасность оказывать дальнѣйшее покровительство шумнымъ манифестаціямъ софтъ, которыя могли повести къ крупнымъ замѣшательствамъ, тѣмъ болѣе, что появившіяся уже въ Босфорѣ иностранныя военныя суда свидѣтельствовали о твердомъ намѣреніи державъ неумолимо наказать всякую попытку, направленную къ нарушенію правъ ихъ подданныхъ. Хусейнъ-Авни-паша велѣлъ передать софтамъ, что онъ сѣумѣетъ справиться съ ними, если они посмѣютъ снова появиться на улицахъ. Подъ впечатлѣніемъ такого энергическаго тона, отъ котораго они успѣли уже отвыкнуть, часть софтъ обратилась тогда къ султану и просила прощенія за то, что они вмѣшались въ государственныя дѣла; рассказываютъ, что тронутый тѣмъ Абдуль-Азизъ выдалъ имъ по этому случаю десять тысячъ турецкихъ лиръ (около 80.000 рублей) въ подарокъ. Одновременно съ тѣмъ, курсы при мечетяхъ были открыты снова, а наиболѣе безпокойные изъ софтъ высланы изъ столицы въ провинцію. Впрочемъ, эта послѣдняя мѣра Порты была скорѣе пагубна для султана, такъ какъ ею воспользовались вожаки революціоннаго движенія, чтобы и въ провинціи искусно

подготовить умы въ желаемомъ имъ смыслѣ. По ихъ наущеніямъ, софты, высланные въ большомъ количествѣ изъ Стамбула, расхаживали по городамъ и деревнямъ, проповѣдуя повсюду о необходимости переменъ правительства и распространяя воззванія, въ которыхъ изложенъ былъ перечень обвиненій «партіи дѣйствія» противъ правительства. Обвиненія эти состояли изъ слѣдующихъ:

Законъ пророка нарушается самымъ постыднымъ образомъ.

Необузданная страсть султана къ пышности и къ разврату перешла всякія границы и довела народъ до нищеты, а государство до гибели.

Жалованье бѣднымъ солдатамъ и вообще служащимъ задерживается по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Правительство находится въ рукахъ министровъ жадныхъ, безошадныхъ, не знающихъ ни чести, ни совѣсти (*аинсизъ, имансизъ*).

Оттоманская имперія утратила силу, богатство и славу.

Беззаконныя учрежденія, введенныя изъ {подражанія невѣрнымъ, смѣнили священный законъ корана.

Въ виду всего этого, каждый добрый мусульманинъ долженъ присоединиться къ заговорщикамъ, дабы могла быть осуществлена предположенная ими программа реформъ, а именно:

Возведеніе на престолъ племянника султана.

Задержаніе, осужденіе и казнь всѣхъ министровъ, какъ измѣнниковъ Аллаху и отечеству.

Уничтоженіе *танзимата* ¹⁾ и всѣхъ его учрежде-

---

¹⁾ Турецкое названіе новой организаціи оттоманской имперіи на европейскихъ началахъ, введенной султаномъ Абдуль-Меджидомъ, какъ слѣдствіе гюльханейскаго хатти-шерифа 1839 года.

ній, съ удаленіемъ изъ управленія всякаго европейскаго елемента.

Возстановленіе *шеріата* или священнаго закона ко-рана.

Покровительство христіанамъ.

Уваженіе по отношенію къ Европѣ.

Но и въ самой столицѣ броженіе постепенно усиливалось при все болѣе и болѣе обрисовывавшейся слабости правительства.

Видя возрастающее значеніе Мидхата-паши, тайнаго главы партіи конституціоннаго движенія, боясь его и тѣмъ не менѣе не рѣшаясь отъ него отдѣлаться, великій визирь Мехмедъ-Рушди-паша упросилъ султана, въ началѣ мая мѣсяца, назначить Мидхата министромъ безъ портфеля. Несмотря на всю свою ненависть къ бывшему дунайскому генераль-губернатору, Абдуль-Азизъ уступилъ, но, одновременно съ тѣмъ, назначилъ такими же министрами Намика-пану и Дервиша-пашу, завѣдомыхъ враговъ Мидхата.

Добившись своего назначенія и упоенный своею популярностью, выразившеюся въ народныхъ манифестаціяхъ, зачастую имъ же самимъ подстроенныхъ, Мидхатъ-паша былъ увѣренъ, что отнынѣ онъ сдѣлается человѣкомъ необходимымъ для султана, который станетъ за нимъ ухаживать, и онъ такимъ образомъ пріобрѣтетъ преобладающее вліяніе на всѣ послѣдующія распоряженія падишаха. Велико было его разочарованіе, когда, пріѣхавъ съ радужными мыслями во дворець, чтобы поблагодарить султана за назначеніе, онъ узналъ, что Абдуль-Азизу не угодно его принять.

Это былъ новый ударъ его самолюбію, лишь еще болѣе усилившій ту ненависть, которую онъ издавна уже питалъ къ своему государю. Теперь для него слѣдалось совершенно яснымъ, что было бы безуміемъ разсчитывать на возможность переменъ настроенія султана къ своему навязанному обстоятельствами министру, а что, наоборотъ, слѣдовало опасаться, какъ бы не поплатиться своею головою—случайность, по традиціямъ константинопольскаго двора, далеко не невѣроятная. Съ удвоенною энергіею принялся Мидхатъ-паша трудиться надъ приведеніемъ въ исполненіе своего давнишняго плана низложенія ненавистнаго ему султана. Никакое средство не было имъ пренебрежено, чтобы подѣйствовать на массы. Однимъ онъ со слезами на глазахъ разсказывалъ, что во снѣ явился ему пророкъ Магометъ и поручилъ ему позаботиться о спасеніи мусульманскаго народа. Относительно другихъ онъ старался подѣйствовать на чувства патриотизма, рисуя имъ картину будущаго величія оттоманской имперіи, какъ только она добьется необходимыхъ реформъ, когда у нея будетъ палата представителей, выбранныхъ прямо населеніемъ, безъ различія расъ или религіи. Палата будетъ заниматься преимущественно финансовыми дѣлами, доходами и расходами государства. На содержаніе султана будетъ отпускаться лишь опредѣленная, ежегодная сумма: султанъ же долженъ будетъ представить отчетъ въ деньгахъ, незаконно присвоенныхъ имъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Въ политическомъ отношеніи—поучалъ Мидхатъ—у Турціи одинъ врагъ—славяне, и одна искренняя и вѣрная союзница—Англія, непримиримая соперница Россіи въ дѣлахъ Востока. Интересы Турціи солидарны съ интересами Венгріи и Греціи. Са-

мимъ грекамъ королевства Мидхатъ предлагать совмѣстное существованіе съ турками на основахъ системы дуализма: онъ намекалъ имъ даже, что было бы крайне легко изгнать изъ Греціи короля Георга и его династію, дабы тогда эллинское королевство могло быть включено въ составъ оттоманской имперіи, причемъ грекамъ было бы предоставлено такое же положеніе, какое венгерцы занимаютъ въ монархіи Габсбурговъ.

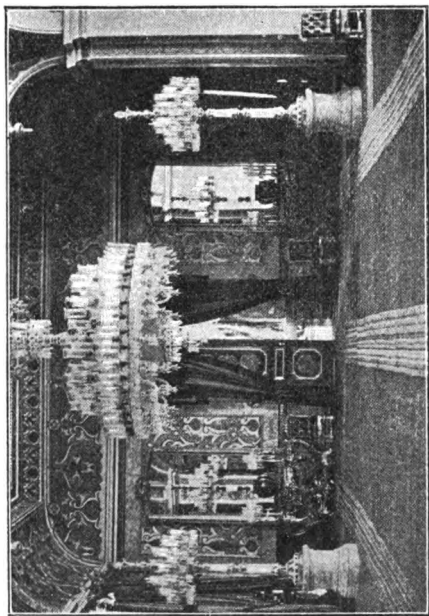
Какъ вѣрный отголосокъ рѣчей своего предводителя, софты снова усилили свою дѣятельность: они старались установить болѣе близкія связи съ войскомъ, занескивали расположенія мѣстныхъ христіанъ, предлагая имъ дѣйствовать сообща, дабы соединенными усилиями работать противъ произвола главы государства; въ то же время они силились увѣрить, что нынѣшнее мусульманское движеніе, вполнѣ прогрессивное, проникнуто духомъ терпимости по отношенію къ христіанамъ. Нѣкоторые же симптомы нетерпимости, выказанные софтами, приписывались софтамъ-самозванцамъ славянскаго происхожденія.

Вообще какая-то невидимая рука направляла все движеніе, внушая чувства вражды къ Россіи и ко всему, что носить славянское имя. Цѣлью агитации, какъ бы служило—пріобрѣсть, во что бы то ни стало, поддержку европейскаго общественнаго мнѣнія, дабы противопоставить западныя тенденціи русскому вліянію, успѣвшему было уже пустить корни въ Турціи. Конституціонная Турція—внушали софтамъ—не замедлитъ найти себѣ защитниковъ между просвѣщенными державами, которыя не позволятъ къ ней прикоснуться; нѣтъ ничего—говорили имъ—невозможнаго и въ томъ, что въ такомъ случаѣ снова можетъ возникнуть сочувственное

движеніе въ пользу оттоманской имперіи, подъ покровомъ котораго легко можетъ быть возстановленъ даже ея государственный кредитъ.

Въ свою очередь, сэръ Генри Эллиотъ не считалъ нужнымъ скрывать своихъ симпатій къ софтамъ, совѣщался совершенно открыто съ Мидхатомъ и его приспѣшниками и утверждалъ, что въ случаѣ счастливаго исхода задуманнаго ими движенія въ пользу конституціи немедленнымъ результатомъ того будетъ полнѣйшая перемѣна, какъ настроенія общественнаго мнѣнія Англіи, такъ и, вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, въ образѣ дѣйствія самого великобританскаго правительства.

Насколько былъ пріятенъ „младо-туркамъ“ представитель королевы Викторіи, настолько же ненавистнымъ казался софтамъ представитель русскій. Софты обвиняли его въ систематическомъ противодѣйствіи стремленіямъ „молодой Турціи“, въ томъ, что, онъ внушаетъ Портѣ реформы, благопріятствующія исключительно христіанамъ,—мѣшаетъ раздавить славянское возстаніе и напасть одновременно и въ удобный моментъ и на Черногорію и на Сербію. Подъ вліяніемъ такихъ толковъ, какъ говорятъ, существовало у нѣсколькихъ горячихъ головъ намѣреніе прибѣгнуть даже къ самымъ крайнимъ средствамъ, чтобы только избавиться отъ присутствія столь неудобнаго для нихъ дипломата.

Залъ въ дворцѣ Бейлербеѣ.

III.

Подъ вліяніемъ причинъ, коренившихся въ политическихъ обстоятельствахъ—внутреннихъ и внѣшнихъ, общія условія существованія государства были въ описываемое нами время таковы, что многіе изъ турецкихъ дѣятелей, даже крайне умѣреннаго оттѣнка, дѣйствительно стали склоняться къ мысли о необходимости испробовать отчаянное средство, а именно перемѣнить государя, котораго считали виновникомъ всѣхъ бѣдствій. Непосредственная опасность для Абдуль-Азиза усилилась, когда глава военной партіи, ловкій организаторъ Хусейнъ-Авни паша, примирился съ Мидхатомъ,—первымъ слѣдствіемъ чего было удаленіе вліятельнаго Дервиша-паши изъ Константинополя; этотъ сановникъ, одаренный характеромъ въ высшей степени энергическимъ, былъ крайне опасенъ для заговорщиковъ, а потому его послали въ Битолію, куда онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ.

Помимо личной ненависти, которую Хусейнъ-Авни, дважды побывавшій въ ссылкѣ, питалъ къ Абдуль-Азизу, какъ самъ сераскиръ, такъ и прочіе министры оправдывали свой образъ дѣйствій государственною пользою. Ихъ аргументація сводилась, приблизительно, къ слѣдующимъ положеніямъ: капризный, подозрительный нравъ султана, побуждавшій его мѣнять столь часто своихъ министровъ, его странности, чтобы не сказать безумства,—все это представляло крайнія неудобства и для самого государства. Могъ ли хотя одинъ министръ быть увѣренъ что завтра его не смѣнятъ? Могли ли, наконецъ, министры уважать своего повелителя, главная забота

котораго была—какъ бы увеличить свое личное состояніе, и который испугался уличныхъ манифестацій школьни-ковъ-софть? Съ другой стороны, министры были убѣж-дены, что революція, направленная къ ограниченію правъ султана, должна была итти сверху—отъ ми-нистровъ и высшихъ сановниковъ, а не снизу—отъ не-вѣжественной толпы, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ неминуемо были бы пролиты потоки крови. Въ добавокъ, представлялось полное основаніе предпола-гать, что подобныя смуты и междоусобная вооруженная борьба между согражданами смогутъ ослабить политическое положеніе Турціи, доставивъ предлогъ къ чьей-либо ино-странной оккупациі, а между тѣмъ внѣшнія обстоя-тельства требовали отъ Турціи полного сосредоточенія силъ. Европейскія державы, недовольныя продолжаю-щимися неустройствами на Балканскомъ полуостровѣ, пришли именно тогда къ соглашенію относительно бо-лѣе рѣшительныхъ мѣръ, которыя слѣдовало предпри-нять, дабы добиться отъ Турціи дѣйствительныхъ ре-формъ въ пользу мѣстныхъ христіанъ. Около середины мая былъ окончательно выработанъ извѣстный берлин-скій меморандумъ; оставалось лишь предъявить его Портѣ, что, впрочемъ, въ дѣйствительности не состоя-лось, въ виду отказа Англій.

Въ срединѣ мая, затѣянное министрами дѣло огра-ниченія власти султана достаточно созрѣло: на сторону заговорщиковъ постепенно были привлечены наиболѣе выдающіеся турецкіе сановники, между ними и глава мусульманскаго духовенства—шейхъ-уль-исламъ.

Въ субботу, 15-го мая, Мидхатъ-паша у себя на дому открылся великому визирю и сталъ уговаривать его перейти на сторону заговорщиковъ. Слабохарактер-

ный и имѣвшій причины уже издавна питать вражду къ султану, Мехмедъ-Рушди однако колебался, хотя и одобрялъ намѣренія заговорщиковъ. Когда же великій визирь убѣдился, что у Мидхата имѣется на-готовѣ десять тысячъ человѣкъ, и что онъ не отступитъ даже передъ перспективою взять дворець приступомъ, онъ ужаснулся предстоящаго кровопролитія, неизбѣжнаго въ такомъ случаѣ.

Взвѣсивъ все это, Мехмедъ-Рушди, а затѣмъ и Хусейнъ-Авни предпочли, чтобы революція была совершена самимъ правительствомъ. Рѣшено было собраться въ среду, 19-го мая, въ сераскертѣ (военномъ министерствѣ), чтобы всѣмъ министрамъ сообща обсудить мѣры къ ограниченію султанской власти; рѣшено было также, ранѣе этого, попытаться еще разъ непосредственно обратиться къ султану съ соответственными вѣрно-подданническими представленіями..

Въ понедѣльникъ, 17-го мая, Хусейнъ-Авни посвятилъ въ тайну морского министра, Ахмеда-Кайсарли-пашу—онъ былъ необходимъ изъ за множества турецкихъ броненосцевъ, стоявшихъ на Босфорѣ, и которые въ послѣднюю минуту могли разыграть рѣшающую роль. Ахмедъ-Кайсарли былъ глубоко потрясенъ сдѣланными ему разоблаченіями и выказалъ при этомъ такой страхъ предъ важностью грядущихъ событій, что заговорщики стали раскаиваться въ своей неосторожности—морской министръ, съ перепугу, могъ сгубить все ихъ дѣло.

Въ тотъ же день, три министра—Мехмедъ-Рушди, Хусейнъ-Авни и Мидхатъ—отправились во дворець и умоляли Абдуль-Азиза предоставить совѣту министровъ нѣкоторыя преимущества и нѣсколько ограничить при-

дворные расходы. Они представили своему повелителю плачевное состояніе турецкихъ финансовъ, нужды арміи и флота, служащіе въ которыхъ не получали жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ, и просили султана дать изъ своихъ собственныхъ средствъ триста тысячъ турецкихъ лиръ на покрытіе самыхъ неотложныхъ расходовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ армія и флотъ могли выказать свое недовольство. Тѣмъ не менѣе Абдуль-Азизъ, не желая понять или вѣрнѣе не подозревая серьезности положенія, отказалъ на-отрѣзъ, вѣсть о чемъ тотчасъ же разгласилась между солдатами и матросами.

Рѣшившіеся на такой смѣлый шагъ три министра, безспорно, выказали не мало гражданскаго мужества: своенравный властелинъ однимъ мановеніемъ руки могъ заставить ихъ горько раскаяться въ такой рѣшимости: какъ потомъ признавались сами министры, они ежеминутно ждали приказа объ ихъ арестованіи и свободно вздохнули лишь переступивъ обратно порогъ дворца и усѣвшись въ свой канкъ.

Совершенно случайное обстоятельство ускорило ходъ событий.

Въ понедѣльникъ, же 17-го мая, послѣ того какъ Хусейнъ-Авни, Мидхатъ и Мехмедъ-Рушди покинули Дольма-багче, прошелъ по Босфору мимо султанскаго дворца военный транспортъ съ войсками, отправлявшимися противъ Черногоринъ. Абдуль-Азизъ увидѣлъ ихъ изъ окна и поинтересовался узнать, куда именно направляются эти солдаты. Для разъясненія вопроса онъ приказалъ позвать сераскира. Получивъ внезапно приглашеніе явиться во дворецъ, откуда онъ только-что вернулся, Хусейнъ-Авни-паша, не зная причины, зачѣмъ

Султанъ Мурадъ V.

его требоваль султанъ, совершенно растерялся. Еще ранѣе того военный министр имѣль основаніе опасаться измѣны со стороны Ахмеда-Кайсарли-паши, которому утромъ онъ довѣрилъ тайну, а тутъ какъ нарочно султанскій адъютантъ передаетъ ему повелѣніе немедленно прибыть во дворець. Хусейнъ-Авни былъ увѣренъ, что заговоръ открытъ, что все пропало. Прежде всего онъ отговорился невозможностью, изъ за сильнѣйшей болѣзни ноги, исполнить повелѣніе падишаха. Но чрезъ нѣсколько часовъ явился новый гонецъ—съ настойчивымъ требованіемъ въ тотъ же вечеръ явиться къ султану. Тѣмъ временемъ и друзья сераскира предупредили его, что если онъ явится во дворець, то будетъ арестованъ, такъ какъ до султана булто бы дошло о томъ, что замышлялось противъ него. Впослѣдствіи выяснилось, что, дѣйствительно, бывшій великій визирь, Махмудъ-Недимъ-паша, поздно вечеромъ 17-го мая узналъ о намѣреніи заговорщиковъ, и чтобы сообщить о томъ султану, послалъ во дворець своего племянника, не зная, что этотъ послѣдній самъ участвуетъ въ заговорѣ, и что вмѣсто того, чтобы исполнить порученіе дяди, онъ предпочтетъ извѣстить обо всемъ заговорщиковъ.

Неумолимый рокъ преслѣдовалъ Абдуль-Азиза. Сцѣпленіе всѣхъ этихъ мелкихъ случайностей само собою вело къ тому, что судьба несчастнаго султана должна была свершиться уже неотвратимо и въ ту же ночь.

Хусейнъ-Авни-паша видѣль, что отнынѣ медлить было нельзя ни минуты. Махмудъ-Недимъ могъ быть призванъ снова къ власти, и заговоръ былъ бы потопленъ въ волнахъ крови. Сераскиръ, этотъ типъ циническаго честолюбца, рѣшилъ произвести переворотъ—

уже съ низложеніемъ султана—въ ту же ночь и самъ взялъ на себя наблюдать за исполненіемъ плана.

Дабы узаконить предъ мусульманами задуманный переворотъ, Хусейнъ-Авни тотчасъ же созвалъ главныхъ заговорщиковъ въ сераскератъ (военное министерство) и просилъ заключенія о настоящемъ случаѣ шейхъ-уль-ислама. Тотъ, заранѣе уже подготовленный къ такому вопросу, издалъ *фетву* о низложеніи царствующаго султана. Фетвою называется, основанное на мусульманманскомъ правѣ, краткое письменное заключеніе шейхъ-уль-ислама по тому или другому юридическому вопросу, предложенному ему въ особой безличной формѣ.

Текстъ фетвы, узаконявшей низложеніе Абдуль-Азиза, былъ напечатанъ въ турецкихъ газетахъ. Вотъ она въ переводѣ: «Если Зеидъ ¹⁾, начальникъ право-вѣрныхъ, имѣя помраченный разумъ и утративъ качества, необходимыя для правленія, употребляетъ народную казну на свои личныя издержки и притомъ въ размѣрѣ вышемъ противъ того, который можетъ вынести страна и народъ,—если онъ вноситъ въ дѣла духовныя и гражданскія смуту и замѣшательство,—если онъ такимъ образомъ разоряетъ страну и народъ, необходимо ли его низложеніе въ томъ случаѣ, когда дальнѣйшее сохраненіе за нимъ власти будетъ вредно народу и странѣ?» Отвѣтъ: «Да». Затѣмъ подпись: «Хасанъ Хайрулла».

Заручившись санкціею мусульманскаго закона, Хусейнъ-Авни-паша собралъ нѣсколько батальоновъ на площадь сераскерата,—изъ нихъ четыре полъ командою людей извѣстныхъ своею рѣшительностью — Редифа-

¹⁾ Имя фиктивнаго лица, употребляемое обыкновенно въ фетвахъ.

паши, родственника сераскирова, и Сулеймана-паши, тогдашняго начальника военного училища, въ послѣднюю войну отличившагося своими отчаянными атаками русскихъ позицій на Шипкѣ; они окружили дворець Дольма-багче, причеъ солдатамъ намекнули, что они посланы защищать султана отъ предполагаемаго нападенія на него со стороны христіанъ. Самъ Хусейнъ-Авни-паша отправился въ военное училище, находящееся на высотахъ Панкальди, и, собравъ воспитанниковъ, держалъ имъ рѣчь о томъ, что страна и народъ рассчитываютъ на ихъ патріотизмъ и самоотверженіе, что они должны принять непосредственное участіе въ спасеніи отечества и т. п. Затѣмъ, воспитанники этой школы были присоединены къ войскамъ, окружавшимъ дворець.

Наступила уже глухая ночь и дворець былъ погруженъ въ глубокой сонъ; не спалъ лишь главный евнухъ— *кызларъ-ага*, привлеченный на сторону заговорщиковъ и предувѣдомленный заранѣе о томъ, что должно было произойти въ эту ночь. Содѣйствіе этого высшаго придворнаго сановника было заговорщикамъ безусловно необходимо, такъ какъ, по обычаямъ турецкаго двора, султанъ не имѣетъ, изъ предосторожности, постоянной опочивальни и спитъ въ одной изъ комнатъ своего дворца, а въ какой именно, это бываетъ извѣстно исключительно одному кызларъ-агѣ. Если бы заговорщики не заручились содѣйствіемъ этого послѣдняго, они были бы поставлены въ крайнее затрудненіе, гдѣ имъ розыскивать Абдуль-Азиза по обширному дворцу, а тѣмъ временемъ султанъ могъ бы бѣжать и организовать сопротивленіе изъ войскъ, оставшихся ему вѣрными.

Какъ мало были увѣрены заговорщики въ войскахъ,

*

собранныхъ на площади предъ Дольма-багче, видно изъ того, что полковникъ одного изъ находившихся тамъ батальоновъ показался въ самую послѣднюю минуту подозрительнымъ; его немедленно посадили подъ арестъ, замѣнивъ его въ командованіи подполковникомъ, тутъ же произведеннымъ въ полковники, а солдатамъ снова дали понять, что они созваны для отраженія нападенія христіанъ.

Когда, благодаря принятымъ мѣрамъ, дворець былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, Сулейманъ-паша, съ нѣсколькими воспитанниками военного училища, отправился въ помѣщеніе Мурада-эфенди, сына Абдуль-Меджида и, какъ старшаго въ родѣ, наслѣдника турецкаго престола. Тотъ встрѣтилъ его ни живъ, ни мертвъ: предполагая, что за нимъ пришли чтобы вести его на казнь, онъ упорно отказывался послѣдовать за Сулейманомъ-пашей и упрасивалъ его объ одномъ, чтобы тутъ же поскорѣе покончили съ нимъ. Вошедшій въ это время къ нему Хусейнъ-Авни всячески старался успокоить перепуганнаго принца, объясняя, что дѣло идетъ не о казни его, а о воцареніи. Когда Мурадъ рѣшился, наконецъ, переступить порогъ своихъ покоевъ, онъ былъ такъ блѣденъ и такъ тряся всѣмъ тѣломъ, что сераскирь, съ цѣлью ободрить его, взялъ принца за руку, далъ ему одинъ изъ своихъ револьверовъ и добавилъ, что пусть Мурадъ убьетъ его, какъ только замѣтитъ малѣйшую измѣну съ его стороны.

Выйдя изъ дворца, Хусейнъ-Авни-паша посадилъ Мурада рядомъ съ собою въ карету и направился къ мечети у Дольма-багче, гдѣ ихъ долженъ былъ ожидать кайкъ, чтобы затѣмъ перевезти въ Стамбуль. Но кайка не оказалось въ условленномъ мѣстѣ, и оба ноч-

Галатская башня

ныхъ путника провели тогда нѣсколько чрезвычайно тяжелыхъ минутъ. Принца, сераскиръ спрятали пока въ мечети — самъ же остался на берегу Босфора, тревожно вперя взоры въ глубокой ночной мракъ и весь обливаемый брызгами волнъ, не на шутку тогда разбушевавшихся. Минуты казались ему тогда часами, а каждая минута была дорога: при подобныхъ обстоятельствахъ малѣйшее промедленіе можетъ вызвать неисчислимыя послѣдствія. Сколько иногда самымъ лучшимъ образомъ обдуманнахъ предпріятій рушилось изъ-за какой нибудь маленькой случайности—этой песчинки, останавливающей ходъ громаднаго механизма! Сухопутный путь къ сераскерату былъ слишкомъ длиненъ и небезопасенъ—надо было по-неволѣ ждать каика.

Наконецъ у военнаго министра отлегло отъ сердца: въ темнотѣ вырисовался остроносый контуръ каика, ловко причалившаго къ набережной. Черезъ нѣсколько времени Мурадъ и Хусейнъ-Авни прибыли въ сераскертъ, гдѣ уже были собраны великій визирь, шейхъ-уль-исламъ, братъ шерифа мекскаго. Тутъ собрались Мидхатъ-паша и многіе другіе сановники и посвященные въ заговоръ, всего отъ 500 до 600 мусульманъ и христіанъ, въ присутствіи которыхъ и былъ произнесенъ *біатъ*—официальное провозглашеніе новаго султана. Тогда же новый владыка—Мурадъ V, лишь въ сераскертѣ окончательно успокоившійся за свою жизнь, даровалъ амністію всѣмъ политическимъ преступникамъ и объявилъ, что отдаетъ казнѣ всѣ деньги, какія только найдутся во дворцѣ бывшаго султана.

Какъ только Редифъ-паша узналъ, что Мурадъ въ безопасности, онъ передалъ начальство Сулейману-пашѣ, а самъ, съ револьверомъ въ рукахъ, велѣлъ, именемъ

султана Мурада, отворить дворцовыя ворота. Солдаты, бывшій на часахъ внутри дворца, не хотѣль-было пропускать пашу, но его убѣдили, что Абдуль-Азизъ уже не султанъ, и что если онъ не хочетъ быть убитъ, какъ ослушникъ законному падишаху, то долженъ безъ шума пропустить людей, идущихъ по его повелѣнію.

Розыскавъ кызларь-агу, Редифъ-паша велѣлъ разбудить Абдуль-Азиза и объявить ему, что волею народа и войска онъ пересталъ быть султаномъ, и что Редифу-пашѣ поручено доставить его съ семействомъ во дворецъ Топъ-капу, назначенный ему отнынѣ въ жительство. Абдуль-Азизъ, слышавъ разговоръ и шумъ, самъ проснулся и вошелъ въ комнату кызларь-аги, гдѣ Редифъ-паша повторилъ слова только-что сказанныя имъ евнуху. Абдуль-Азизъ при этомъ держалъ себя по отношенію къ Редифу съ большимъ достоинствомъ и даже надменностью: онъ не захотѣлъ вступать съ пашею въ препирательство и весь послѣдующій разговоръ велъ обращаясь къ кызларь-агѣ. Прежде всего султанъ замѣтилъ: «Какое зло причинилъ я Редифу-пашѣ, человѣку, котораго я осыпалъ благодѣяніями? Если отъ меня хотятъ добиться какихъ-нибудь уступокъ, я готовъ на нихъ согласиться. Если я сдѣлалъ какія-либо ошибки, я готовъ ихъ загладить». Редифъ быстро перебилъ его, сказавъ: «Теперь не до разговоровъ; нужно торопиться,—иначе можетъ произойти какое-нибудь несчастье, такъ какъ недовольный народъ, въ сильно возбужденномъ состояніи, толпится на прилегающихъ ко дворцу улицахъ, и я хочу выразить вамъ мою благодарность хотя бы тѣмъ, что доставлю васъ здоровымъ и невредимымъ въ Топъ-капу».

Кызларь-ага, видя продолжающееся колебаніе Аб-

диль-Азиза и понимая необходимость окончить сцену как можно скорѣе, крикнулъ тогда на султана: «Да развѣ вы не понимаете, что все уже кончено, и что народъ провозгласилъ себѣ новаго султана?»

Тогда Абдуль-Азизъ наскоро одѣлся и въ молчаніи послѣдовалъ за Редифомъ. Выказанная имъ при этомъ нерѣшительность погубила его: какъ затѣмъ признавался самъ Хусейнъ-Авни паша, еслибы Абдуль-Азизъ оказалъ Редифу-пашѣ сопротивленіе, пославъ въ то же время нѣсколько преданныхъ офицеровъ съ тѣмъ, чтобы они пробрались въ казармы—весь переворотъ могъ не удасться, и роли бы перемѣнились.

Но какой-то рокъ тяготѣлъ надъ Абдуль-Азизомъ, и твердость духа оставила его въ рѣшительный моментъ. Достоинно замѣчанія также и то, что среди безчисленной дворцовой челяди не нашлось ни одной преданной руки, достаточно мужественной, чтобы подняться на защиту своего повелителя.

Въ ту минуту когда нужно было входить въ каикъ, Абдуль-Азизъ пріостановился—видъ разъяренныхъ волнъ пугалъ его; Редифъ-паша тогда силою втокнулъ свергнутаго падишаха въ каикъ. Когда Абдуль-Азизъ сталъ просить, чтобы по крайней мѣрѣ съ нимъ вмѣстѣ отправили его мать и дѣтей,—бывшій тутъ адмиралъ, Арифъ-паша, отказалъ въ удовлетвореніи этой просьбы, ссылаясь на свои инструкціи. Послѣ этого Редифъ-паша сѣлъ въ каикъ вмѣстѣ съ своимъ плѣнникомъ, вчера еще могущественнымъ повелителемъ многочисленнаго народа, сегодня—игрушкою въ рукахъ нѣсколькихъ пашей, спѣшившихъ выказать надъ нимъ всю силу своей новой власти.

Какое это было страшное паденіе, въ особенности

для восточнаго государя, не знающаго обыкновенно преградъ своей волѣ и вдругъ сброшеннаго такъ быстро, такъ для него неожиданно съ вершины власти въ положеніе простого подданнаго того самаго принца, съ которымъ еще нѣсколько часовъ тому назадъ онъ могъ сдѣлать все, что бы ему не заблагоразсудилось! И горьки, невыразимо горьки должны были быть мысли несчастнаго Абдуль-Азиза, когда каикъ быстро мчалъ его по Босфору въ Эски-Серай, и куда лишь позднѣе были перевезены ближайшія къ свергнутому падишаху лица—султанша-валиде, принцы, жены и около тридцати рабынь.

Такъ палъ султанъ Абдуль-Азизъ, наслѣдовавшій въ 1861 году своему брату Абдуль-Меджиду при общихъ ликованіяхъ толпы, упрекавшей его предшественника въ излишней слабости и въ недостаткѣ энергіи. Мягкій характеромъ, Абдуль-Меджидъ былъ на турецкомъ престолѣ копіей Людовика XV, и въ его уста точно также можно было бы вложить фразу «argès nous le déluge». Абдуль-Меджида никто не ненавидѣлъ, но и о смерти его никто не пожалѣлъ. Преемникъ его былъ извѣстенъ за человѣка твердаго, прямого и настолько же бережливаго, насколько братъ его былъ расточителенъ. Новый султанъ представлялся залогомъ новой эры благополучія для Турціи, и восторгъ толпы, привѣтствовавшей своего новаго повелителя, не зналъ предѣловъ. Прошло пятнадцать лѣтъ, и этотъ же самый народъ ликовалъ по случаю его паденія, и точно также думалъ, что именно теперь-то начнется чаемое благополучіе, и все измѣнится согласно затаеннымъ желаніямъ cadaго.

IV.

Около полудня 18-го мая новый тридцати-шестилѣтній султанъ — тридцать-третій султанъ династїи Османа — въ сопровожденїи всѣхъ министровъ отправился изъ сераскерата, среди радостныхъ кликовъ толпы, моремъ, при грохотѣ орудій, въ Дольма-багче, гдѣ немедленно же началась церемонія *рикябъ* — т.-е. принесеніе новому падишаху поздравленій отъ всѣхъ, находившихся въ Константинополѣ турецкихъ сановниковъ.

Въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней военныя суда были расцвѣчены флагами, и палили изъ пушекъ; вечеромъ же городъ и Босфоръ были пышно иллюминированы — такъ, какъ только въ Константинополѣ умѣютъ иллюминировать.

Тотчасъ по воцаренїи Мурада, первый драгоманъ Порты былъ посланъ сообщить о томъ всѣмъ иностраннымъ представителямъ. Вотъ текстъ этого сообщенія: «Par la volonté unanime des ministres, des troupes et de la nation le sultan Abdul Aziz a été déposé et Mourad effendi proclamé sultan». Одновременно съ тѣмъ была отправлена циркулярная телеграмма мексскому шерифу, египетскому хедиву, всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, составленная въ слѣдующихъ выраженїяхъ: «Божіею властью и съ общаго согласія султанъ Абдуль-Азизъ низложенъ. Законный наслѣдникъ султанъ Мурадъ V взошелъ сегодня на престоль Османовъ. Да сдѣлаетъ Аллахъ всѣхъ счастливыми. Объявите немедленно населенію о воцаренїи

новаго султана. 7 джемази-уль-еввеля 1293 г.» (18-го (30) мая 1876 г.).

Не сидѣлъ сложа руки и сэръ Генри Эллиотъ: онъ тотчасъ же разослалъ англійскимъ консуламъ въ Турціи телеграмму о совершившемся переворотѣ и о томъ, что восшествіе на престоль Мурада произвело всеобщую радость какъ между мусульманами, такъ и между христіанами, причемъ великобританскій посоль счелъ необходимымъ прибавить, что взаимныя отношенія между этими двумя общинами запечатлѣны сердечностью и полною дружбою.

Одно изъ первыхъ дѣлъ, которымъ занялись министры послѣ успѣшнаго для нихъ исхода революціи, было наложеніе печатей и составленіе описи имущества бывшаго султана, оцѣниваемаго всего въ 30 милліоновъ лиръ; найдено было много драгоценностей и на десять милліоновъ лиръ—турецкихъ государственныхъ бумагъ *консолиде*; но наличныхъ денегъ нашли не болѣе 500.000 лиръ. Оказалось, что отчетность по частному имуществу Абдуль-Азиза велась чрезвычайно тщательно однимъ христіаниномъ-коптомъ. Изъ записей узнали, что шесть милліоновъ лиръ были израсходованы на броненосцы, почти столько же—на приобрѣтеніе крупновскихъ орудій, три милліона—на постройку арсеналовъ; такъ что половина суммъ, полученныхъ за время царствованія Абдуль-Азизомъ, была имъ употреблена на государственныя надобности.

Большая часть найденныхъ въ Дольма-багче суммъ была распредѣлена между министрами—по словамъ однихъ, просто въ ихъ личную пользу,—по словамъ другихъ, дабы служить запаснымъ фондомъ на случай войны. Но въ чемъ невозможно сомнѣваться, такъ это

въ томъ, что вожаки переворота постарались вознагра-
дить сами себя нѣкоторыми вещами, принадлежавшими
бывшему султану: они забрали себѣ прекрасныя за-
пряжки чистокровныхъ арабскихъ коней, получили та-
бакерки, усыпанныя брилліантами, цѣнностью въ три,
пять тысячъ турецкихъ лиръ, и драгоцѣнные каменья
для своихъ женъ.

Вечеръ 18-го мая и слѣдующіе два дня министры
провели въ Дольма-багче, обсуждая редакцію манифе-
ста о воцареніи и различные проекты конституціи,
принятой уже безъ затрудненій въ принципѣ молодымъ
султаномъ, дѣйствовавшимъ въ данномъ случаѣ подъ
вліяніемъ масоновъ, къ числу которыхъ Мурадъ, какъ
утверждаютъ ¹⁾, принадлежалъ уже издавна. Мидхатъ
и Халиль-шерифъ хотѣли-было провозгласить консти-
туцію немедленно же. Ярыми противниками ихъ въ
этомъ оказались Мехмедъ-Рушди и Хусейнъ-Авни. Во
избѣжаніе раздора было рѣшено погодить радикаль-
нымъ измѣненіемъ формы правленія до того времени,
когда новый султанъ будетъ признанъ державами, и
когда уладятся нѣкоторыя внутреннія затрудненія, не-
избѣжныя при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

20-го мая въ Портѣ былъ прочитанъ султанскій
xatmъ (высочайшій манифестъ), наполненный обѣща-
ніями, которыя обыкновенно даются въ такого рода до-
кументахъ: единственное отличіе его состояло въ томъ,
что однимъ изъ его параграфовъ султанъ поручалъ
совѣту министровъ заняться изысканіемъ реформъ, не-

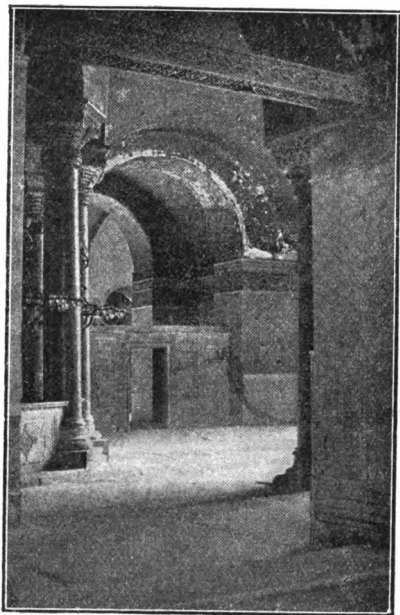
¹⁾ „La Turquie officielle“, par de Réglas, 318.

обходимыхъ въ тогдашнемъ тяжеломъ положеніи. Тѣмъ же хаттомъ султанъ утвердилъ всѣхъ министровъ въ ихъ должностяхъ, а чтобы помочь разстроеннымъ турецкимъ финансамъ, онъ отдалъ въ казну доходъ съ гераклеискихъ рудниковъ,—съ многихъ фермъ, принадлежавшихъ прежнему султану лично, и съ пароходнаго общества Азизіа, акціи котораго дававшія огромный дивидендъ, принадлежали всѣ полностью Абдуль-Азизу, соглашаясь довольствоваться на содержаніе своего двора — *liste civile*—ежегодною суммою въ триста тысячъ лиръ.

Партія «молодой Турціи» осталась крайне недовольна этими уступками, считая ихъ совершенно недостаточными. Въ свою очередь и улемы были недовольны слыша изъ устъ султана рѣчи о равенствѣ между мусульманами и христіанами. Такимъ образомъ, хаттъ не удовлетворилъ ни одну изъ этихъ партій.

Франція была первою державою, которая 20-го мая официально признала султана Мурада. Эллиотъ тотчасъ же затѣмъ присоединился къ заявленію французскаго посла, графа Бургоэна, какъ бы желая подчеркнуть ту поддержку, которую Западъ готовъ оказать вновь установившемуся въ Турціи порядку вещей.

Такъ какъ султанъ Мурадъ не былъ еще признанъ Россіей,—что произошло лишь 25-го мая,—то наши военныя суда въ Босфорѣ не расцвѣтили флаги въ день революціи, подобно нѣкоторымъ иностраннымъ станціонерамъ. Обстоятельство это произвело впечатлѣніе и вызвало толки, что Россія не желаетъ признавать Мурада,—что сильная русская эскадра крейсируетъ близъ входа въ Босфоръ съ цѣлью проникнуть въ проливъ, похитить Абдуль-Азиза и перевезти его

Хоры въ Ая-Софіи.

въ Россію. Вообще нельзя было не замѣтить, что однимъ изъ слѣдствій только-что происшедшаго переворота было усиленіе ненависти къ Россіи, какъ естественной покровительницѣ возставшихъ славянъ. «Молодая Турція» была бы даже не прочь объявить Россіи войну, въ увѣренности, что тогда, какъ и въ 1854 году, немедленно придуть на помощь Турціи европейскія державы, изъ которыхъ ни одна не можетъ-де желать ни величія Россіи, ни осуществленія славянскихъ вожделѣній.

Тѣмъ временемъ, Абдуль-Азизъ съ семействомъ находился подъ строгимъ присмотромъ въ Топъ-капу, въ небольшомъ, тѣсномъ кіоскѣ изъ пяти комнатъ. Люди, ставшіе во главѣ движенія, поспѣшили на первыхъ же порахъ дать почувствовать старому султану всю тяжесть его новаго положенія. Ссылаясь на отсутствіе инструкцій, они не позволили Абдуль-Азизу переѣхать ни бѣлья, ни одежды, когда онъ въ ночь низложенія, прибылъ въ Топъ-капу, промокнувъ до костей во время своего переѣзда въ каикѣ подъ проливнымъ дождемъ. Приставъ его, Ибрагимъ-Эдхемъ-бей, точно также затруднился собственною властью дать завтракъ бывшему своему повелителю, и отправился за указаніями въ Дольма-багче. Спрошенный имъ гофмаршалъ, Нурпаша, отозвался, что это его не касается. Не зная, какъ поступить, приставъ встрѣтилъ затѣмъ во дворцѣ Хусейнъ-Авни-пашу и обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ. Сераскиръ поднимался въ то время по лѣстницѣ въ засѣданіе совѣта министровъ и отвѣтилъ Ибрагиму, что онъ доложитъ о настоящемъ дѣлѣ министрамъ. Нѣсколько спустя, Ибрагима-Эдхема-бея позвали въ совѣтъ министровъ и возложили на него всѣ хозяйствен-

ныя заботы относительно содержанія и продовольствія заключенниковъ. Пока же шли всѣ эти переговоры, Абдуль-Азизъ со всѣми близкими къ нему лицами сидѣлъ голоднымъ и даже для дѣтей своихъ не могъ выпросить тарелки супа.

Низверженный повелитель, поставленный въ такія условія, долженъ былъ переносить жестокія душевныя страданія. Все время онъ проводилъ въ глубокомъ молчаніи, разглаживая себѣ бороду и съ усиленнымъ стараніемъ вырывая изъ нея волосокъ за волоскомъ— привычка, усвоенная имъ въ теченіе двухъ, трехъ послѣднихъ лѣтъ. Впервые онъ выразилъ безпокойство, когда ему, по турецкому обычаю, стали брить голову: онъ при этомъ закрывалъ себѣ обѣими руками горло, какъ бы опасаясь какой-нибудь умышленной неловкости цирюльника. Наконецъ, томительность положенія пересилила гордость, и Абдуль-Азизъ послалъ своего камергера, Фахри бея, спросить Мурада, каковы по отношенію къ нему намѣренія правительства и можетъ ли онъ считать себя лично въ безопасности. Мурадъ поспѣшилъ отвѣтить въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ, обѣщая относиться къ своему предметнику всегда съ самымъ глубокимъ уваженіемъ: новый султанъ, какъ бы оправдываясь передъ своимъ дядей, прибавилъ, что онъ не виноватъ во всемъ случившемся, и что онъ вынужденъ былъ лишь сообразоваться съ народною волею. Тогда-то Абдуль-Азизъ написалъ своему счастливому преемнику, пріобрѣвшее извѣстность письмо, въ послѣдствіи, появившееся въ турецкихъ газетахъ, въ которомъ признавая совершившіеся факты, онъ поздравляетъ новаго государя и заканчиваетъ такъ: «что касается до меня, то единственное мое желаніе,—это

жить спокойно и скромно под покровительствомъ вашего величества. Искреннѣйшее мое пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы вы были счастливѣе меня, такъ какъ я имѣлъ горе видѣть, какъ обратилось противъ меня то самое оружіе, которое я лично далъ войскамъ» — горькій намекъ на образъ дѣйствій, въ ночь 18-го мая, войска, бывшаго любимымъ дѣтищемъ несчастнаго Абдуль-Азиза. Въ то же время Абдуль-Азизъ, любившій вольный воздухъ и загородное раздолье, просилъ Мурада разрѣшить ему переѣхать въ Чераганъ, гдѣ онъ надѣялся имѣть возможность дѣлать прогулки и поселиться въ кіоскъ Феріэ, томъ самомъ, который былъ построенъ дабы служить мѣстопробываніемъ самого Мурада, когда онъ еще былъ принцемъ. Султанъ поспѣшилъ исполнить желаніе своего царственного дяди, пославъ ему словесное разрѣшеніе чрезъ помянутаго уже выше дворцоваго чиновника Ибрагимъ-Эдхемъ-бея. Такимъ образомъ было оставлено безъ послѣдствій обсуждавшееся уже во дворцѣ предположеніе отправить бывшего султана на жительство въ Бруссу.

Благодаря своему письму, равносильному формальному отреченію отъ престола, Абдуль-Азизъ переставалъ быть опасенъ своему преемнику самъ по себѣ; но имя его, какъ ни мало было у него искреннихъ приверженцевъ, продолжало казаться вожакамъ революціи опаснымъ, какъ центръ около котораго могли сгруппироваться всѣ недовольные новыми порядками и устроить контръ-революцію, волна которой, конечно, смысла бы всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ вслѣдствіе переворота во главѣ власти. И вотъ въ тиши Мидхатова дома сталъ обдумываться планъ, какъ бы обезпечить себя отъ нежелательнаго для вчерашнихъ заговорщиковъ обратнаго воз-

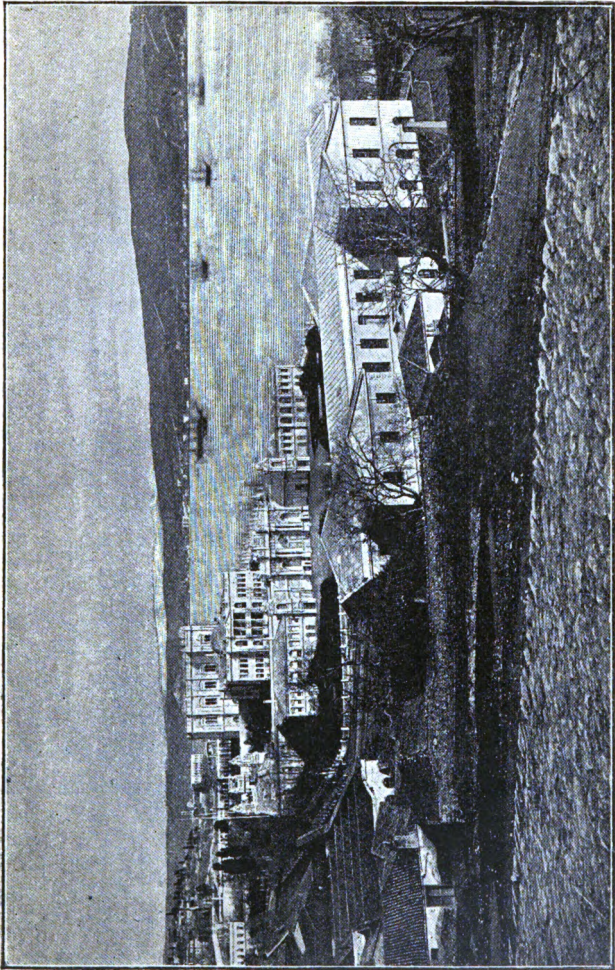
становленія Абдуль-Азиза на престолѣ. Наилучшимъ къ тому способомъ, безъ сомнѣнія, было спровадить стараго султана туда, откуда уже нѣтъ болѣе возврата: подѣ влияніемъ такого вывода, заинтересованныя лица стали принимать исподволь мѣры, чтобы осуществить свое злодѣйское намѣреніе.

Скромный и добрый по своему характеру, новый султанъ, не отличавшійся никогда особенно цвѣтущимъ здоровьемъ, съ самаго начала своего царствованія сталъ стремиться пріобрѣсти всѣми средствами популярность: онъ со всѣми былъ крайне милостивъ, обходителенъ, принималъ не только сановниковъ, но и мелкихъ чиновниковъ Порты, негоціантовъ, даже журналистовъ. Окружавшія Мурада лица въ особенности старались заручиться содѣйствіемъ прессы; тогда же первый секретарь султана, Саадудла бей (впослѣдствіи посоль въ Вѣнѣ, гдѣ онъ въ началѣ 1892 года покончилъ съ жизнью самоубійствомъ), устроилъ во дворцѣ особое бюро печати.

Въ первую же пятницу по своему воцареніи, султанъ Мурадъ отправился съ большою помпою въ мечеть св. Софіи: несмѣтныя массы народа толпились на его пути; Константинополь имѣлъ совершенно праздничный видъ; не скрывали только своего неудовольствія улемы по поводу того, что халифъ правовѣрныхъ, въ противность обычаю, отправился въ мечеть въ перчаткахъ.

Но если партія „старой Турціи“ упрекала Мурада въ нѣкоторомъ западничествѣ, то партія „молодой Турціи“ жаловалась, наоборотъ, что онъ выказываетъ слишкомъ мало склонности къ заимствованію европейскихъ учрежденій. Дѣятели этой послѣдней партіи старались

•
Дворецъ Дольма-Багче.

народными манифестаціями вырвать у Мурада конституцію, прибѣгая даже къ пріемамъ совершенно необычнымъ на Востокѣ: такъ, въ четвергъ 20-го Мая, софты устроили вечеромъ громадную манифестацію, закончившуюся прогулкой съ факелами. Софты прошлись по разнымъ кварталамъ Константинополя. Предъ домомъ Мидхата-паши они сначала произнесли молитву, а потомъ кричали:—*Падишахимъ бингъ яша* („да здравствуетъ султанъ! буквально: „да живетъ нашъ падишахъ тысячу лѣтъ“)! *Шураи Умметъ* (конституція)! и—“да здравствуетъ Мидхатъ-паша!“

Подобныя же сочувственныя демонстраціи повторились въ тотъ вечеръ предъ зданіемъ англійскаго посольства.

Велико было тогда смятеніе мирныхъ обитателей Перы, когда нестройныя толпы софтъ ураганомъ неслись по узкимъ улицамъ этого предмѣстья. Крѣпко на крѣпко заперлись въ своихъ домахъ христіане, затаивъ дыханіе, прислушивались они къ злобѣщимъ крикамъ несшимся съ улицы, въ умѣ большинства все усиленнѣе укрѣплялась мысль, что эти неистовые вопли лишь прелюдія къ дальнѣйшимъ ужасамъ и что едва ли можно теперь сомнѣваться что христіане будутъ поголовно вырѣзаны фанатиками, на сквозь проникнутыми едва скрываемою ненавистью ко всѣмъ, кто не исповѣдуетъ религіи Ислама.

Между тѣмъ султанъ Мурадъ, силою обстоятельствъ, и самъ очутился какъ бы въ положеніи плѣнника: при немъ неотступно находились его министры; трое изъ нихъ даже ночевали во дворцѣ, дабы помѣшать султану освободиться изъ-подъ ихъ вліянія и завязать сношенія съ другими лицами. Что касается до конституціи, то

совѣтъ министровъ снова рѣшили отложить ее до упроченія новаго правительства и до умиротворенія возставшихъ областей.

Успокоенный милостивыми увѣреніями Мурада, Абдуль-Азизъ съ радостью переѣхалъ въ Чераганъ. Какъ только каикъ его причалилъ къ набережной, развѣнчанный владыка тотчасъ же направился въ сторону, противоположную входу во дворецъ, чтобы пройти во внутренній садъ и удовлетворить своей давнишней, въ послѣднее время по-неволѣ сдерживаемой, страсти къ движенію, къ прогулкѣ. Сопровождавшій Абдуль-Азиза офицеръ заставилъ его, однако, войти прямо въ домъ, откуда ему не суждено было выходить болѣе. Старый султанъ горестно содрогнулся, видя необходимость уступить силѣ; онъ ясно почувствовалъ себя плѣнникомъ, и съ этого момента душевное волненіе и беспокойство завладѣли всѣмъ его существомъ.

Огромное торговое движеніе Босфора, непрерывно проходящія во проливу суда, шмыгающіе ежеминутно ширкеты,—хотя по приказанію свыше и дѣлавшіе огромный кругъ, чтобы не проходить подъ окнами султанскаго дворца,—наконецъ, видъ этой фаланги броненосцевъ, на которые затрачены были такія бѣшенныя деньги изъ личныхъ суммъ султана,—все это до крайности волновало бѣднаго Абдуль-Азиза, болѣзненно раздражая его потрясенные нервы. Прислушиваясь къ каждому движенію въ домѣ, онъ совершенно потерялъ сонъ: малѣйшій стукъ заставлялъ его вздрагивать. Постоянно опасаясь насильственной смерти, съ минуты на минуту онъ ожидалъ появленій убійць. Упадокъ духа смѣнялся иногда у него порывами бѣшенства: онъ начиналъ осыпая жестокими упреками сына своего, Юсуфъ-Изед-

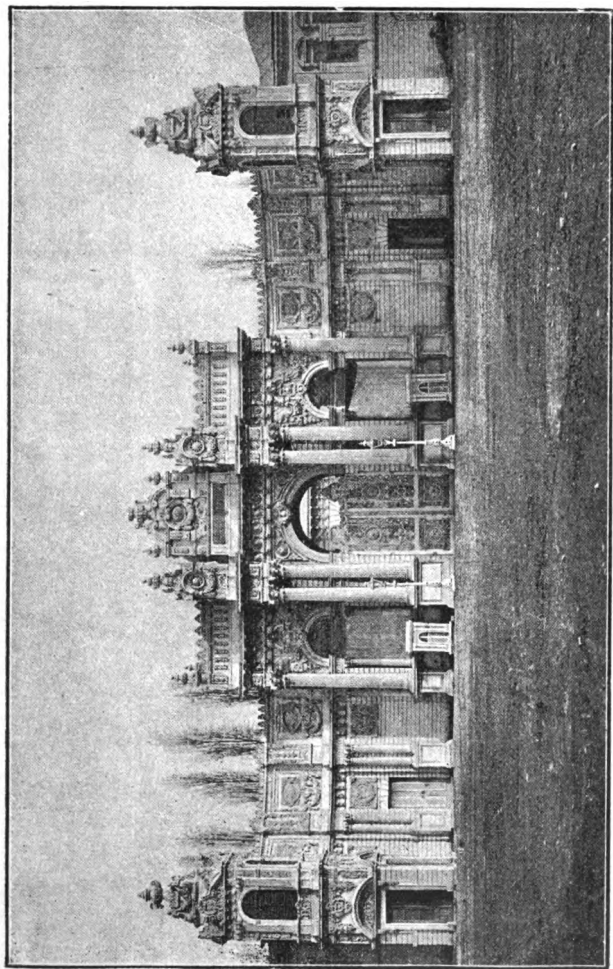
дина, за то, что тотъ, будучи начальникомъ гвардейскаго корпуса, недостаточно наблюдалъ за настроеніемъ духа между генералами и вообще войсками и не сѣумѣлъ предупредить революцію. Иногда онъ начиналъ горько жаловаться окружающимъ, зачѣмъ броненосцы и дворцовая стража не хотятъ защитить его отъ враговъ. Рассказываютъ, что въ порывѣ изступленія онъ разъ хотѣлъ выброситься изъ окна, но его удержалъ камергеръ Фахри-бей, допущенный, въ противность всѣмъ турецкимъ обычаямъ, въ султанскій гаремъ. Но такія порывы бывали рѣдки—чаще и чаще нападало на низвергнутаго властителя полное, безнадежное отчаяніе. Завидѣвъ разъ въ окошко садовниковъ, копавшихъ землю въ саду, бывший султанъ пророчески воскликнулъ: „они роютъ мою могилу! скоро все будетъ кончено“. Черныя предчувствія, смертельная, гложущая сердце тоска не покидали уже его.

Исторія не выяснила вполне точно истинную роль, выпавшую на долю султана Мурада въ дни, предшествовавшіе смерти Абдуль-Азиза. Не подлежитъ однако, повидимому, сомнѣнію, что въ то время на Мурада V было производимо сильное давленіе со стороны заговорщиковъ, которымъ онъ обязанъ былъ престоломъ. Чтобы побудить его дать желаемый ими приказъ объ умерщвленіи его предшественника, они рассказывали, будто Абдуль-Азизъ выразился, что три сѣверныя державы—Россія, Германія и Австрія—не признаютъ Мурада и придутъ на помощь свергнутому султану. Мидхатъ-паша увѣрялъ, что если Россіи удастся похитить Абдуль-Азиза, то она создастъ Турціи множество неприятностей. Въ городѣ распространяли слухъ, что Мухтаръ-паша со всею герцеговинскою арміею идетъ на Кон-

стантинополь, чтобы снова посадить на престолъ низведеннаго съ него повелителя. Такими разговорами достигалось общее безпокойство умовъ, а въ этомъ послѣднемъ заговорщики-министры черпали свои доводы, чтобы доказать Мураду, какъ затруднительно для правительства дальнѣйшее существованіе бывшаго султана и какъ необходимо, въ видахъ пользы государственной, избавиться отъ него окончательно и какъ можно скорѣе. Подѣйствовали-ли эти доводы на Мурада—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, соучастіе его не было доказано при разбирательствѣ, въ 1881 году, дѣла объ убійцахъ Абдуль-Азиза.

Какъ бы то ни было, съ согласія или безъ согласія султана Мурада, наканунѣ смерти Абдуль-Азиза весь штатъ его служителей былъ перемѣненъ, а въ воскресенье, 23-го мая, въ нашъ Троицынъ день, по городу распространилось извѣстіе о смерти бывшаго султана. Официальная версія говорила, что въ припадкѣ сумасшествія онъ вскрылъ себѣ вены на обѣихъ рукахъ ножницами, которыя попросилъ дать ему утромъ, чтобы подстричь себѣ бороду.

Скоро отъ окрестныхъ жителей узнали подробности, рисовавшія событіе въ совершенно иномъ свѣтѣ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что кіоскъ Феріэ, въ которомъ жилъ Абдуль-Азизъ, съ утра былъ окруженъ войсками, какъ съ суши, такъ и съ моря. Сосѣдняя съ Чераганомъ улица была оцѣплена и всякое движеніе по ней прекращено. Внутри кіоска, въ помѣщеніи стараго султана былъ слышенъ шумъ, возня и крики; отъ времени до времени раздавался звонъ разбиваемыхъ оконныхъ стеколъ; женщины бросались къ окнамъ, взывая о помощи; крики ихъ были слышны на противоположномъ берегу

Ворота во дворцѣ Дольма-Багче.

Босфора—въ Скутари и въ Бейлербеѣ. Очевидцы утверждали, что видѣли, какъ—то въ томъ, то въ другомъ окнѣ показывалось блѣдное, искаженное смертельнымъ ужасомъ лицо Абдуль-Азиза. Когда спокойствіе восстановилось, султаншу-валиде увезли въ Топъ-капу безъ чувствъ: вынесли ее изъ кіоска какъ трупъ, всю укутанную въ длинную бѣлую одежду.

Несчастной матери Абдуль-Азиза, испытавшей уже столько горя, въ тотъ день пришлось испытать чашу до дна. Необузданныя въ проявленіи своихъ чувствъ, одалиски жестоко избили ее, осыпавъ упреками и обвиненіями, что всѣ несчастія обрушились на нихъ изъ-за дурного вліянія ея на сына и изъ-за гнусной, всѣмъ извѣстной страсти ея къ скряжничеству.

На третью жену Абдуль-Азиза смерть ея владыки подѣйствовала такъ сильно, что она тотчасъ же покончила жизнь самоубійствомъ.

Такъ какъ Порта желала убѣдить всѣхъ, что Абдуль-Азизъ погибъ отъ собственной руки, то она распорядилась послать въ Чераганъ, для составленія протокола о смерти бывшаго султана, комиссію изъ 19 докторовъ, въ составъ которой входили, между прочимъ, Сотто, докторъ австрійскаго посольства, и Диксонъ—англійскаго. Составленный комиссіею подробный протоколъ былъ тогда же напечатанъ въ мѣстныхъ журналахъ. Изъ него мы узнаемъ, что докторамъ былъ предъявленъ трупъ Абдуль-Азиза, лежавшій на полу, на тюфякѣ и прикрытый бѣлымъ полотномъ, въ нижнемъ этажѣ гауптвахты, помѣщающейся рядомъ съ Чераганскимъ дворцомъ. Для того чтобы пронести трупъ на гауптвахту, проломали стѣну, отдѣляющую эту послѣднюю отъ кіоска Феріэ. Докторамъ предья-

вили и мнимое орудіе самоубійства—окровавленные ножницы, длиною въ 10 сантиметровъ, а затѣмъ, докторовъ ввели въ бывшее помѣщеніе султана: въ угловой комнатѣ, выходящей на Босфоръ, они нашли много крови на диванѣ, стоявшемъ у окна; на полу стояла цѣлая лужа запекшейся крови; кровь же виднѣлась и во многихъ другихъ мѣстахъ. Давъ подробное описаніе ранъ, найденныхъ на трупѣ, и скрывъ обстоятельство, выяснившееся изъ показаній доктора Маркеля-эфенди лишь въ 1881 году, а именно, что доктора осматривали только руки, ноги и лицо покойнаго султана, и то крайне поспѣшно,—коммиссія удостовѣрила послѣднимъ пунктомъ своего протокола, что «направленіе и свойство ранъ, а также осмотръ орудія, которымъ онѣ были произведены, приводятъ насъ къ заключенію, что причиною смерти Абдуль-Азиза было самоубійство».

Какъ должны были краснѣть эти девятнадцать докторовъ, скрѣпившихъ протоколъ своею подписью,—а въ особенности Сотто и Диксонъ, которые по своему независимому оффиціальному положенію могли высказать всю истину,—когда впоследствии, на процессѣ 1881 года, было доказано, что Абдуль-Азизъ былъ убитъ подосланными убійцами!

Не удовольствовавшись подписью на протоколѣ, докторъ англійскаго посольства разрѣшилъ одной изъ мѣстныхъ газетъ—«Stamboul», органу «молодой Турціи», заявить отъ имени его, Диксона, что «кромя ранъ, поименованныхъ въ протоколѣ, на трупѣ Абдуль-Азиза не было никакихъ другихъ ранъ или знаковъ насилія». Мало того, въ своемъ донесеніи сэру Генри Эллиоту, поданномъ 5-го іюня н. с., Диксонъ говорить: «тщательный осмотръ тѣла не обнаружилъ никакихъ

знаковъ насилія. Черты лица были спокойны, глаза и ротъ полуоткрыты; на кожѣ не было ни кровоподтековъ, ни ссадинъ, которые неизбѣжно должны были бы на ней оказаться, если бы смерти предшествовала борьба или чье-либо нападеніе». Такое заключеніе было впослѣдствіи опровергнуто свидѣтельскими показаніями, установившими тотъ фактъ, что, кромѣ ранъ на рукахъ, у покойнаго султана была еще другая рана надъ лѣвымъ сосцомъ и многіе знаки насилія по всему тѣлу.

Полная картина убійства Абдуль-Азиза можетъ быть восстановлена лишь изъ показаній лицъ, замѣшанныхъ въ процессъ государственныхъ преступниковъ 1881 года, когда нынѣ царствующій султанъ Абдуль-Хамидъ, въ противность всѣмъ преданіямъ династїи Османа, рѣшилъ предать гласному суду всѣхъ виновныхъ въ смерти Абдуль-Азиза.

22-го мая, Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша и Нури-паша, доведившіеся родственниками султану, какъ женатые сами на султаншахъ, призвали къ себѣ троихъ мелкихъ придворныхъ служителей, пехлевановъ (*пехлеванъ*—борецъ по профессіи, атлетъ) Мустафу, Мустафу-Джезаирли и Хаджи-Ахмеда-агу, и, взявъ съ нихъ клятву молчать обо всемъ, что они имъ довѣрятъ, предложили имъ убить бывшаго султана, за что имъ было обѣщано единовременно по 30 турецкихъ лиръ каждому (турецкая лира составляетъ по курсу около 8 рублей) и пожизненная пенсія по сту лиръ въ мѣсяцъ. Безъ всякаго колебанія они согласились на предложеніе и тогда же получили отъ пашей ножъ съ бѣлой ручкой, которымъ должны были убить Абдуль-Азиза. Въ тотъ же вечеръ камергеръ низложеннаго султана,

Фахри-бей, былъ вызванъ на Ортакейскую гауптвахту, помѣщающуюся рядомъ съ дворцомъ Феріэ, гдѣ начальники дворцовой стражи, Неджибъ-бей и Али-бей, объявили ему, что на основаніи султанскаго *ирате* (повелѣнія) трое человѣкъ должны быть впущены завтра въ помѣщеніе Абдуль-Азиза, чтобы тамъ прибрать кое-какія вещи. По словамъ самого Фахри-бея, онъ сначала будто бы воспротивился, предугадывая злодѣйское покушеніе, но вынужденъ былъ уступить. Эту ночь Мустафа-пехлеванъ, Мустафа-Джезаирли и Хаджи-Ахмедъ-ага провели на гауптвахтѣ.

Въ день своей смерти, Абдуль-Азизъ съ утра казался болѣе спокойнымъ; мрачныя предчувствія какъ бы отлетѣли отъ него, а быть можетъ и наоборотъ, какъ убѣжденный фаталистъ, онъ обрѣлъ въ себѣ силу съ твердостью перенести все, что Аллаху угодно будетъ ему послать. Сдѣлавъ обычныя омовенія, онъ прочелъ нѣсколько главъ изъ Корана и въ домашнемъ костюмѣ—рубашкѣ, исподнемъ платьѣ и въ ватной стеганой кацавейкѣ—занялъ мѣсто на диванѣ въ своей любимой комнатѣ, откуда, хотя какъ плѣнникъ, онъ могъ постоянно имѣть предъ глазами чудную голубую ленту Босфора, а вдали и самый царственный городъ, надъ которымъ властвовалъ онъ столько лѣтъ, не помышляя, что страшная катастрофа въ одинъ мигъ лишитъ его всего, что только было ему дорого.

Горькія размышленія его были прерваны появленіемъ убійць, впущенныхъ офицерами Неджибъ-беемъ и Али-беемъ, которые сами остались сторожить у дверей. Убійцы ринулись на Абдуль-Азиза, но не могли сразу съ нимъ справиться, такъ какъ бывший султанъ былъ одаренъ геркулесовскою силою. Тогда-то нача-

лась борьба, во время которой султанъ искалъ спасенія у оконъ. Фахри-бей, въ котораго Абдуль-Азизъ такъ вѣрилъ, оказался главнымъ распорядителемъ всего: быть можетъ, еще долго продолжалась бы изступленная борьба между жертвою и ея палачами, если бы одному изъ евнуховъ Хаджи-Ахмедъ-агѣ не удалось сзади схватить одно изъ наиболѣе чувствительныхъ мѣстъ султанскаго тѣла. Султанъ не выдержалъ страшной боли и повалился на полъ; тутъ на него тотчасъ же наскочили всѣ убійцы и стали его душиить; Фахри-бей держалъ Абдуль-Азиза за плечи, Мустафа-Джезаирли и Хаджи-Ахмедъ-ага—каждый за одну ногу бившейся на полу жертвы; Мустафа-пехлеванъ сначала нанесъ своему бывшему государю смертельный ударъ въ грудь, а затѣмъ, уже по перенесеніи тѣла на диванъ, разрѣзалъ, согласно даннымъ ему инструкціямъ, вены на обоихъ предплечіяхъ, дабы была возможность объяснить потомъ смерть султана самоубійствомъ.

V.

Мы упомянули о политическомъ процессѣ 1881 года, а потому не безынтересно будетъ перенестись отъ всѣхъ этихъ описанныхъ нами трагическихъ событій, на пять лѣтъ впередъ и сказать нѣсколько словъ объ этомъ дѣлѣ, въ теченіе многихъ недѣль волновавшемъ Константинополь и бывшемъ тогда предметомъ главныхъ заботъ султана Абдуль-Хамида.

Возникло оно по слѣдующему поводу, какъ то установлено самимъ обвинительнымъ актомъ. По повелѣнію Абдуль-Хамида было рѣшено привести въ ясность

дворцовыя издержки и для того, между прочимъ, разсмотрѣть основанія, по которымъ получали жалованье всѣ служащіе при дворѣ. При этомъ замѣтили, что трое придворныхъ служителей—Мустафа-пехлеванъ, Мустафа-Джезаирли и Хаджи-Ахмедъ-ага — хотя и занимали самыя мелкія должности, тѣмъ не менѣе получали крупную сумму, по сто лиръ въ мѣсяць. Изъ наведенныхъ справокъ оказалось, что это была пенсія, назначенная имъ въ награду за убійство султана Абдуль-Азиза. На допросѣ эти личности сознались въ преступленіи, объявивъ, что къ тому ихъ подговорили Махмудъ-Джелаль-Эдинъ-паша и Нури-паша. Данныя, собранныя слѣдствіемъ указывали, что убійство султана было исполнено по приказанію особой комиссіи министровъ, состоявшей изъ Мехмеда-Рушди-паши, Мидхата-паши, Хусейна-Авни-паши, Махмудъ - Джелаль - Эдина-паши, Нури-паши и шейхъ-уль-ислама Хайрулла-эфенди. Безъ согласія этой комиссіи не могло быть принимаемо, по повелѣнію султана Мурада, никакого правительственнаго мѣропріятія. Слѣдствіе установило также, что одновременно съ убійствомъ Абдуль-Азиза предполагалось истребить всѣхъ принцевъ Османова рода, для осуществленія чего Махмудъ-Джелаль-Эдинъ-паша приглашалъ ихъ на банкетъ въ кіоскъ Несбетіэ, расположенный на высотахъ Бебека. Но Абдуль-Хамидъ-эфенди, одинъ изъ всѣхъ турецкихъ принцевъ, возмимѣлъ тогда подозрѣніе: догадался ли онъ, или былъ кѣмъ-либо предувѣдомленъ о готовившемся покушеніи, но, какъ бы то ни было, умыселъ не пришлось привести въ исполненіе, такъ какъ принцы, по настоянію Абдуль-Хамида, отказались отъ приглашенія.

Обнаруженные данныя привели султана Абдуль-

Хамидъ къ убѣжденію, что память умерщвленнаго его дяди нуждается въ отмщеніи. Нѣкоторые недоброжелатели султана, впрочемъ, прибавляли, что главною цѣлью, съ которою было возбуждено все это дѣло было желаніе скомпрометтировать однимъ ударомъ какъ непосредственнаго его предшественника — Мурада, такъ и въ особенности ненавистнаго нынѣшнему султану Мидхадапашу.

По всей вѣроятности предположеніе это не совсѣмъ справедливо, такъ какъ нынѣ уже извѣстно, что Абдуль-Хамидъ всегда сохранялъ особенную привязанность къ своему дядѣ, и тогда еще, когда по городу распространилась первая вѣсть о мнимомъ самоубійствѣ Абдуль-Азиза, онъ болѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобы немедленно было начато строжайшее слѣдствіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ эту таинственную смерть.

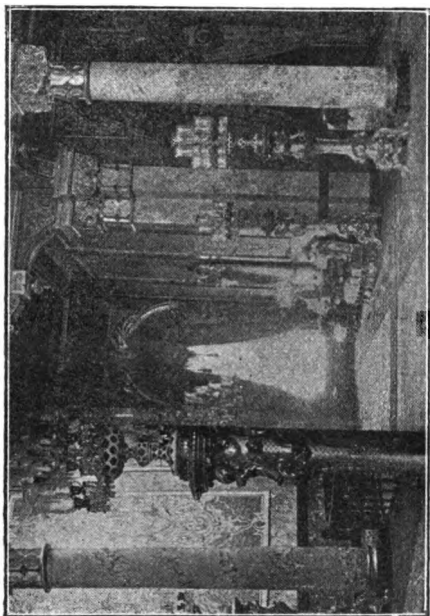
Какъ бы то ни было, въ настоящемъ случаѣ султанъ принялся горячо за дѣло: рѣшивъ придать ему самую широкую гласность, онъ повелѣлъ даже отступить отъ обычнаго порядка судебнаго производства, указавъ, что процессъ долженъ разбираться, такъ сказать, у него на глазахъ, у самыхъ дверей его дворца. И вотъ въ половинѣ іюня мѣсяца, адъютантъ султана и одинъ изъ султанскихъ секретарей явились къ нашему повѣренному въ дѣлахъ, замѣнявшему отсутствовавшаго тогда посла, Е. П. Новикова, съ приглашеніемъ присутствовать на засѣданіяхъ суда, созваннаго для постановленія приговора надъ убійцами Абдуль-Азиза. Всѣ остальные иностранные представители получили приглашенія такимъ же порядкомъ.

Представители державъ рѣшили съ общаго согласія,

не присутствовать на судѣ лично. Западнымъ диплома-тамъ было слишкомъ тяжело видѣть на скамьѣ подсудимыхъ убійцъ того самаго Мидхада, творца пресловутой конституціи, на котораго въ теченіе долгаго времени они смотрѣли какъ на человѣка, предназначеннаго самою судьбою спасти и возродить Турцію. У нашего повѣреннаго въ дѣлахъ не было, конечно, такихъ причинъ, чтобы не присутствовать на процессѣ,—тѣмъ не менѣе, не желая отставать отъ прочихъ, онъ присоединился къ предложенію послать въ судѣ однихъ драгомановъ посольства.

Обстановка суда была столь же необычна, какъ живописна. Огромная, изящная палатка была разбита близъ гауптвахты Мальта, прилегающей къ дворцовой оградѣ Ильдызь-кіоска—резиденціи султана Абдуль-Хамида. Въ глубинѣ палатки на возвышеніи стоялъ столъ, расположенный подковою и покрытый зеленымъ сукномъ. Близъ него, на маленькомъ столикѣ положены были Евангеліе, Коранъ и Талмудъ, на которыхъ затѣмъ присягали свидѣтели. Судьи сидѣли на золоченыхъ стульяхъ. Въ судѣ предсѣдательствовалъ Сурури-эфенди, первоприсутствующій апелляціоннаго суда; судьями были Христофоридесь-эфенди, предсѣдатель уголовной палаты, Хусейнъ-бей, Эминъ-бей, Такворъ-эфенди и Хаджи-Эминъ-эфенди. Прокурорскія обязанности исполнялъ Латифъ-бей. Одиннадцать обвиняемыхъ: Мидхатъ-паша, Нури-паша, Махмудъ-Джелаль-Эдинъ-паша, Мустафа-пехлеванъ, Мустафа-Джезаирли, Хаджи-Ахмель-ага, Фахри-бей, Неджибъ-бей, Али-бей, Сеидъ-бей и Иззеть-бей—сидѣли на простыхъ соломенныхъ стульяхъ противъ суда; отъ публики ихъ отдѣляли низкія перила и рядъ жандармовъ. Кромѣ драгомановъ, въ залѣ

Лѣстница во дворцѣ Бейлербей.

въ числѣ публики было много представителей прессы, какъ мѣстной, такъ и иностранной.

Первое засѣданіе суда было 15-го (27) іюня и продолжалось съ 11 часовъ утра до 7 часовъ вечера. Много времени заняло чтеніе обвинительнаго акта и допросъ главныхъ подсудимыхъ. Относительно бывшаго султана Мурада было заявлено, что онъ не привлекается къ отвѣтственности лишь потому, что онъ сумасшедшій. Фахри-бей хотя и отвергалъ уличающія его показанія и продолжалъ увѣрять, что при входѣ въ комнату онъ нашелъ Абдуль-Азиза на диванѣ уже зарѣзавшимся ножницами, тѣмъ не менѣе вынужденъ былъ сознаться, что именно онъ обезоружилъ бывшаго султана, отобравъ отъ него саблю, принадлежавшую еще султану Селиму.

Второе засѣданіе, происходившее на другой день и затянувшееся до 8 часовъ вечера, было ознаменовано эпизодомъ, произведшимъ на всѣхъ присутствующихъ тяжелое впечатлѣніе, а именно, публикѣ были показаны вещественныя доказательства: изъ большого узла, завязаннаго въ богатую шелковую матерію, вынули одежду, въ которой былъ несчастный Абдуль-Азизъ въ моментъ его убійства, а также четыре простыхъ коленкоровыхъ шторы, въ которыя былъ обернуть затѣмъ его трупъ: всѣ эти предметы были пропитаны кровью выступавшею большими пятнами почти уже чернаго цвѣта.

Во время судебныхъ преній, защитникъ обоихъ сознавшихся пехлевановъ—Мустафы и Хаджи-Ахмеда-аги—старался доказать, что они дѣйствовали, подчиняясь принципу *амири-муджбиръ*—арабское выраженіе, означающее всякаго начальника, который располагаетъ средствами предать смерти всякаго, кто слѣпо не ис-

полнить его приказанія. Адвокатъ доказывалъ, что если судъ признаетъ, что въ данномъ случаѣ такими «амири-муджбирь» были Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша и Нури-паша, то защищаемые имъ подсудимые должны быть освобождены отъ наказанія, такъ какъ мусульманскій законъ прямо говоритъ, что если убійство совершено по приказанію начальника, располагающаго средствами заставить исполнить свое приказаніе, то тогда наказывается, какъ убійца, лишь самъ начальникъ.

Защитники другихъ подсудимыхъ настаивали преимущественно на неполнотѣ предварительнаго слѣдствія и на многочисленныхъ, встрѣчающихся въ этомъ дѣлѣ, противорѣчійхъ.

Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша отказался отъ услугъ защитника и самъ очень энергично старался выяснить свою невинность. Также точно самъ защищался и Мидхатъ-паша, доказывая всю ничтожность, собранныхъ слѣдствіемъ противъ него уликъ и жалуясь на непривлеченіе къ суду многихъ замѣшанныхъ въ дѣло лицъ, которыхъ ему запрещено было вызвать даже въ качествѣ свидѣтелей, дабы онъ, Мидхатъ, могъ лично сдѣлать имъ, чрезъ посредство предсѣдателя, нѣкоторые вопросы и оправдаться отъ взводимыхъ на него возмутительныхъ обвиненій.

Послѣ часового совѣщанія, судъ вынесъ всѣмъ подсудимымъ обвинительный приговоръ, раздѣливъ осужденныхъ на три категоріи: 1) Мустафа-пехлеванъ, Мустафа-Джезаирли, Хаджи-Ахмедъ-ага и Фахри-бей—виновны въ убійствѣ съ предумышленіемъ; 2) Мидхатъ-паша, Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша, Нури-паша, Али-бей и Неджибъ-бей—виновны какъ соучастники убійства; и 3) Сендь-бей и Иззеть-бей—какъ пособники убійства.

Третье и последнее заседание суда происходило 17-го июня: въ немъ обсуждалось лишь опредѣленіе степени наказанія. Въ ожиданіи приговора, осужденные держали себя далеко не одинаково. Махмудъ-Джелаль-Эддинъ паша и Нури-паша были крайне убиты: выраженіе сильныхъ страданій было написано на ихъ лицахъ. Фахри-бей былъ полонъ спокойствія и твердости. Особенно волновались Иззеть-бей и Али-бей, что составляло совершенную противоположность съ способомъ держать себя обоихъ сознавшихся въ преступленіи пехлевановъ, которые сохраняли поразительное равнодушіе; казалось, какъ будто все происходящее вокругъ нихъ нисколько до нихъ не касается. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что самая внѣшность ихъ не соотвѣтствовала ихъ профессіи, съ которою принято соединять понятіе о человѣкѣ росломъ, атлетическаго тѣлосложенія. Мустафа-пехлеванъ, небольшого роста, очень тучный, представлялъ изъ себя не типъ богатыря-борца, а скорѣе толстяка, любящаго прежде всего хорошо покушать. Другой пехлеванъ — Хаджи-Ахметъ-ага — былъ собою тоже невеликъ, худощавъ и совсѣмъ слабago тѣлосложенія.

Сначала судъ произнесъ приговоръ относительно всѣхъ обвиненныхъ, кромѣ Мидхада-паши. За исключеніемъ Сеидъ-бея и Иззеть-бея, приговоренныхъ къ десятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, всѣ остальные приговорены были къ смертной казни. Обвиненные выслушали свой приговоръ съ достоинствомъ, какъ бы покоряясь постигшей ихъ судьбѣ. Тѣмъ неприличнѣе выдѣлялось обращеніе предсѣдателя суда, Сузури-эффенди: одѣтый въ костюмъ улема, онъ произносилъ приговоръ самымъ развязнымъ тономъ, помахивая сво-

имъ ріпсе-нез и показывая пальцемъ поочередно на каждаго обвиненнаго, по мѣрѣ того, какъ произносились въ приговорѣ его имя. Эта турецкая безцеремонность и отсутствіе чувства собственнаго достоинства въ такую безспорно-торжественную минуту, какъ произнесение смертнаго приговора, произвели неизъяснимо тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи иностранцевъ.

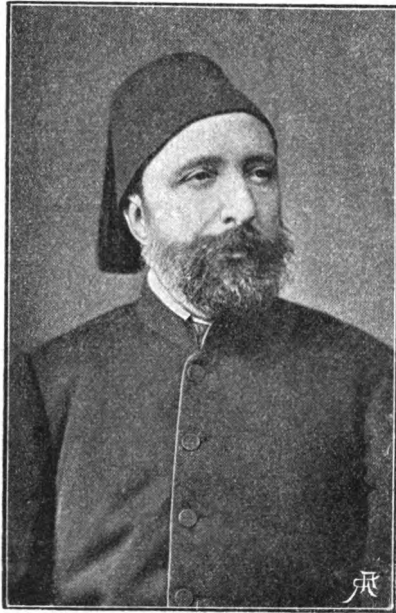
Настала чередъ Мидхата-паши. Все время онъ держался стоя, надменно вперивъ взоръ въ своихъ судей. Отъ времени до времени онъ взглядывалъ на публику, и на устахъ его бродила горькая и саркастическая усмѣшка. Послѣ новыхъ пререканій между Мидхатомъ и судомъ, судьи удалились и, послѣ короткаго совѣщанія, вынесли смертный приговоръ.

Выслушавъ свой приговоръ, Мидхатъ-паша произнесъ съ оттѣнкомъ ироніи: «Хорошо, очень хорошо! они не желаютъ дѣлать никакого различія между мною, пехлеванами и евнухами!» Когда онъ сѣлъ и къ нему подошелъ его защитникъ, назначенный ему отъ суда, проговоривъ въ утѣшеніе: «что дѣлать, паша хазретлери,*) мы должны повиноваться закону!» — «Да увѣрены ли вы вполнѣ,—быстро возразилъ ему бывшій великій визирь,—что именно законъ приговариваетъ меня къ смертной казни?» Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ прибавилъ: «Я доволенъ, я даже очень доволенъ, потому что, право, лучше не жить, чѣмъ жить въ подобномъ мірѣ».

Замѣчательная поспѣшность, съ которою судъ велъ

---

*) *Хазретлери*, титулъ, равнозначущій нашему—*высокопревосходительство*.

Мидхатъ паша.

свои пренія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ настоящій процессъ, не даетъ никакой возможности безошибочно опредѣлить степень дѣйствительной преступности нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Фахри-бея, видимо принимавшаго прямое участіе въ убійствѣ. По отношенію къ Мидхату-пашѣ, судъ поступилъ совсѣмъ несправедливо, отказавъ ему въ совершенно законномъ требованіи вызвать въ судъ свидѣтелей, которые могли бы доказать его невинность.

Вообще, благодаря слабости, неумѣлости слѣдствія, а также неспособности судей, Мидхату-пашѣ, составлявшему центръ, около котораго сосредоточивался весь интересъ процесса,—удалось переставить роли, выступить обвинителемъ своихъ собственныхъ судей и тѣмъ привлечь къ себѣ сочувствіе какъ дипломатическаго корпуса въ Константинополѣ, такъ и публики—мѣстной и иностранной.

Какъ бы то ни было и не взирая на тайну окружающую смерть Абдуль-Азиза, можно считать вполне установленнымъ, что низвергнутый султанъ былъ убитъ, но на судѣ не было окончательно доказано, что убійство совершено было по приказанію комиссіи изъ пяти министровъ, въ числѣ коихъ былъ и Мидхатъ.

Послѣ суда, какъ и до него, оставалось лишь догадываться, на основаніи всей совокупности тогдашнихъ обстоятельствъ, кто былъ истинный убійца Абдуль-Азиза, и кому смерть этого послѣдняго была особенно нужна. И къ настоящему случаю единственно примѣнимымъ выраженіемъ было—*is fecit cui prodest*.

Ильдызскій процессъ произвелъ въ свое время большое впечатлѣніе; оно было особенно тягостно въ Англии и вновь назначенный великобританскій посоль, лордъ

Дефферинъ, получилъ тогда отъ своего правительства приказаніе постараться добиться смягченія наказанія нѣкоторымъ осужденнымъ и въ особенности Мидхату-пашѣ. Въ то же время, по просьбѣ лорда Гренвиля, тогдашній турецкій посоль въ Лондонѣ, Муссурусь-паша, послалъ телеграмму первому секретарю султана, обращаясь къ чувствамъ милосердія падишаха и умоляя его быть милостивымъ къ преступникамъ.

Крайне смущенный тѣмъ, что первыя же сношенія его съ султаномъ должны были касаться предмета завѣдомо неприятнаго Абдуль-Хамиду, англійскій посоль намѣревался было повліять на прочихъ представителей европейскихъ державъ въ Константинополѣ, дабы и они присоединились къ нему, сдѣлавъ сообща дружескія представленія султану. Однако, намеки лорда Дефферина были дипломатами приняты очень холодно. Никто не счелъ возможнымъ вмѣшаться во внутреннее дѣло Турціи; въ особенности сдержанно отнесся къ тому австрійскій посоль, баронъ Каличе, который въ то время употреблялъ всѣ усилія, чтобы достигнуть соглашенія съ Портою по вопросу о соединеніи австро-турецкихъ желѣзныхъ дорогъ.

Тѣмъ временемъ кассационный судъ въ Ильдызѣ разсматривалъ, подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ султана, кассационную жалобу осужденныхъ. Процессъ этотъ такъ поглощалъ вниманіе султана, что всѣ остальные дѣла государственнаго управленія остановились. Въ продолженіе почти мѣсяца Абдуль-Хамидъ проводилъ время исключительно съ турецкими законниками. Въ половинѣ іюля, въ теченіе цѣлой недѣли ежедневно собирался во дворцѣ совѣтъ улемовъ, отъ которыхъ султанъ требовалъ заключенія о правильности произ-

несеннаго приговора съ точки зрѣнія мусульманскаго закона. Улемы затруднились или не захотѣли дать отвѣта относительно сущности самого процесса, т.-е. вопроса объ убійствѣ, а высказались лишь по вопросу о наказаніи виновныхъ, выразивъ мнѣніе, что къ данному случаю должна быть примѣнена мусульманская формула «*таазиръ*», которая предоставляетъ султану самый широкій просторъ въ назначеніи степени наказанія, начиная отъ простаго заключенія въ тюрьмѣ до побіенія камнями.

Недовольный лукавымъ отзывомъ улемовъ, не дававшимъ категорическаго отвѣта на вопросъ, болѣе всего его интересовавшій, Абдуль-Хамидъ созвалъ въ Иль-дызѣ большой совѣтъ (*диванъ*) изъ двадцати-четырехъ тогдашнихъ и прежнихъ министровъ. Голоса въ совѣтѣ раздѣлились: десять, принадлежавшихъ главнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ сановникамъ, не входя въ сущность вопроса, высказались за примѣненіе милосердія; четырнадцать было подано за смертную казнь, но нѣкоторые изъ подавшихъ такой голосъ, тотчасъ же послѣ подачи, заявили, что они перемѣнили мнѣніе и присоединяются къ меньшинству. Такимъ образомъ въ совѣтѣ образовалось большинство въ пользу смягченія приговора. Въ свою очередь и улемы въ послѣднюю минуту признали отвѣтственнымъ за убійство Абдуль-Азиза бывшаго султана Мурада, дѣйствовавшаго по уговору съ султаншей-валиде.

Одно новое обстоятельство прекратило всѣ колебанія чрезвычайнаго совѣта министровъ—совѣту было сообщено письмо на имя султана, подписанное Махмудъ-Джелаль-Эдиномъ пашей и Нури-пашей, въ которомъ они заявляли, что приказъ убить Абдуль-Азиза былъ

*

данъ бывшимъ султаномъ Мурадомъ. Тогда чрезвычайный совѣтъ немедленно и единогласно высказался противъ примѣненія къ осужденнымъ смертной казни, и султанъ смягчилъ судебный приговоръ, замѣнивъ смертную казнь ссылкой преступниковъ навсегда въ Аравію, а именно въ Таифъ—мѣстность, лежащую къ сѣверу отъ Мекки.

18-го іюля 1881 года осужденные государственные преступники были отправлены на султанской яхтѣ «Изеддинъ» въ Джеду, гдѣ они и были переданы подъ надзоръ меккскаго шерифа.

Повидимому, правительство имѣло основаніе опасаться, попытки насильственного освобожденія преступниковъ или, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь народной манифестаціи въ ихъ пользу, такъ какъ въ день отъѣзда изгнанниковъ изъ Константинополя, въ видахъ предосторожности, войска были выстроены на всемъ протяженіи отъ Ильдыза до Босфора и ссылки были проведены на пароходъ между двумя шпалерами солдатъ.

Сосланные въ Таифъ государственные преступники въ 1883 году умерли,—по странной случайности, всѣ въ одинъ день; гласъ народа прямо высказалъ, что они были отравлены.

Такова была развязка мрачной дворцовой драмы, связанной съ послѣдними днями жизни Абдуль-Азиза

VI.

Возвратимся къ прерванному разсказу о событіяхъ 1876 года.

Абдуль-Азизъ былъ убитъ въ 11 часовъ утра, а часа три, четыре спустя были уже его похороны, обставленные большою торжественностью. Всѣ министры присутствовали при перенесеніи гроба въ *тюрге* (надгробную часовню) султана Махмуда, отца покойнаго султана.

Трагическая смерть Абдуль-Азиза примирила съ нимъ многихъ; къ нему начали относиться съ большою справедливостью. Первые восторги по отношенію къ Мураду тогда уже прошли—тѣмъ охотнѣе стали вспоминать объ его предшественникѣ. Несмотря на короткое время, протекшее съ воцаренія султана, уже въ концѣ мая 1876 года стали замѣтны признаки усиленія общаго недовольства.

Улемы, недовольные тѣмъ, что имъ еще не было предоставлено преобладающаго вліянія на государственныя дѣла и что правительство ничего не дѣлаетъ для созданія въ Турціи мусульманской олигархіи, называли султана западникомъ, которымъ вертеть триумвиратъ изъ трехъ пашей: Мехмеда-Рушди, Хусейна-Авни и Мидхата. Султану не прощали, что, противъ всѣхъ правилъ, мусульманскаго этикета, онъ отправился въ мечеть въ перчаткахъ, что на обѣдѣ у себя онъ предлагалъ собесѣдникамъ вино, что онъ не умѣетъ держать себя съ тою важностью, которая приличествуетъ халифу, и что, наконецъ, онъ не нашелся что отвѣтить

на обращенныя къ нему привѣтствія различныхъ депутацій.

По одному турецкому преданію, всѣ султаны, носящіе имя Мурада, должны были быть жестокими гонителями христіанъ. Рядъ этихъ султановъ, по тому же преданію, долженъ былъ закончиться Мурадомъ V, предназначеннымъ произвести такую страшную рѣзню христіанъ, какой дотолѣ не бывало и примѣра. Отголоскомъ такого преданія и было усиленіе во внутреннихъ областяхъ Турціи, по полученіи извѣстія о воцареніи Мурада, религиознаго фанатизма, выразившагося въ нѣкоторыхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ христіанъ. А между тѣмъ, въ дѣйствительности,—разсуждали улемы,—Мурадъ V, скорѣе клонить въ сторону христіанъ, желая, съ помощью конституціи, обезпечить имъ полную равноправность. Улемы были бы, конечно, еще болѣе возмущены, если бы имъ были извѣстны толки, распускавшіеся европейскими друзьями Мурада, о томъ, что чувства уваженія новаго султана къ христіанству таковы, что, быть можетъ, вполсѣдствіи онъ не прочь будетъ и переимѣнить свою религію.

Партія «молодой Турціи» и европейскія колоніи въ Константинополѣ были тоже разочарованы, не видя конституціи, которая должна была исцѣлить всѣ социальныя болѣзни.

Подъ вліяніемъ такихъ причинъ переимѣна въ общемъ настроеніи была такъ сильна, что живи еще Абдуль-Азизъ, онъ, по мнѣнію многихъ турокъ, менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяць снова сядѣлъ бы на престолѣ.

Европейская печать думала, что съ воцареніемъ Мурада начнется новая эра возрожденія Турціи. Такія же надежды возлагались, при воцареніи, и на Абдуль-Азиза.

Но тогда было еще болѣе основаній къ такимъ надеждамъ, такъ какъ на престолѣ, на смѣну государя слабаго и апатичнаго, всходилъ государь съ твердымъ характеромъ, извѣстный строгостью своихъ нравовъ и суровою справедливостью. При восшествіи на престолѣ Мурада, все было какъ разъ наоборотъ.

Переходъ отъ домашняго заключенія къ трону былъ слишкомъ внезапнъ, обстоятельства, при которыхъ онъ совершился, были слишкомъ драматичны, чтобы не оставить глубокихъ слѣдовъ въ умѣ и сердцѣ новаго султана, по природѣ своей и безъ того крайне впечатлительнаго. Потрясеніе, испытанное Мурадомъ въ ночь воцаренія, совершенно разстроило его нервную систему—съ тѣхъ поръ у него сдѣлалась постоянная дрожь, въ особенности въ колѣняхъ. Но окончательно надломлено было его здоровье послѣдующими происшествіями.

Молодой султанъ, при его добромъ характерѣ, былъ глубоко тронутъ ночи заискивающимъ тономъ письма своего низложеннаго дяди, опасавшагося за свою жизнь, Мурадъ отвѣтилъ тогда собственноручнымъ письмомъ, смоченнымъ его слезами; онъ давалъ своему предмѣстнику самыя положительныя обѣщанія, что онъ самъ позаботится и будетъ неослабно наблюдать за его личною безопасностью. Два дня спустя, Абдуль-Азизъ былъ бездыханнымъ тѣломъ.

По несчастной случайности, министры, опасаясь, какъ бы извѣстіе о смерти стараго султана слишкомъ не поразило Мурада, возымѣли злополучную мысль сообщить о происшедшемъ Мураду чрезъ его служителя, подававшаго ему завтракъ. Взволнованный слуга, проникнутый важностью тяжелаго долга, на него возложеннаго, забылъ въ послѣднюю минуту всѣ совѣты о

необходимости предварительно искусно подготовить султана къ грустной новости и, подавая пилавъ, безъ дальнихъ околичностей объявилъ Мураду, что его дядя скончался. Султанъ тотчасъ вскочилъ изъ—за стола—съ нимъ сдѣлалась рвота и сильнѣйшая дрожь, переходившая въ судороги. Удрученный скорбью, Мурадъ горько плакалъ и даже надѣлъ на три дня трауръ—что было настоящимъ новшествомъ для константинопольскаго двора: въ то же время онъ немедленно взялъ къ себѣ младшихъ сыновей Абдуль-Азиза, чтобы всячески постараться замѣнить имъ такъ ужасно погибшаго ихъ отца.

Съ этого момента страшнаго нравственнаго потрясенія, умственныя способности Мурада, какъ бы помутились. Отъ времени до времени у него стали замѣчаться полный упадокъ силъ, какъ бы временное оцѣпенѣніе или столбнякъ, въ продолженіе котораго онъ лишался языка, подолгу оставаясь со взоромъ безпомощно устремленнымъ въ пространство—это было начало таинственной болѣзни, постигшей Мурада на десятый день по его воцареніи и заставившей его снова сойти съ ступеней престола, на который его возвела горсть честолюбцевъ.

Съ самаго начала своего царствованія Мурадъ скорѣе находился въ положеніи вѣнченоснаго плѣнника, названнаго выше триумвирата и не имѣлъ никакого вліянія на дѣла. Министры старались всячески стѣснить Мурада даже въ расходахъ. Независимо отъ того, что, какъ уже сказано ранѣе, въ своемъ манифестѣ о восшествіи на престолъ Мурадъ V объявилъ, что передаетъ казнѣ принадлежащія ему удѣльныя имѣнія и будетъ довольствоваться на содержаніе двора ежегод-

ною суммою въ 300.000 турецкихъ лиръ, новый султанъ долженъ былъ принять на свой собственный счетъ пенсіи разнымъ придворнымъ служителямъ, а также и разные другіе расходы по дворцу, доселѣ платившіеся казною,—такъ что, благодаря всему этому, въ государственной смѣтѣ расходовъ достигалась экономія около милліона турецкихъ лиръ въ годъ. Недовольствуясь тѣмъ и пользуясь безвластіемъ султана Мурада, тогдашніе министры спѣшили урѣзывать дворцовые расходы безъ соображенія съ дѣйствительными потребностями: множество служащихъ и обитательницъ гарема были изгнаны тогда безъ всякаго милосердія. При этомъ играло роль не одно желаніе достигнуть экономіи, а скорѣе стремленіе отдѣлаться отъ людей, которые такъ или иначе могли считаться приверженцами прежнихъ порядковъ, прежняго султана. Удаляя изъ дворца всѣхъ лицъ, которыя были болѣе или менѣе близки къ покойному султану, верховники, конечно, не могли оставить въ покоѣ бывшаго великаго визиря и приказали ему выѣхать безъ промедленія изъ Константинополя.

Махмудъ-Недимъ-паша, который погубилъ и себя и Абдуль-Азиза своею нерѣшительностью, исходившею изъ мысли, что никто не посмѣетъ поднять руку на халифа (какъ будто турецкая исторія не сохранила многихъ доказательствъ противнаго!) и не обратилъ должнаго вниманія на опасность, грозившую правительству, которое могло быть спасено лишь энергіей,—сошелъ съ того времени съ политической сцены и въ концѣ мая переѣхалъ въ городокъ Чесме, гавань, котораго видала въ прошломъ вѣкѣ подвиги графа Орлова и русскаго флота. Мѣстная печать по этому поводу была въ полномъ восторгѣ; трубнымъ гласомъ привѣт-

ствовала она изгнаніе «послѣдняго столба, поддерживавшаго въ Портѣ русское вліяніе, столь пагубное для турецкой имперіи».

Но такъ какъ Порты, по обыкновенію, должна находится подъ чьимъ-либо вліяніемъ, то тѣмъ усиленнѣе стало въ ней проявляться со времени послѣднихъ событий сердечное влеченіе къ Англіи. Турки полагали, что Англія станетъ во главѣ сочувственнаго движенія въ пользу Турціи со стороны европейскаго общественнаго мнѣнія, и что чѣмъ они будутъ враждебнѣе къ Россіи, тѣмъ болѣе поддержать ихъ западные благопріятели. Туркамъ искусно внушали, что стоило Россіи принять на себя, берлинскимъ меморандумомъ инициативу немного болѣе рѣшительныхъ мѣръ въ пользу христіанъ, чтобы всѣ державы отшатнулись отъ Россіи и бросились въ объятія Турціи. Истинный де другъ Порты—это Англія, всегда готовая отстаивать неприкосновенность турецкаго палладіума—Парижскаго трактата 1856 года. Недаромъ органъ «молодой Турціи», журналъ «Stamboul», издававшійся англичаниномъ Ганлеемъ, возвѣщаль, что «низложеніе Абдуль-Азиза предотвратило новую брешь, которую кое кто льстилъ себя надеждой пробить въ Парижскомъ трактатѣ, узаконяя вмѣшательство Европы во внутреннія дѣла оттоманской имперіи: быстрота, съ которою произведенъ былъ переворотъ, одна спасла Турцію, такъ какъ бывший султанъ, склоняясь къ принятію меморандума князя Горчакова, далъ уже Мухтару-пашѣ приказаніе воздерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій въ Черногоріи и Герцеговинѣ».

Тогдашнее вліяніе Англіи на Порту поддерживалось и ея флотомъ: воспользовавшись паникою, вызван-

ною софтами, и прикрываясь рѣшеніями, принятыми въ Берлинѣ о посылкѣ военныхъ судовъ въ воды Леванта, Англія пріобрѣла возможность непосредственно вліять, съ помощью собраннаго въ Безикѣ флота, на рѣшенія Порты и направлять ее противъ Россіи. Командовавшій эскадрою адмиралъ Друммондъ, нисколько не стѣсняясь, обѣщаль тогда заняться самъ приведеніемъ турецкихъ броненосцевъ въ боевую готовность, чтобы сдѣлать Турцію неуязвимою на Черномъ морѣ и способною подавить тамъ возростаніе русскихъ морскихъ силъ.

Главнѣйшимъ дѣятелемъ тріумвирата пашей, заправлявшаго тогда судьбами оттоманской имперіи, былъ, безспорно, Хусейнъ-Авни-паша. Укрѣпивъ, послѣ дворцоваго переворота, свое личное положеніе, онъ сталъ стараться мало-по-малу отдалиться отъ Мидхата-паши, отъ партіи «молодой Турціи» и отъ, проповѣдуемыхъ ею конституціонныхъ идей. Подъ вліяніемъ его, самое движеніе въ пользу конституціи начало ослабѣвать,—ходжи и софты, а также вообще улемы, не желавшіе никогда давать какія-либо новыя права христіанамъ, подписали адресъ, въ которомъ протестовали противъ приписываемаго имъ намѣренія измѣнить образъ правленія, либо требовать конституціи.

Дѣйствительно, для всякаго безпристрастнаго наблюдателя очевидна вся невозможность для Турціи имѣть конституціонный образъ правленія. Невозможность эта вытекаетъ изъ разноплеменности народовъ оттоманской имперіи, другъ другу враждебныхъ, съ стремленіями совершенно различными, неимѣющихъ между собой никакой солидарности, раздѣленныхъ происхожденіемъ, религіею, правами и, въ добавокъ, не обладающихъ

ни достаточнымъ образованіемъ, ни политическою зрѣлостью;—излишне также говорить, что съ точки зрѣнія практической, за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, нельзя было бы даже составить правильныхъ списковъ избирателей.

Кромѣ того, при болѣе пристальномъ изученіи вопроса о пригодности конституціоннаго образа правленія для Турціи, быть можетъ, возможно подыскать еще и другія причины, лежащія гораздо глубже и обуславливающія непримѣнимость подобной системы къ оттоманской имперіи.

Только неограниченная монархія совмѣстна съ восточными понятіями. Парламентаризма азіаты не понимаютъ, и колебанія, напр., англійской парламентской политики, представляются восточному челоуѣку только слѣдствіемъ слабости и нерѣшительности... На восточнаго челоуѣка дѣйствуетъ только страхъ; уважаютъ только того, кого боятся, а изъ этого ясно, что единственная форма правленія для восточныхъ государствъ, одинаково выгодная и для государя и для подданныхъ и вполне соответствующая народному сознанію, это ничѣмъ неограниченная сильная центральная власть— не будетъ такой власти, не будетъ и государства.

Въ виду всего этого, можно предположить одно, а именно, что искусственно поднятое движеніе въ пользу конституціи въ Турціи имѣло подкладкою желаніе Мидхата и его клеветовъ привлечь къ *себѣ* лично благосклонность западной Европы и обезпечить лично за *собою* ея дѣятельную поддержку.

И вдругъ подъ вліяніемъ Хусейна-Авни-паши, столь благопріятное для «молодой Турціи» движеніе стало ослабѣвать, встрѣчая оппозицію со стороны могущест-

веннаго сословія улемовъ. Враждебный напоръ оказался настолько сильнымъ, что самъ Мидхатъ вынужденъ былъ отступить, довольствуясь пока тѣмъ, что на него было возложено составленіе проекта объ учрежденіи нѣсколько усиленнаго государственнаго совѣта, съ болѣе обширнымъ кругомъ власти и съ правомъ нѣкотораго контроля надъ государственными финансами. Приходилось удовлетвориться и такимъ незначительнымъ ограниченіемъ султанской власти. Но, отказываясь явно отъ своихъ замысловъ, Мидхатъ-паша втайнѣ помышлялъ тогда объ учрежденіи въ Турціи республики, въ надеждѣ стать ея президентомъ.

Понятно, потому, какъ неприятно было Мидхату усиленіе Хусейна-Авни-паши, единственнаго человѣка, который имѣлъ силу и возможность съ нимъ бороться, и какъ горячо долженъ онъ былъ—онъ и близкіе къ нему—желать отдѣлаться отъ военнаго министра. Какъ бы въ угоду подобному желанію Мидхата-паши, тогда произошло новое загадочное обстоятельство, благодаря которому «молодая Турція» какъ разъ во-время избавилась отъ опаснаго соперника. 4-го іюня сераскиръ палъ подъ пулюю черкеса Хасана.

Уроженецъ Кабарды, Хасанъ-бей былъ молочнымъ братомъ третьей жены Абдуль-Азиза, матери принца Мехмедъ-Шевкета-эфенди. Благодаря своему родству съ султаншей, онъ былъ сдѣланъ ординарцемъ у старшаго сына Абдуль-Азиза—Юсуфъ-Иззедина. Строптивый нравъ Хасана былъ причиною многихъ стычекъ его съ начальствомъ, между прочимъ и съ Хусейнъ-Авни-пашою, который нѣсколько разъ собирался выслать его изъ Константинополя, но покровительство султанши-валидэ постоянно спасало его. Послѣ переворота 18-го

мая, Хасана произвели въ слѣдующій чинъ, приказавъ, однако, отправиться безъ промедленія къ своему полку, въ Багдадъ. Въ виду его отказа подчиниться такому приказанію, онъ былъ арестованъ на 15 дней, и тогда-то, по всей вѣроятности, принялъ онъ рѣшеніе кровью смыть оскорбленіе, нанесенное ему, по его мнѣнію, военнымъ министромъ.

Одно время предполагали, что Хасанъ-бей, рѣшавъ на убійство-Хусейна-Авни, былъ лишь однимъ изъ орудій обширнаго заговора, составленнаго въ пользу Юсуфа-Иззедина военными, уколотыми намекомъ на ихъ измѣну, выраженнымъ въ письмѣ Абдуль-Азиза къ султану Мураду,—и не бывшими въ состояніи себя простить, что въ ночь переворота ихъ заставили играть роль простыхъ пѣшекъ въ рукахъ главныхъ заговорщиковъ. Но на сколько можно судить по выяснившимся впоследствии даннымъ, едва-ли такое предположеніе можно считать основательнымъ. Вѣрнѣе, пожалуй, допустить, что кромѣ личной злобы на сераскира, засадившаго неукротимаго черкеса подъ арестъ, Хасанъ-бей желалъ еще отомстить Хусейну-Авни и какъ главному виновнику низложенія, а затѣмъ и смерти Абдуль-Азиза, обусловившей и самоубійство султанши—сестры Хасана, вслѣдствіе чего самъ Хасанъ дѣлался незначительнымъ армейскимъ офицеромъ. Сравненіе того, что было прежде, съ тѣмъ, что его ожидало впереди, было слишкомъ невыгодно, слишкомъ невыносимо для его необузданнаго характера, и нѣтъ ничего мудренаго, что во время своего заключенія на гауптвахтѣ Хасанъ-бей рѣшилъ, быть можетъ, отчасти и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ искусныхъ нашептываній лицъ, заинтересованныхъ въ устраненіи Хусейна-Авни-па-

ши,—самъ расправиться съ сераскиромъ и за-одно отомстить и за сестру и за потерю своего собственнаго привилегированнаго положенія.

Когда принятое намѣреніе было обдуманно во всѣхъ подробностяхъ, Хасанъ объявилъ, что онъ готовъ ѣхать въ Багдадъ къ мѣсту служенія, почему и былъ освобожденъ изъ-подъ ареста. Изъ тюрьмы онъ прямо отправился въ Скутари, гдѣ находился *ям* (загородный домъ) Хусейна-Авни-паши. Въ Скутари хорошо знали бывшего принца ординарца, брата султанши, и потому не затруднились ему отвѣтить, что сераскира нѣтъ дома и что вмѣстѣ съ другими министрами онъ теперь на совѣтѣ у Мидхата-паши. Отсюда Хасанъ-бей отправился въ Стамбуль, пообѣдалъ и имѣлъ бесѣды съ нѣсколькими лицами—слѣдствіе потомъ не выяснило, или намѣренно замяло вопросъ, съ кѣмъ именно видѣлся въ тотъ вечеръ Хасанъ и что онъ вообще дѣлалъ въ теченіе всего вечера. Какъ бы то ни было, около полуночи, скрывъ подъ плащомъ два шестизарядныхъ револьвера и большой черкесскій кинжалъ, Хасанъ явился въ *конакъ* (дворецъ) Мидхата-паши, находившійся въ кварталѣ, называемомъ Таушанъ-ташъ. Тамъ тоже люди хорошо знали Хасана и безъ затрудненія пропустили его на верхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ говорилъ, онъ долженъ былъ передать военному министру очень важную телеграмму. Подъ предлогомъ этой служебной надобности, Хасанъ безпрепятственно проникъ въ залу совѣта.

На диванѣ, по срединѣ, сидѣлъ въ разстегнутомъ мундирѣ Хусейнъ-Авни-паша; рядомъ съ нимъ, въ креслѣ, Рашидъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ. Приподнявъ тяжелую завѣсу, замѣняющую въ турецкихъ

домахъ двери, Хасанъ бросился съ ругательствами прямо на военнаго министра и, крикнувъ: «*сераскерь давранма!*» (не шевелись, сераскирь!) — выстрѣлили въ него въ упоръ: пуля пронзила ему грудь немного выше лѣваго сосца, — судьбѣ было угодно, чтобы Хусейнъ-Авни-паша былъ пораженъ въ то же мѣсто, въ какое нанесенъ былъ смертельный ударъ и бывшему его повелителю, султану Абдуль-Азизу. Какъ не обратить вниманія на подобное совпаденіе, вѣрнѣе, проявленіе карающей Немезиды!

У Хусейна-Авни-паши хватило еще силъ подняться и сдѣлать нѣсколько шаговъ по направленію къ убійцѣ, но, получивъ еще нѣсколько ударовъ кинжаломъ въ грудь и животъ, онъ упалъ, чтобы не подниматься болѣе.

Тѣмъ временемъ, великій визирь, Мехмедъ-Рушди-паша, и другіе министры двумя боковыми дверями спаслись въ сосѣднія комнаты; Мидхатъ-паша ползкомъ скрылся въ свой гаремъ. Рашидъ-паша оставался какъ прикованный къ креслу, не будучи въ состояніи пошевелиться. Одинъ лишь *капуданъ-паша* (генераль-адмиралъ) почти 80-лѣтній старецъ, Ахмедъ-Кайсарли-паша, въ молодости своей участвовавшій въ Наваринскомъ сраженіи, храбро бросился на убійцу и вступилъ съ нимъ въ рукопашную борьбу, продолжавшуюся нѣсколько минутъ, что и позволило другимъ министрамъ убѣжать. Отбиваясь отъ него, Хасанъ стрѣляетъ и пуля пробиваетъ плечо капудана-паши; не довольствуясь тѣмъ, Хасанъ, уже не помня себя, начинаетъ поражать его кинжаломъ и наносить глубокія раны въ лѣвый високъ, плечо и руку. Въ это время на помощь старику подоспѣлъ слуга Мидхата-паши, Ахмедъ-ага, и тогда

Черкесъ Хасанъ.

лишь морской министр, весь израненный, обливаясь кровью, могъ скрыться въ сосѣдную комнату, гдѣ уже былъ великій визирь и Халеть-паша, послѣ чего они немедленно забаррикадировали дверь разною мебелью.

Сильный и рослый Ахмедъ-ага схватился съ Хасаномъ и старался побороть его, скрутивъ ему назадъ руки, но гибкій, какъ змѣя, черкесъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, отчасти высвободилъ руку и выстрѣломъ въ ухо несчастнаго служителя, распростеръ его у своихъ ногъ бездыханнымъ.

Одолѣвъ своего опаснаго соперника, Хасанъ оглядѣлся, и отуманенный кровью его взглядъ упалъ на Рашида-пашу, подѣ влияніемъ смертельнаго ужаса продолжавшаго сидѣть въ полномъ оцѣпенѣніи. Раздался новый выстрѣлъ—пуля попала Рашиду прямо въ подбородокъ и убила министра на-поваль.

Остервенившійся злодѣй сталъ затѣмъ ломиться въ дверь комнаты, гдѣ былъ Мехмедъ-Рушди-паша, крича ему: «Отворите! клянусь, что я ничего не имѣю противъ васъ, а хочу только добратся до Ахмеда-Кайсарли!»—«*Олумъ* (сынъ мой), — отвѣтилъ ему великій визирь, всячески защищая дверь:—того, кого ты ищешь, нѣтъ со мною; увѣряю тебя, я одинъ». Но Хасанъ не унимался; продолжая ломиться въ дверь, онъ повторялъ: «Отворите, мнѣ нужно поговорить съ вами; клянусь, что я вамъ не причиню никакого зла». А великій визирь ему въ отвѣтъ, изъ-за двери: «Я вѣрю твоей клятвѣ, сынъ мой! только ты теперъ немножко взволнованъ; мы лучше поговоримъ завтра».

Не будучи въ силахъ взломать дверь, Хасанъ, находившійся уже въ состояніи полнаго изступленія, сталъ пронизывать ее въ разныхъ направленіяхъ пулями изъ

своихъ револьверовъ. Въ то же время онъ опрокинулъ горѣвшій канделябръ и зажегъ занавѣси, надѣясь, вѣроятно, воспользоваться сумятицею, сопровождающею всякій пожаръ, чтобы постараться спастись.

Звуки выстрѣловъ встревожили всѣхъ окрестныхъ жителей, и чрезъ полчаса прибылъ на мѣсто убійства отрядъ полицейскихъ и солдатъ съ ближайшей караулни. Убійца началъ съ ними отчаянную борьбу—жертвами его пали еще одинъ убитый *заптис* (полицейскій) и пять солдатъ, получившихъ разныя тяжкія раны. Съ нимъ справились, лишь нанеся нѣсколько ранъ штыками, но не убивая, чтобы сохранить живымъ для слѣдствія. Въ этотъ промежутокъ времени, начальникъ отряда, адъютантъ морского министра, Шюкри-бей, успѣлъ уже пробраться по черной лѣстницѣ въ комнату, гдѣ были спасшіеся министры, вывелъ ихъ на улицу, а самъ, вернувшись въ залу совѣта, бросился съ обнаженною саблею въ свалку. Въ эту минуту солдаты подняли уже Хасана на штыки; не взирая на то, этотъ бѣшеный человекъ не измѣнилъ своей желѣзной энергии. Вонзая въ себя глубже штыки, Хасанъ дотянулся до голенища своего сапога, гдѣ у него былъ спрятанъ револьверъ, и однимъ выстрѣломъ убилъ Шюкри-бея на-поваль.

Справившись съ убійцей, солдаты потушили начинавшійся отъ канделябра пожаръ. Въ залѣ бывшаго совѣта министровъ, крови было такъ много, что, какъ на бойнѣ, она протекла въ нижній этажъ.

На слѣдствіи, Хасанъ-бей показаль, что онъ хотѣлъ отмстить сераскиру за роль, которую тотъ сыграль по отношенію къ Абдуль-Азизу. «Но что же сдѣлаль тебѣ или покойному султану этотъ несчастный Рашидъ-

паша?»—спросилъ Хасана предсѣдатель военнаго суда. «Я не хотѣлъ его убивать; только когда я его увидѣлъ окаменѣвшимъ отъ страха, я рѣшился покончить и съ нимъ, да, въ добавокъ, онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что служилъ орудіемъ чужой политики».

Одновременно съ арестомъ Хасана было задержано около тридцати человѣкъ по подозрѣнію въ составленіи военнаго заговора, но судъ не могъ собрать никакихъ положительныхъ доказательствъ въ подтвержденіе подобнаго предположенія.

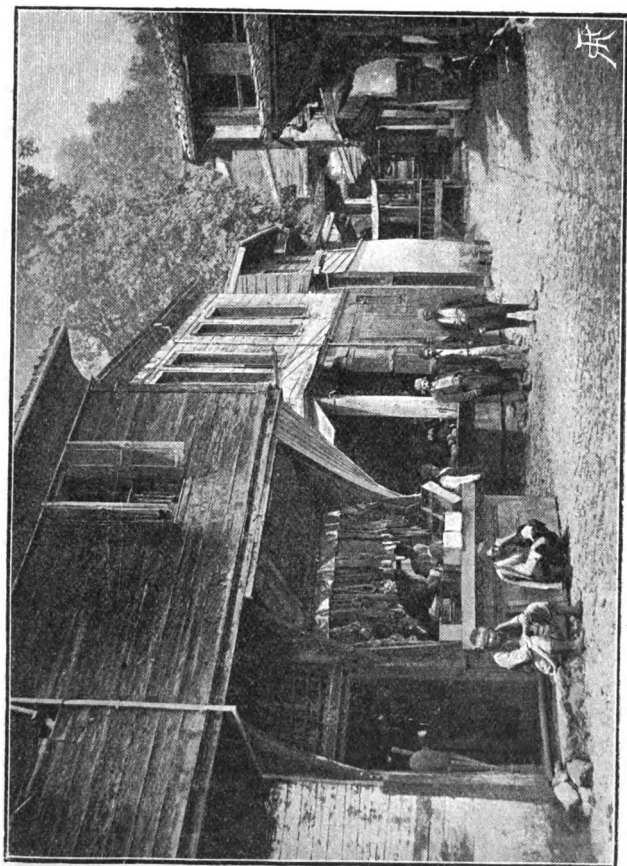
Зная заранѣе объ ожидающей его судьбѣ, Хасанъ не захотѣлъ, чтобы ему была оказана какая-либо медицинская помощь, и когда онъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ, собравшимся въ сераскератѣ, къ повѣшенію, ночью въ тюрьмѣ сорвалъ свои повязки и умеръ отъ ранъ и потери крови. Порта, впрочемъ, скрыла эту смерть и трупъ Хасана былъ все-таки повѣшенъ, чрезъ 24 часа, на площади Баязида. Повѣсили его на низкомъ суку стараго, коряваго тутоваго дерева, такъ, что ноги Хасана почти касались земли. Толпы любопытныхъ перебивали въ тотъ день около этого трупа—ужь слишкомъ поразило всѣхъ неслыханное звѣрство человѣческой бойни, произведенной черкесомъ Хасаномъ!

Хотя народъ считалъ убійство Хусейна-Авни-паши справедливымъ возмездіемъ за низложеніе султана и видѣлъ въ Хасанѣ руку, покаравшую главнаго заговорщика, свергнувшаго Абдуль-Азиза, но какъ-то плохо вѣрится, что судьбѣ угодно было покарать лишь тѣхъ министровъ, кто былъ наиболѣе способенъ, въ своей спеціальности, и изъ которыхъ одинъ хотѣлъ сбросить съ себя опеку Мидхата-паши и поддерживающей его

партіи, а другой повиненъ былъ лишь въ томъ, что, благодаря своему просвѣщенному взгляду на вещи и проникательному уму, полагалъ, что Турціи слѣдуетъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Россією и что, потому, славянамъ Балканскаго полуострова должны быть сдѣланы нѣкоторыя уступки. Нельзя не сказать, что Рашидъ-паша и вообще, по личному своему характеру и по безкорыстію, представлялъ особенно рѣдкое исключеніе изъ турецкихъ министровъ и, въ противность Хусейну-Авни-пашѣ, оставившему послѣ себя громадное состояніе, былъ такъ бѣденъ, что вдова его, чтобы устроить приличные похороны, вынуждена была просить у великаго визиря денегъ займа.

Смерть Хусейна-Авни была какъ нельзя болѣе на руку крайней турецкой партіи, а потому нѣкоторые западно-европейскіе дипломаты не скрывали своей радости, что событіе это произошло какъ разъ кстатѣ, что оно вообще «расчистило почву». Отнынѣ власть безспорно переходила къ Мидхату-пашѣ и его клевретамъ, которые такимъ образомъ, благодаря Хасану, внезапно получили возможность разыграть рѣшающую роль и быть полновластными распорядителями судебъ имперіи.

Спасеніе при тогдашнихъ обстоятельствахъ Мидхата-паша,—одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей переворота, за который будто бы мстилъ Хасанъ,—отъ вѣрной смерти, казалось также столь удивительнымъ, столь подтверждало нѣкоторые толки о томъ, что Мидхату было заранѣе извѣстно о готовившемся покушеніи Хасана, что органъ «молдой Турціи», «Stamboul», счелъ необходимымъ, рассказывая объ убійствѣ министровъ, вложить въ уста Хасана такія рѣчи, будто бы произ-

Улица въ Бейкозъ.

несенныя имъ въ минуту арестованія, т.-е. когда, какъ мы видѣли, онъ висѣлъ на штыкахъ: «я сожалѣю, что убилъ несчастнаго заптія, но о чемъ сожалѣю въ особенности, такъ это о томъ, что отъ меня ускользнула Мидхатъ-паша».

VII.

Убійство министровъ имѣло непосредственное вліяніе на состояніе здоровья молодого султана—оно нанесло окончательный ударъ уже ранѣе потрясенному его разуму. Мурадъ началъ-было въ то время поправляться: переѣхавъ въ Ильдызъ, султанъ, какъ казалось, чувствовалъ себя гораздо лучше, умъ его сталъ успокаиваться по мѣрѣ того, какъ сглаживались ужасныя впечатлѣнія воцаренія и убійства Абдуль-Азиза. 4-го іюня, однако, онъ внезапно увидѣлъ, что войска со всѣхъ сторонъ окружили Ильдызъ-кіоскъ. Встревоженный, онъ спрашиваетъ объясненій; ему отвѣчаютъ уклончиво, говоря лишь, что это необходимая мѣра предосторожности, чтобы обезпечить его безопасность.

Больной умъ Мурада не могъ вынести сообщенія о новой опасности, противъ которой его надо было такъ ограждать, и съ этой минуты онъ уже нигдѣ не могъ найти себѣ покоя. Страхъ быть убитымъ сталъ преслѣдовать его неотступно, раздражая все болѣе и болѣе его расшатанную нервную систему. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ сидѣлъ запершись съ своимъ докторомъ, Каполеоне, и впалъ въ такую апатію, что не могъ ни принять новыхъ министровъ—иностранныхъ дѣлъ, Сафвета-пашу, и юстиціи, Халиль-Шерифа-пашу, ни под-

писать грамотъ къ иностраннымъ государямъ о своемъ воцареніи, ни даже отправиться въ пятницу въ мечеть, что произвело на народъ удручающее впечатлѣніе. Англійскому послу, сэру Генри Эллиоту, на просьбу объ аудіенціи, султанъ приказалъ отвѣтить, что онъ еще не въ состояніи принять представителя королевы Викторіи. Самая церемонія Кылычъ-Алая (препоясанія мечемъ), замѣняющая у турокъ обрядъ коронаванія султановъ, откладывалась со дня на день до тѣхъ поръ, какъ объясняли, пока умы населенія столицы успокоятся совершенно отъ пережитыхъ событій. Ослабѣвшій физически и нравственно, Мурадъ V не хотѣлъ заниматься никакими дѣлами, отказывая въ пріемѣ даже великому визирю, такъ что нѣкоторыя нетерпящія отлагательства дѣла велись лишь чрезъ посредство султанши-валидэ.

Въ концѣ концовъ, злодѣяніе Хасана имѣло еще одно неожиданное послѣдствіе; перепуганный, больной Мурадъ, сначала хотѣвшій просто отречься отъ престола въ виду слишкомъ большихъ опасностей, сопряженныхъ съ этимъ послѣднимъ, вдругъ почувствовалъ приливъ конституціонныхъ вождедѣній—ему захотѣлось и остаться на престолѣ, и избѣгнуть прямой отвѣтственности, лежащей предъ Богомъ и народомъ на всякомъ самодержавномъ государѣ. Такой исходъ онъ видѣлъ въ конституціи, которая могла избавить его отъ многихъ заботъ и обезпечить, какъ ему казалось, болѣе спокойное существованіе, въ особенности еслибы удалось привести въ исполненіе задуманную тогда мѣру ограниченія власти шейхъ-уль-ислама отнятіемъ у него права путемъ фетвы низлагать султановъ.

Въ концѣ іюня мѣсяца, т.-е. спустя лишь мѣсяць

съ небольшимъ послѣ воцаренія Мурада, какъ христіане, такъ и мусульмане не скрывали уже, что революція 18-го мая имѣла одни отрицательные результаты. Событія разочаровали самого сэра Генри Эллиота: онъ убѣдился, что революція свелась лишь къ перемѣнѣ личности, а не системы. вмѣсто государя съ сильною волею, съ извѣстнымъ обаяніемъ и опытностью, на тронъ посадили государя, слабость котораго благопріятствовала лишь анархіи и властительству разныхъ беззастѣнчивыхъ честолюбцевъ. Не покидавшая Мурада нервная болѣзнь неминуемо отражалась упадкомъ уваженія къ нему со стороны массы народной, согласно корану требующей, чтобы халифъ хотя разъ въ недѣлю показывался въ мечети своимъ вѣрнымъ подданнымъ, а по городу уже ходили слухи, что султанъ не владѣеть языкомъ и на доклады министровъ отвѣчаетъ однимъ смѣхомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, въ виду всего этого, чрезъ мѣсяць по восшествіи Мурада на престоль, зашла уже рѣчь объ изданіи новой фетвы о низложеніи султана.

Между тѣмъ политическія обстоятельства становились все болѣе и болѣе серьезными и требовали сильной власти. Внутри Турціи возбужденіе мусульманскаго фанатизма выражалось рѣзнею христіанъ въ Болгаріи, неистовствами черкесовъ и башибузуковъ. Въ своихъ границъ, Турціи приходилось продолжать войну съ Черногорією, къ которой вскорѣ присоединился новый союзникъ, не желавшій пропустить удобнаго момента для достиженія независимости. Представители европейскихъ державъ въ Бѣлградѣ, опасаясь дальнѣйшихъ осложненій на Востокъ, всячески удерживали Сербію отъ участія въ вооруженной борьбѣ съ Турціей, но стара-

нія ихъ были безуспѣшны—15-го іюня война была объявлена, а 18-го сербскія войска, подъ предводительствомъ генерала Черняева, вступили на турецкую территорию.

Чтобы справиться съ Сербіей и Черногоріей, Порта нашла наиболѣе удобнымъ все болѣе и болѣе придавать борьбѣ характеръ священной войны противъ невѣрныхъ (*джихадъ*). Хедивъ египетскій прислалъ на подмогу два полка: въ самомъ Константинополѣ стали устраиваться особые отряды добровольцевъ (*ѣннюлю*)—каждый доброволецъ получалъ при записываніи двѣ турецкія лиры, одежду и билетъ на полученіе оружія изъ арсенала. Константинополь съ предметами выставилъ около десяти тысячъ такихъ ѣннюлю. Софты составили свой отдѣльный отрядъ подъ предводительствомъ улема Салима-эфенди—ихъ записалось тогда около шести тысячъ человекъ. Лагерь добровольцевъ былъ разбитъ въ Бейкосѣ, насупротивъ Буюкдере, на азіатскомъ берегу Босфора, тамъ, гдѣ стояли въ 1833 году вспомогательныя войска, посланныя императоромъ Николаемъ спасать султана Махмуда. Мидхатъ-паша сѣмѣлъ сдѣлаться кумиромъ этой орды и не упускалъ случая отправиться въ Бейкосъ и произнести тамъ нѣсколько зажигательныхъ рѣчей: онъ уже началъ тогда мечтать о томъ, какъ бы устроить, чтобы весь этотъ нафанатизированный сбродъ добровольцевъ, а также и стамбульская чернь провозгласили его пожизненнымъ великимъ визиремъ, что было бы равнозначуще той военной диктатурѣ, которой добивался его бывшій соперникъ—покойный Хусейнъ-Авни-паша.

Анархія вообще увеличивалась, а султанъ продолжалъ отказываться отъ занятій дѣлами, не хотѣлъ ви-

даться съ министрами и не могъ принять даже иностранныхъ представителей, которые, получивъ свои новыя вѣрительныя грамоты, не знали, какъ передать ихъ султану. Страхъ смерти у Мурада былъ такъ силенъ, что въ одинъ изъ своихъ свѣтлыхъ промежутковъ онъ откровенно признался великому визирю и Мидхату-пашѣ, что онъ чувствуетъ свою неспособность править государствомъ и готовъ подписать отреченіе отъ престола. Мехмедъ-Рушди-паша ничего не имѣлъ бы противъ такого рѣшенія вопроса, которое предоставило бы престоль законному наслѣднику Мурадову—Абдуль-Хамиду, но Мидхатъ-паша тому воспротивился, такъ какъ его собственные замыслы о диктатурѣ могли быть приведены въ исполненіе, съ помощью печати и добровольцевъ, гораздо легче при султанѣ безнадежно больномъ, чѣмъ при Абдуль-Хамидѣ, извѣстномъ уже и тогда своею желѣзною волею и своимъ характеромъ дѣятельнымъ и гордымъ.

Такимъ образомъ, судьбы оттоманской имперіи, въ то время, были всецѣло въ рукахъ Мехмеда-Рушди и Мидхата. Хотя подобная роль и льстила ихъ честолюбію, но тѣмъ не менѣе они чувствовали и всю тяжесть лежавшей на нихъ отвѣтственности и были бы не прочь раздѣлить ее съ нѣкоторымъ подобіемъ представительнаго правленія, чтобы не отвѣчать однимъ за будущія послѣдствія. Поэтому, Мидхатъ-паша воспользовался большимъ чрезвычайнымъ диваномъ (совѣтомъ) изъ 80 лицъ, созваннымъ для обсужденія положенія дѣль, возникшаго вслѣдствіе закрытія австрійцами порта Клека—чтобы расширить рамку преній и, не боясь уже оппозиціи сраженнаго Хасаномъ Хусейна Авни-паша, заговорить о необходимости конституціи.

Кази-аскеръ Румелии, Сейфъ-Эддинъ-эфенди, произнесъ въ томъ же совѣтѣ рѣчь, въ которой доказывалъ, что исламъ не только не запрещаетъ вводить нужныя преобразованія, но, напротивъ, всячески ихъ поощряетъ. Мидхатъ-паша, въ свою очередь, доказывалъ, что именно во время кризиса, подобнаго переживаемому, необходимы конституціонныя учрежденія, которыя одни могутъ спасти государство. Говорившій послѣ него, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ партіи «молодой Турціи», Зія-бей, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, разразился грозною филиппикою въ томъ же духѣ, какъ и Мидхатъ-паша, только, одновременно съ тѣмъ, онъ старался доказать, что въ Турціи ничто не перемѣнилось со времени низложенія и смерти Абдуль-Азиза, и что потому не стоило-де перемѣнять государя чтобы продолжать прежнія ошибки. Въ концѣ засѣданія Мидхатъ-паша представилъ свой проектъ конституціи, который и было рѣшено отпечатать въ 80 экземплярахъ, по числу членовъ дивана, дабы эти послѣдніе могли на досугѣ зрѣло его обдумать и подготовиться къ дальнѣйшему его обсужденію въ слѣдующемъ диванѣ.

Къ концу іюля мѣсяца здоровье Мурада, вмѣсто того, чтобы уллучшиться, приняло, напротивъ, все болѣе и болѣе безнадежный оборотъ; постепенно выяснилось, что царскій вѣнецъ положительно слишкомъ тяжелъ для бѣдной больной головы Мурада. Подъ вліяніемъ мучившей его неотступной мысли, онъ только и дѣлалъ, что разсматривалъ жилы на своихъ рукахъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были вскрыты у несчастнаго Абдуль-Азиза. Слухи о неизлечимой его болѣзни распространялись въ народѣ все шире и шире, и народъ начиналъ толковать о незаконности тогдашняго прави-

тельства: Мехмеда-Рушди, Мидхата и Саадудла-бея прямо обвиняли въ подлогѣ, говоря, что они издають фальшивые султанскіе *ирадэ* (повелѣнія), выражающіе вовсе не султанскую волю, и что тѣмъ самымъ они самовольно присваиваютъ себѣ власть и права, принадлежащія исключительно одному халифу.

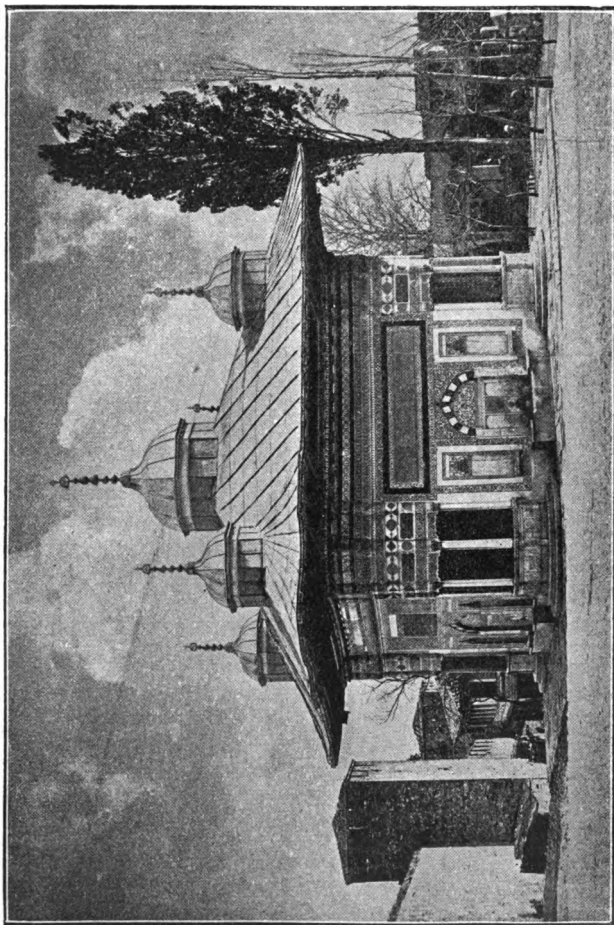
Что еще болѣе усложняло внутреннія затрудненія турецкаго правительства, и безъ того уже крайне тяжеля вслѣдствіе войны, виѣшнихъ замѣшательствъ и истощенія государственной казны, это были постоянные раздоры между министрами, въ особенности между великимъ визиремъ и Мидхатомъ-пашою, согласіе между которыми продолжалось очень короткое время. Дѣло въ томъ, что, сочувствуя по наружности конституціоннымъ идеямъ, Мехмедъ-Рушди въ дѣйствительности былъ ярымъ ихъ противникомъ, такъ какъ въ глубинѣ своей души онъ не могъ сочувствовать установленію новаго порядка, основаннаго на равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій. Проникнутый такими мыслями, великій визирь счумѣлъ возстановить и общественное мнѣніе противъ ненавистныхъ ему конституціонныхъ идей.

При встрѣчающейся иногда у стариковъ внезапной пере мѣнчивости мнѣній, Мехмедъ-Рушди-паша пересталъ вдругъ бояться отвѣтственности, связанной съ тогдашнимъ исключительнымъ его положеніемъ. Ему, наоборотъ, стало нравиться править Турціею самовластно съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось отстранить Мидхата.

Мидхатъ-паша, въ свою очередь, не могъ примириться съ своимъ изолированнымъ положеніемъ и задумалъ приобрѣсти снова вліяніе на дѣла, но уже другимъ путемъ. Поэтому, затаивъ, на время, свои мечты о

конституціи, онъ сталъ возбуждать противъ правительства улемовъ. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ стали собираться на сходки, чтобы обсуждать положеніе дѣль, а также высказываться о вытекающей изъ болѣзни султана незаконности распоряженій великаго визиря, правящаго именемъ сумасшедшаго султана. На сходкахъ этихъ были приняты рѣшенія о необходимости низложить Мурада V и удалить великаго визиря. Въ то же время возникли новыя волненія между софтами на почвѣ разсужденій о томъ, какія реформы необходимы для поправленія Турціи. Споры ихъ приходили къ выводу, что, прежде всего, Мехмедъ-Рушди-паша долженъ быть высланъ изъ Константинополя. Получивъ свѣдѣнія обо всемъ этомъ, великій визирь не задумался принять рѣшительную мѣру и опубликовалъ 21-го іюля въ турецкихъ журналахъ правительственное сообщеніе, которое разъясняло, что провозглашеніе конституціи отложено до болѣе благоприятнаго времени,— что какъ по этому вопросу, такъ и вообще по вопросамъ политическимъ воспрещаются всякія разсужденія и что нарушители настоящаго распоряженія, «какъ сѣющіе въ умахъ волненіе и возбуждающіе общественныя страсти», будутъ арестовываться агентами тайной полиціи и съ ними будетъ поступлено какъ съ измѣнниками отечеству. Относительно конституціи правительственное сообщеніе выражалось такъ: «уже нѣсколько дней какъ въ публикѣ происходятъ различныя споры по поводу системы правленія въ оттоманской имперіи. Его величество султанъ, въ своемъ манифестѣ, пригласилъ министровъ приступить между собою къ совѣщаніямъ относительно руководящихъ началъ и способа управленія,—которые могли бы быть установлены

Фонтанъ султана Ахмеда.

на твердомъ и незыблемомъ основаніи,—и представить, затѣмъ, его величеству результатъ своихъ совѣщаній. Это преобразование управленія, будучи само по себѣ дѣломъ крайне важнымъ и подлежащимъ зрѣлому обсужденію съ точки зрѣнія правилъ шеріата и нравовъ и способностей народонаселенія,—требуетъ долгаго изученія. Съ другой стороны, такъ какъ правительство озабочено прежде всего текущимъ событіями (политическими), то оно и рѣшило отложить осуществленіе помянутаго преобразования до той поры, когда уладятся всѣ нынѣшнія затрудненія».

Первою жертвою этого распоряженія былъ Иззетъ-паша, бывший іерусалимскій губернаторъ; чтобы доказать, что Порта не намѣрена шутить, его посадили подъ арестъ за рѣзкіе отзывы о правительствѣ.

Но, несмотря на принимаемая великимъ визиремъ мѣры строгости, невозможно было заткнуть рта всѣмъ недовольнымъ—сходки продолжались, какъ продолжалось шатаніе умовъ въ мусульманскомъ населеніи столицы. Во всѣхъ областяхъ Турціи, подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, усилился религиозный фанатизмъ: быть можетъ, мусульмане и не желали поголовнаго истребленія христіанъ, но зато всѣ они хотѣли низвести христіанъ въ положеніе болѣе зависимое, подчиненное, предоставивъ во всемъ первенствующее мѣсто и значеніе расѣ побѣдителей—турокъ, ученію ислама и его политическимъ и социальнымъ основнымъ началамъ. Какъ логическое слѣдствіе изъ такого воззрѣнія вытекали всѣ тогдашнія проповѣди, возбуждавшія ненависть ко всему европейскому, какой бы національности оно ни было. Христіанъ обвиняли во всѣхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на Турцію, а ужъ отъ этого

было рукой подать до обвиненія во всемъ и Россіи—естественной покровительницы восточныхъ христіанъ, и дѣйствительно, возбужденіе противъ Россіи все росло, и отголосками его являлись газетныя нападки и распространявшіеся тогда толки о близости войны съ Россією. Невѣжественные добровольцы и редифы, выступая изъ Константинополя, въ простотѣ сердца были увѣрены, что идутъ сражаться противъ Россіи. Для дополненія общей картины тогдашняго состоянія Турціи необходимо добавить еще и общее обнищаніе, одинаковое какъ для христіанъ, такъ и для мусульманъ; первые страдали отъ произвола сборщиковъ податей, отъ неистовствъ добровольцевъ; вторые—отъ того, что у нихъ была отнята наиболѣе здоровая часть народонаселенія, призванная подъ знамена, отъ того, наконецъ, что служилое сословіе лишилось своего прежняго жалованья, а купцы или работники—своихъ доходовъ и заработка.

При такихъ обстоятельствахъ, Турціи, гдѣ все исходитъ отъ султана, конечно, болѣе чѣмъ когда-либо, нуженъ былъ государь съ твердою волею и сильнымъ авторитетомъ, чтобы прекратить общее шатаніе и обезпечить христіанскимъ народностямъ спокойное существованіе. Между тѣмъ болѣзнь Мурада V разстроивала весь государственный механизмъ Турціи, а Абдуль-Хамидъ-эфенди, всегда скрытный, привыкшій держаться въ благоразумномъ отдаленіи отъ всего, не выказывалъ никакого желанія воспользоваться поскорѣе наслѣдствомъ своего брата. Какъ тонкій политикъ, онъ не хотѣлъ переворота насильственнаго и не хотѣлъ быть никому обязаннымъ престоломъ, чтобы не связывать послѣдующей свободы своихъ дѣйствій, ни при-

нимать условій, напр. Мидхата-паши. А потому, когда Абдуль-Хамиду были сдѣланы нѣкоторыя представленія, что для блага государства необходимо де положить конецъ ненормальному положенію дѣль въ Турціи, онъ на это отвѣтилъ требованіемъ представить ему законныя и медицинскія доказательства того, что Мурадъ неспособенъ править государствомъ и что, вслѣдствіе того, необходимо неотложно смѣнить халифа. Безъ сомнѣнія, легко было бы добыть доказательства тому, основанныя на мусульманскомъ законѣ: шейхъ-уль-исламъ, не постѣснившись произнести низложеніе султана Абдуль-Азиза, еще менѣе стѣснился бы оправдать, въ случаѣ надобности, низложеніе султана Мурада. Трудность въ исполненіи желанія Абдуль-Хамида заключалась въ пріисканіи доказательствъ медицинскихъ, такъ какъ необходимо было заручиться удостовѣреніями такихъ врачей, которыхъ нельзя было бы заподозрить ни въ подкупѣ, ни въ томъ, что они дѣйствовали подъ страхомъ чьего-либо давленія или угрозъ. Для достиженія такого результата, Порта рѣшила выписать изъ Вѣны знаменитаго доктора Лейдесдорфа, завѣдывавшаго лечебницей душевно-больныхъ въ Дублингѣ, чтобы узнать его мнѣніе объ излечимости болѣзни Мурада, а также—въ случаѣ, если, какъ то признавалось тогда всѣми, невозможно возвратить султану его умственныя способности, — убѣдиться, нельзя ли дать ему по крайней мѣрѣ физическихъ силъ настолько, чтобы онъ могъ показываться народу, такъ какъ онъ, какъ султанъ, *долженъ* показываться своимъ подданнымъ, *обязанъ* отправляться по пятницамъ въ мечеть.

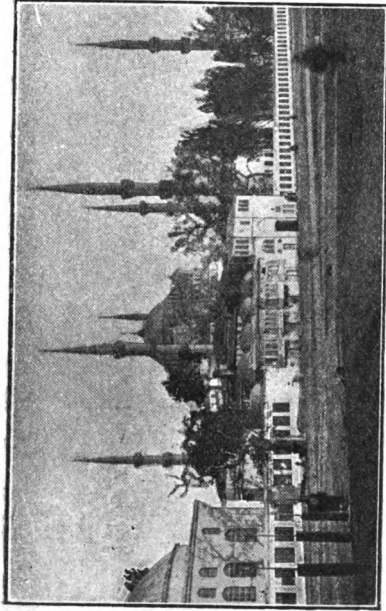
Особенно старался о сохраненіи на престолѣ Му-

рада великій визирь, Мехмедъ-Рушди-паша: онъ настаивалъ на необходимости леченія, хотя бы и продолжительнаго, которое дозволило бы султану исполнять свои важнѣйшія обязанности — сдѣлать Кылычъ-Алай, принимать иностранныхъ пословъ, еженедѣльно ѣздить въ мечеть и устно или письменно соглашаться на предлагаемыя ему великимъ визиремъ мѣры.

Такое рѣшеніе вопроса, на долгое время предоставившее всю власть Мехмеду-Рушди-пашѣ, вовсе не входило въ расчеты Мидхата-паши, который всѣми средствами сталъ настаивать на необходимости немедленнаго низложенія Мурада.

Легко себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали въ Константинополѣ приѣзда Лейдесдорфа, отъ заключенія котораго всецѣло зависѣлъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Мурада а, слѣдовательно, и вопросъ о судьбахъ самой оттоманской имперіи. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, знаменитый психіатръ приѣхалъ: придворные канки перевезли его прямо во дворецъ Дольма-багче, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для него и его жены. Его тотчасъ же провели къ царственному больному, у котораго онъ и оставался въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ: онъ нашель, прежде всего, что уходъ за султаномъ былъ крайне неудовлетворителенъ, и что Мураду слѣдуетъ перемѣнить образъ жизни.

Черезъ два дня постоянного и пристальнаго наблюденія, Лейдесдорфъ объявилъ, что султанъ очень боленъ, что у него нервная болѣзнь, одинаковая съ болѣзнию бывшей императрицы мексиканской, Шарлотты, — боязнь преслѣдованія, но что болѣзнь его *не неизлечима*: для того же, чтобы судить, можетъ ли онъ выздо-

Мечеть Ахмедіе.

ровѣтъ, нужно предварительное леченіе въ продолженіе 8—10 недѣль.

Политическія послѣдствія такой деклараціи доктора-спеціалиста являлись очень важными. Абдуль-Хамидъ, какъ сказано выше, соглашался принять корону лишь по праву законнаго наслѣдства, т.-е. еслибы признанное безуміе Мурада лишило его фактически и съ точки зрѣнія закона возможности править царствомъ и быть халифомъ. Въ виду же заявленія Лейдесдорфа, что Мурадъ можетъ выздороветь и, слѣдовательно, законно править царствомъ, не могло быть болѣе и рѣчи о правильной замѣнѣ одного государя другимъ. Правительству предстояло рѣшить трудный вопросъ: какъ же быть, если леченіе Мурада потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и можетъ ли государство оставаться до тѣхъ поръ безъ государя?

Послѣ долгаго обсужденія, Порта пришла къ заключенію, что наилучшимъ исходомъ будетъ сохранить существовавшій дотолѣ порядокъ, пока это будетъ возможно; если же къ празднику Байрама, до котораго оставалось еще десять недѣль, не будетъ надежды вывести султана на праздничную церемонію, то тогда, уже по необходимости, объявить его лишеннымъ своихъ правъ; до тѣхъ же поръ, дѣйствительная власть будетъ раздѣляться между Мехмедомъ-Рушди и Мидхатомъ, которые въ началѣ августа, благодаря посредничеству сэра Генри Эллиота, примирились между собою.

Согласіе великаго визиря на примиреніе съ сильнымъ противникомъ было куплено цѣною уступокъ на почвѣ вопроса о конституціи, путемъ преобразованія государственнаго совѣта и учрежденія въ немъ особой коммиссіи, которой будетъ поручено выработать основанія

реформъ, вытекающихъ изъ обѣщаній, данныхъ Мурадомъ въ хаттѣ о своемъ воцареніи. Съ одной стороны, это было удовлетвореніе, данное Мидхату-пашѣ; съ другой — предосторожность противъ проникшихъ уже въ публику свѣденій о деспотическихъ замашкахъ будущаго турецкаго султана Абдуль-Хамида.

Такъ какъ намъ болѣе не придется касаться вопроса о турецкой конституціи, любимомъ дѣтищѣ Мидхата-паши, — то скажемъ здѣсь же о дальнѣйшей судьбѣ этой затѣи.

Составленная Мидхатомъ конституція, списанная съ европейскихъ образцовъ, была обнародована въ Константинополѣ въ самый день перваго засѣданія европейской конференціи, собранной въ Царьградѣ въ концѣ 1876 года, для разрѣшенія политическихъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ тогдашняго запутаннаго положенія вещей на Балканскомъ полуостровѣ и для истребованія отъ турокъ нѣкоторыхъ реформъ для облегченія участи подвластныхъ султану христіанскихъ народностей.

Обнародованіе конституціи и именно въ тотъ самый день, когда европейскіе уполномоченные собрались въ кіоскѣ Терсане, было дерзкимъ отвѣтомъ Порты на обращенное къ ней требованіе Европы. «Какихъ реформъ требуете вы, — какъ бы говорили турки, — для столь любезныхъ вамъ христіанъ, когда мы сами, по нашей конституціи, предоставляемъ имъ, по собственному почину, права гораздо болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, на которыхъ вы настаиваете?» Какъ будто Европа не знала истинной цѣны всѣмъ бумажнымъ обѣщаніямъ Порты! Какъ будто ей не было извѣстно, къ какимъ результатамъ на дѣлѣ привели всѣ пышныя, цвѣтистыя обѣщанія, расточаемыя въ такомъ изобиліи и

въ хатти-шерифѣ 1839 года, и въ хатти-хумаюнѣ 1856 года, и во многомъ множествѣ другихъ документовъ, «имена же ихъ ты самъ Господи вѣси», которые писались только такъ сказать *ad usum delphini* и самими турецкимъ правительствомъ не признавались для себя обязательными.

Не избѣгла такой же судьбы и Мидхатовская конституція, обнародованная при грохотѣ пушечныхъ выстрѣловъ 11-го (23) декабря 1876 года.

Состоящая изъ 119 статей, эта конституція крайне либерально распространяется о прерогативахъ султана, о свободѣ и равенствѣ предъ закономъ всѣхъ безъ исключенія «оттомановъ», объ отвѣтственности министровъ и вообще чиновниковъ,—о правѣ контроля, предоставленномъ парламенту,—о полной независимости судебныхъ учреждений,—о сведеніи государственной росписи доходовъ и расходовъ, наконецъ, о децентрализаціи областныхъ управленій. Турецкій парламентъ состоитъ изъ палаты господъ, или сената, и изъ палаты депутатовъ, сзываемыхъ и распускаемыхъ султанскимъ указомъ. Обыкновенныя сессіи продолжаются каждый годъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ 1-го ноября по 1-е марта. Члены сената назначаются султаномъ пожизненно и должны имѣть не менѣе 40 лѣтъ отъ роду; они получаютъ жалованья по 10.000 піастровъ въ мѣсяць (около 800 рублей). Депутаты избираются населеніемъ по одному съ каждыхъ 50.000 человекъ мужскаго пола и должны имѣть не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Выборы происходятъ каждые четыре года. * Каждый депутатъ имѣетъ право на жалованье въ размѣрѣ 20.000 піастровъ за всю сессію и на возмѣщеніе путевыхъ расходовъ до Константинополя и обратно.

*

Первая сессія турецкаго парламента была открыта съ большою торжественностью самимъ султаномъ 7-го (19) марта 1877 года. Церемонія происходила въ тронной залѣ дворца Дольма-багче, въ присутствіи дипломатическаго корпуса, турецкихъ министровъ и прочихъ высшихъ сановниковъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ. Депутаты помѣщались по лѣвую сторону залы, сенаторы—по правую. Ровно въ два часа распахнулись двери и вошелъ султанъ въ предшествіи оберъ-церемоніймейстера, Кіамиль-бея. Занявъ мѣсто передъ трономъ, Абдуль-Хамидъ сдѣлалъ знакъ великому визирию, чтобы онъ приблизился, и передалъ ему свертокъ, заключавшій въ себѣ тронную рѣчь. Великій визирь, въ свою очередь, передалъ ее первому секретарю султана, Саиду-пашѣ, который и прочелъ ее вслухъ.

Рѣчь была длинна: она начиналась съ общихъ соображеній о томъ, на чемъ должно быть основано хорошее управленіе; одно изъ главныхъ къ тому условій, это взаимное довѣріе между правящими и управляемыми. Затѣмъ она касалась реформъ султановъ Махмуда и Абдуль-Меджида, остановленныхъ сначала Крымскою войною, а потомъ внутренними неустройствами, происшедшими благодаря разнымъ интригамъ; положеніе ухудшилось также вслѣдствіе неискусной финансовой политики. Придя къ убѣжденію, что успѣхи, достигнутые европейскими государствами, основываются преимущественно на томъ, что въ этихъ послѣднихъ существуютъ свободныя учрежденія, а также сознавъ, что всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ Турція, истекаютъ отъ дѣйствующей въ ней системы абсолютизма, султанъ рѣшилъ нынѣ обнародовать конституцію. Послѣ этого рѣчь перечисляла законы, которыми

придется заняться парламенту, и, выразивъ благодарность войскамъ за выказанную ими при разныхъ обстоятельствахъ преданность, объявляла, что военныя дѣйствія противъ Сербіи уже закончены, и вѣроятно вскорѣ удастся устроить соглашеніе и съ Черногоріей. Послѣдній параграфъ тронной рѣчи упоминалъ о дружественныхъ отношеніяхъ Турціи къ иностраннымъ державамъ. Что касается до конференціи, принятой Турціею на основаніи условій, предложенныхъ Англіею, то рѣчь поясняла, что хотя она и не привела къ общему соглашенію, но Турція тѣмъ не менѣе доказала, что на практикѣ она готова идти даже далѣе пожеланій и совѣтовъ, даваемыхъ ей дружественными державами.

По окончаніи чтенія этой рѣчи, герольды прокричали: «да здравствуетъ султанъ!» и Абдуль-Хамидъ удалился во внутренніе апартаменты.

Сессій было всего двѣ: во время первой, президентомъ сената былъ Серверъ-паша, и президентомъ палаты депутатовъ—Ахмедъ-Вефикъ-паша; при второй сессіи, Серверъ-паша былъ замѣненъ Ассимомъ-пашею, а Ахмедъ-Вефикъ-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ, или, какъ тогда говорили, первымъ министромъ, и поэтому замѣненъ въ предсѣдательствѣ палаты Хасаномъ-Фехми-пашею.

Такъ какъ палата депутатовъ, основываясь на ст. 1-й конституціи, которая гласитъ, что никакая часть турецкой территоріи не можетъ быть ни подъ какимъ видомъ отчуждена, хотѣла заняться разсмотрѣніемъ Санъ-Стефанскаго трактата, то, по настоянію Ахмедъ-Вефика-паши, она была распущена ранѣе окончанія законодательной сессіи; она должна была собраться въ новомъ

составъ, но... не собралась и до сихъ поръ въ явное нарушеніе ст. 115-й, которая объявляетъ что «ни одно изъ постановленій конституціи не можетъ быть ни подь какимъ предлогомъ нарушено или отмѣнено». Тѣмъ не менѣе, формально, конституція отмѣнена не была. Доказательствомъ того, что въ фикціи она продолжаетъ существовать, служитъ то, что конституція и доселѣ помѣщается во всѣхъ официальныхъ турецкихъ календаряхъ и, кромѣ того, въ текстѣ всѣхъ вновь издаваемыхъ турецкихъ законовъ печатается, что эти послѣдніе *муваккатъ*, т.-е. временные, не утвержденные пока палатами.

VIII.

Отѣздъ Лейдесдорфа изъ Константинополя откладывался нѣсколько разъ, но наконецъ знаменитый докторъ окончательно уѣхалъ отсюда 13-го августа. Предъ отѣздомъ онъ подалъ мотивированное заключеніе относительно состоянія здоровья султана, и на этотъ разъ мнѣніе его было менѣе благопріятно, чѣмъ высказанное имъ вначалѣ. Хотя онъ и продолжалъ утверждать, что болѣзнь Мурада *не неизлечима*, но заявлялъ въ то же время, что для рѣшенія вопроса, можетъ ли султанъ выздоровѣть и чрезъ сколько времени, необходимо подвергнуть его въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ правильному леченію, соединенному съ строгимъ образомъ жизни. Между прочимъ, Лейдесдорфъ требовалъ безусловнаго удаленія султана отъ гарема и запрещенія ему всякихъ горячительныхъ напитковъ. Конечно, требованіе подобнаго режима было бы крайне трудно согла-

сильно съ привычками государя, не желавшаго отказываться себѣ въ чемъ-либо. Въ то же время Лейдесдорфъ считалъ пока вреднымъ принуждать Мурада перевозить свое нежеланіе показываться въ народѣ.

Въ виду такого отзыва специалиста-психіатра, необходимость перемѣны султана сознавалась все болѣе и болѣе. Самъ великій визирь не находилъ уже возможнымъ тому противодѣйствовать, тѣмъ болѣе, что приближались праздники Рамазана и Байрама и, кромѣ того, политическія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, такъ запутались, что въ скоромъ времени настѣяло высказаться окончательно, быть или не быть войнѣ, и что, слѣдовательно, болѣе чѣмъ когда-либо страна нуждалась въ сильной рукѣ государя.

Въ слѣдующіе за отъѣздомъ Лейдесдорфа дни болѣзнь Мурада приняла еще болѣе острый характеръ, боязливость усилилась, симптомы умственного расстройства обозначились въ болѣе рѣзкой формѣ.

Взвѣсивъ все это, великій визирь рѣшилъ, что пришло время дѣйствовать рѣшительно, тѣмъ болѣе, что тогда уже состоялось сближеніе между нимъ и Абдуль-Хамидомъ. Инициатива этого сближенія вышла отъ самого Абдуль-Хамида, который отправилъ къ Мехмеду-Рушди-пашѣ, въ качествѣ своего довѣреннаго лица, нѣкоего Османа-эфенди, стараго имама, принадлежавшаго къ сектѣ кружащихся дервишей (*мевлеви*). Посланецъ объяснилъ великому визирю, что Абдуль-Хамидъ крайне обезпокоенъ городскими слухами касательно здоровья его брата. Не желая вовсе, чтобы его подозрѣвали въ какихъ-либо честолюбивыхъ, своекорыстныхъ замыслахъ, онъ, однако, въ интересахъ династіи Османа находитъ настоятельно необходимымъ,

чтобы народъ былъ оповѣщенъ объ истинномъ положеніи дѣлъ. Если Мурадъ V не такъ боленъ, какъ про него рассказываютъ, то нужно огласить объ этомъ всю правду, чтобы прекратить всѣ злонамѣренные толки. Если же, наоборотъ, неспособность Мурада къ правленію доказана врачами, то пора прекратить безначаліе и возвысить въ глазахъ всѣхъ мусульманъ обаяніе, приущее халифу.

Довѣрительные переговоры между великимъ визиремъ и наслѣдникомъ престола закончились личнымъ свиданіемъ; при этомъ были обсуждены всѣ текущіе вопросы и было рѣшено, не откладывая далѣе, низложить Мурада и возвести на престолъ Абдуль-Хамида. Всѣ предварительныя къ тому мѣры были приняты на совѣщаніи у шейхъ-уль-ислама, гдѣ была составлена и фетва. Будущей резиденціей Мурада хотѣли сдѣлать дворецъ Бейлербей; но когда султана, съ цѣлью приучить къ новому мѣстопребыванію, привезли нарочно, подъ видомъ прогулки, въ этотъ дворецъ, Мурадъ выказалъ къ этому послѣднему такое отвращеніе, что первоначальное намѣреніе было министрами оставлено. Затѣмъ, хотѣли поселить сумасшедшаго султана на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, но когда о томъ дали знать Абдуль-Хамиду, то онъ объявилъ, что онъ желаетъ оставить брата по близости отъ себя, чтобы быть въ состояніи лично наблюдать за его безопасностью.

Наконецъ, давно уже всѣми предвидѣнное событіе совершилось, и 19-го (31) августа 1876 года громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ жителямъ Константинополя о новой перемѣнѣ государя, о восшествіи султана Абдуль-Хамида II на древній престолъ Османа,

Официальное сообщеніе, появившееся въ мѣстной прессѣ, выразилось объ этомъ весьма лаконически: «Abdul-Hamid II, né le 22 septembre 1842, succède à son frère le sultan Murad V, dont la santé exige un repos absolu».

Церемонія официального провозглашенія султана—*биятъ*—происходила, согласно древнимъ обычаямъ, во дворцѣ Топъ-Капу. Это уже не была та исключительно военная обстановка, при которой совершалось въ сераскертѣ воцареніе султана Мурада, и вмѣсто того, чтобы съ замираніемъ сердца ожидать извѣстія объ арестованіи своего предшественника, Абдуль-Хамидъ могъ спокойно провести около двухъ часовъ на молитвѣ въ комнатѣ, гдѣ хранится величайшая святыня мусульманъ—*хиркаи шерифъ*—плащъ пророка Магомета.

Утромъ того дня, Абдуль-Хамидъ-эфенди выѣхалъ изъ Дольма-багче, въ сопровожденіи своего зятя, министра торговли, Махмуда-паши. Онъ былъ въ закрытомъ экипажѣ и его сопровождалъ взводъ конницы. Черезъ предмѣстье Перу и Каракѣйскій мостъ онъ прибылъ на Серай-бурну, во дворецъ Топъ-Капу, гдѣ его встрѣтили и провели въ отдѣльный кіоскъ великій визирь Мехмедъ-Рушди-паша, шейхъ-уль-исламъ Хайрулла-эфенди, предсѣдатель государственнаго совѣта Мидхатъ-паша и нѣкоторые другіе сановники. Вскорѣ затѣмъ подошли министры, генералы и высшіе чины улемовъ и Порты. Внутри дворцовой ограды были расположены войска всѣхъ родовъ оружія.

Когда всѣ сановники собрались, было открыто засѣданіе чрезвычайнаго совѣта, начавшееся рѣчью великаго визиря. Глубоко взволнованный, Мехмедъ-Рушди-паша объявилъ совѣту, что уже на десятый день по

своемъ воцареніи султанъ Мурадъ почувствовалъ первые приступы жестокаго недуга, который съ того времени постепенно усиливался. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, имѣвъ случай разъ десять видѣться съ султаномъ, онъ могъ лично удостовѣриться въ непрерывномъ развитіи болѣзни Мурада, несмотря на нѣкоторые рѣдкіе, относительно свѣтлыя промежутки. Нынѣ, однако, уставлено и, къ несчастію, совершенно непререкаемо, что султанъ Мурадъ страдаетъ упорнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей (*джунуни мутбикъ*), и нельзя себя болѣе обманывать надеждою на возможность его выздоровленія, а потому, во вниманіе критическихъ обстоятельствъ переживаемаго Турціею момента, онъ не считаетъ себя вправѣ хранить долѣе молчаніе о такомъ прискорбномъ фактѣ, получившемъ уже, впрочемъ, общую огласку. Затѣмъ, обратившись къ шейхъ-уль-исламу, Мехмедъ-Рушди-паша спросилъ, какъ предписываетъ шеріатъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. По знаку шейхъ-уль-ислама, приблизился *фетва эмини* (чиновникъ, приставленный къ составленію подобнаго рода документовъ) и показалъ заранѣе уже заготовленную фетву, которая заключала въ себѣ слѣдующее: «Если повелитель правовѣрныхъ пораженъ упорнымъ умопомѣшательствомъ, дозвоительно ли его низложеніе?» Отвѣтъ: «Да».

Великій визирь прочелъ тогда фетву вслухъ и спросилъ у присутствующихъ, не имѣетъ ли кто-либо и какихъ-либо возраженій.

Совѣтъ единогласно согласился съ фетвою, а одинъ изъ улемовъ добавилъ, что, съ точки зрѣнія шеріата, нужно было лишь разрѣшить вопросъ о продолжительности или упорствѣ болѣзни. По этому поводу мусуль-

манскій законъ ясенъ: промежутокъ времени въ одинъ мѣсяць достаточенъ для установленія характера болѣзни, т.-е. упорна она или нѣтъ; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ не можетъ даже быть никакого колебанія относительно законности и даже настоятельной необходимости низложенія султана Мурада V. «Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ великій визирь,—намъ остается только принести наши вѣрноподданнческія поздравленія тому, кто, по праву наслѣдованія, долженъ занять вакантный престоль». Тогда всѣ направились въ одну изъ дворцовыхъ залъ, потолокъ которой заканчивается куполомъ и гдѣ уже заранѣе поставленъ былъ тронъ.

Вскорѣ показался Абдуль-Хамидъ въ состояніи душевнаго волненія, какое легко себѣ представить. Актъ официального признанія султана, *біатъ*, былъ прочитанъ шейхъ-уль-исламомъ, а затѣмъ новому султану принесли поздравленія, согласно опять древнему обычаю, сначала *накибъ-уль-эирафъ* (старшій изъ потомковъ пророка), потомъ великій визирь, шейхъ-уль-исламъ и всѣ остальные лица.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, въ теченіе которыхъ Абдуль-Хамидъ имѣлъ время немного успокоиться, новый султанъ показался народу на возвышеніи у Орта-Капу—дворцовыхъ воротъ, отдѣляющихъ первый дворъ сераля отъ второго, и возсѣлъ на золотой тронъ, употребляемый для такихъ церемоній; вокругъ трона размѣстились министры. Улемы, стоявшіе полукругомъ предъ трономъ, трижды возгласили обычныя при воцареніи султана молитвы,—по окончаніи каждой изъ нихъ всѣ присутствующіе отвѣчали громогласнымъ *аминъ*. Намедленно велѣдъ затѣмъ музыка заиграла національный гимнъ, солдаты взяли на-кара-

уль, вѣковые своды древняго дворца огласились криками: *падишахимизъ бинъ яша!* (да живетъ султанъ тысячу лѣтъ)—а съ Босфора донеслись звуки салюта въ 101 выстрѣль, произведеннаго съ сухопутныхъ батарей и съ броненосцевъ.

По окончаніи церемоніи, султанъ Абдуль-Хамидъ сѣлъ на Дворцовомъ мысу (Серай-бурну) въ парадный каикъ, въ которомъ и вернулся въ Дольма-багче.

Событіе 19-го августа было слишкомъ предвидѣно заранѣе, слишкомъ ожидалось всѣми, чтобы произвести особенное впечатлѣніе на мѣстныхъ жителей. Не было ни радостнаго волненія, ни энтузіазма, которымъ сопровождалось восшествіе на престолъ несчастнаго Мурада. На новаго султана не возлагали уже никакихъ преувеличенныхъ надеждъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ въ продолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ всѣ такъ горько разочаровались. Съ другой стороны, всѣ испытывали чувство извѣстнаго облегченія, что покончено съ тѣмъ неопредѣленнымъ положеніемъ, которое тяготѣло надъ всѣми въ теченіе предшествующихъ недѣль, хотя въ сердца многихъ и закрадывалось опасеніе, вытекавшее изъ полной неизвѣстности какъ характера, такъ и дальнѣйшихъ намѣреній новаго повелителя османовъ.

Что съ самаго начала произвело весьма благопріятное впечатлѣніе, это — заботливость новаго султана о своемъ предмѣстникѣ и о семьѣ покойнаго Абдуль-Азиза. По приказанію Абдуль-Хамида, Мурадъ былъ поселенъ въ Чераганскомъ дворцѣ — этой мраморной игрушкѣ, смотрящейся въ бирюзовыя струи Босфора. Бывшаго султана окружили всею обыкновенною его свитою и постарались всячески скрыть отъ него пере-

мѣну, происшедшую въ его положеніи. Съ нимъ обращались какъ съ царствующимъ государемъ, и желали поддержать въ немъ эту иллюзію насколько возможно долѣе. Что касается до дѣтей Абдуль-Азиза, то младшіе изъ нихъ были помѣщены въ военное училище, а Юсуфу-Иззеддину предоставлена была полная свобода.

Тогдашнее состояніе Турціи было такъ неудовлетворительно, общее недовольство такъ велико и такъ всѣ были близки къ чувству полной разочарованности и даже безнадежности, что всякое улучшение могло быть встрѣчено лишь съ глубокою признательностью, и всякій султанъ, даже не обладающій чрезвычайными способностями, который желалъ бы возстановить немного порядокъ, поставить предѣлъ безначалію и возвысить авторитетъ власти, могъ быть заранѣе увѣренъ, что всѣ подвластные ему народы искренно его полюбятъ и назовутъ своимъ благодѣтелемъ.

Дѣйствительность оправдала ожиданія, и Абдуль-Хамидъ II, принявшій царство въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ кризисовъ, пережившій русско-турецкую войну, когда вопросъ шелъ о самомъ существованіи оттоманской имперіи, и видѣвшій, какъ, пользуясь послѣдствіями войны, даже державы, именующія себя пріятельницами и защитницами Турціи, растаскивали по кусочкамъ облюбованныя ими области этой самой Турціи,—Абдуль-Хамидъ, повторяемъ, несмотря на всѣ эти бѣдствія, съумѣлъ возвысить пошатнувшуюся-было власть султановъ и, благодаря своему осторожному, хотя и твердому, уму, съумѣлъ, ловко лавируя между препятствіями, справиться болѣе или менѣе съ окружавшими его внутренними и внѣшними затрудненіями и, возвысивъ политическое значеніе Турціи въ глазахъ евро-

нейскихъ державъ, пріобрѣсти между своими разноплеменными подданными популярность и даже привязанность, смѣшанную съ невольнымъ уваженіемъ.

Надо отдать себѣ отчетъ, какими опасностями окружена въ самомъ дѣлѣ Турція вслѣдствіе своего географическаго положенія и разнородности своего населенія, тянущаго зачастую въ разныя стороны, тяготящаго иногда къ иностраннымъ, но единовѣрнымъ или единоплеменнымъ ему государствамъ и, потому, создающаго самыя сложныя политическія отношенія, а также вслѣдствіе издавнаго своего предназначенія быть игрищемъ державъ, соперничающихъ между собою изъ-за преобладанія на Востокѣ. Блистательная же Порта чаще всего является, даже противъ своей воли, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Державъ-соперницъ, прилагающихъ каждая всѣ свои старанія чтобы вовлечь Турцію въ сферу своего исключительнаго вліянія.

При такихъ условіяхъ положеніе турецкаго правительства крайне затруднительно: оно должно постоянно лавировать между наиболѣе противоположными политическими теченіями, такъ какъ малѣйшая уступка, сдѣланная имъ одной изъ Державъ, вызываетъ немедленно попреки всѣхъ остальныхъ европейскихъ Державъ, которыя начинаютъ тотчасъ же громко протестовать, что ихъ права нарушены и что, потому, онѣ имѣютъ де полное основаніе рассчитывать чтобы и имъ были предоставлены соотвѣтствующія компенсаціи.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, необходимо, мнѣ кажется, придти къ заключенію, что долгъ безпристрастія требуетъ признать, что на мѣстѣ Абдуль-Хамида рѣдкій государь смогъ бы съ большимъ чѣмъ онъ искусствомъ провести врученный ему государственный

корабль чрезъ всѣ бури, пережитыя Турціею съ 1876 года и до нашихъ дней.

IX.

Со времени своего низложенія бывший султанъ Мурадъ живеть въ своей мраморной Чераганской тюрьмѣ и никто въ точности не знаетъ, въ какомъ положеніи находится дѣйствительно здоровье развѣнчаннаго владыки: отрывочныя свѣденія, проникающія о томъ въ публику, такъ противорѣчивы и основаны, повидимому, на предвзятыхъ мнѣніяхъ, что положительно невозможно составить себѣ ясное понятіе, дѣйствительно ли, какъ увѣряють нѣкоторые, Мурадъ совершенно теперь здоровъ, либо, какъ говорятъ другіе, по прежнему страдаетъ помѣшательствомъ съ изрѣдка бывающими свѣтлыми промежутками.

Нисколько, впрочемъ, не удивительно, если въ самомъ дѣлѣ Мурадъ выздоровѣлъ и обладаетъ теперь совершенно здравымъ разсудкомъ, такъ какъ докторъ Лейдесдорфъ, авторитетъ въ подобнаго рода вопросахъ, усиленно и нѣсколько разъ въ свое время и официально заявлялъ, что болѣзнь Мурада *не неизлечима*.

Держащіеся такого мнѣнія указываютъ, между прочимъ, какъ на доказательство своей правоты, на усиленныя мѣры предосторожности, принимаемыя по отношенію къ низложенному султану; охраняють его очень строго и никто изъ постороннихъ не можетъ къ нему проникнуть. Если бы Мурадъ, говорятъ они, былъ въ самомъ дѣлѣ лишень разсудка, къ чему всѣ эти нынѣшнія предосторожности, къ чему эта болѣзненная

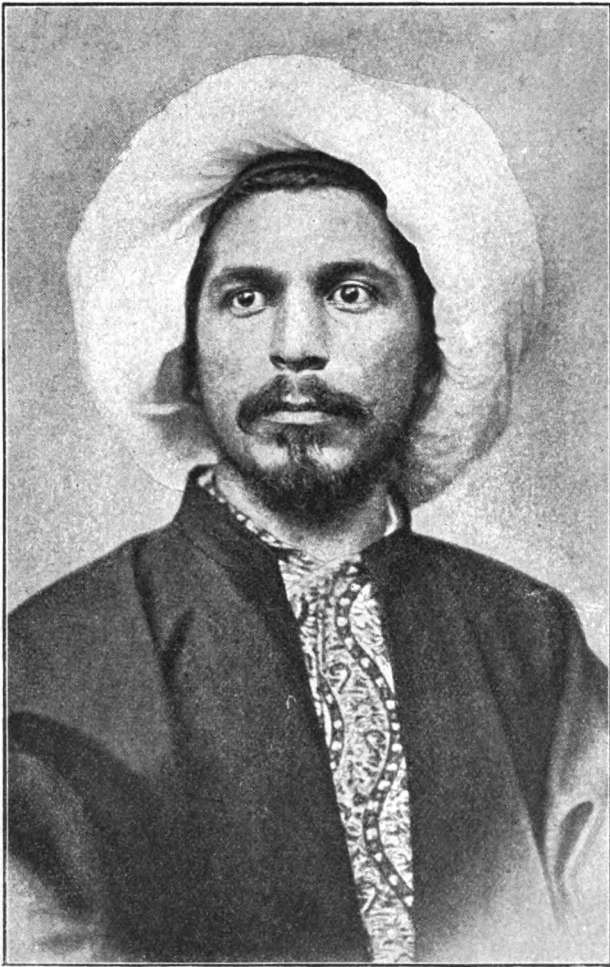
подозрительность со стороны Абдуль-Хамида, который, по словамъ ихъ, трепещеть, какъ бы выздоровѣвшій братъ не потребовалъ своего престола, принадлежащаго ему по закону.

Одинъ только разъ мирное существованіе Мурада было нарушено самымъ неожиданнымъ образомъ, а именно 8-го мая 1878 г., когда весь Константинополь былъ взволнованъ попыткой возмущенія, произведенной во имя Мурада.

Вслѣдъ за окончаніемъ русско-турецкой войны, въ Константинополь нахлынула масса мусульманскихъ бѣженцевъ изъ разныхъ мѣстностей европейской Турціи, пострадавшихъ отъ войны. Многіе изъ нихъ переехали въ Азію, но все-таки въ маѣ мѣсяцѣ ихъ оставалось еще въ Стамбулѣ до полутора ста тысячъ чело-вѣкъ, расположившихся по дворамъ мечетей, даже просто по улицамъ, впредь до тѣхъ поръ, пока Порта не найдетъ возможности поселить ихъ гдѣ-нибудь.

Извѣстный уже намъ Али-Суави-эфенди, бывшій редакторъ «Мухбира» и директоръ Галата-Серая, самъ уроженецъ Филиппополя, задумалъ воспользоваться этими несчастными, какъ орудіемъ къ совершенію переворота въ своихъ собственныхъ видахъ, хотя и прикрытаго именемъ султана Мурада. Онъ не открылъ бѣженцамъ своихъ истинныхъ намѣреній, а предложилъ записаться въ добровольцы, которые должны были отправиться въ Родопскія горы на подкрѣпленіе къ инсургентамъ, сражавшимся тогда тамъ съ русскими войсками. Выбравъ отъ полутора ста до двухсотъ чело-вѣкъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ бѣженцевъ, Али-Суави прибавилъ къ нимъ еще нѣсколькихъ своихъ приверженцевъ, переодѣтыхъ въ такія же лохмотья, какъ и

Али-Суави-Эффенди.

всѣ остальные бѣженцы, и роздалъ всѣмъ оружіе, которое они скрыли подъ платьемъ. Въ понедѣльникъ 8-го мая, толпа эта, раздѣлившись на кучки по 10, 15 человѣкъ, подѣхала въ каикахъ къ набережной Чераганскаго дворца, гдѣ жилъ султанъ Мурадъ, такъ какъ Али-Суави-эфенди увѣрилъ бѣженцовъ, что ранѣе отправленія въ Родопъ имъ необходимо повидаться съ султаномъ, не называя его, впрочемъ, по имени.

Когда, около часа по-полудни, всѣ были въ сборѣ, Али-Суави направилъ ихъ къ главному входу во дворецъ. Часовой не хотѣлъ-было пропускать ихъ, но былъ тутъ же убитъ. Тогда вся эта толпа ворвалась въ дворцовый дворъ, а человѣкъ сорокъ, подъ личнымъ предводительствомъ Али-Суави, вбѣжали въ самый дворецъ.

Али-Суави направился прямо въ покои Мурада, далъ ему ружье и затѣмъ повелъ бывшаго султана за руку показаться шумѣвшей на дворѣ толпѣ. Несчастный Мурадъ, у котораго тогда полное безуміе периодически перемежалось съ временными проблесками умственной дѣятельности, находился въ тотъ день въ своемъ свѣтломъ промежуткѣ: сначала онъ предположилъ, что пришли его убивать, и, дрожа отъ страха, отдался въ руки Али-Суави. Тотъ же выведя Мурада предъ толпу бунтовщиковъ, закричалъ: «Вотъ вашъ султанъ!»

Тѣмъ временемъ было дано знать о тревогѣ въ окрестныхъ мѣстности—Бешикташъ и Ильдызъ. Комендантъ Бешикташа, Хасанъ-паша, былъ первый, явившійся на мѣсто происшествія во главѣ двухъ ротъ пѣхоты. Завидѣвъ Хасана, Мурадъ прямо подошелъ къ нему со словами: «Я ни въ чемъ не повиненъ; все произошло безъ моего вѣдома!» Затѣмъ, онъ тотчасъ же удалился

въ свои покои, гдѣ, въ присутствіи Хасана-паши, сталъ совершенно спокойно продѣлывать ружейные приемы съ ружьемъ, даннымъ ему Али-Суави. Сумашествіе снова вернулось къ нему!

На подкрѣпленіе отряда Хасана-паши вскорѣ подошли войска изъ Ильдызь-кіоска. Бѣженцы, бывшіе на дворцовомъ дворѣ, увидавъ, какой оборотъ приняло дѣло, не замедлили разбѣжаться въ разсыпную—остались въ Чераганѣ только тѣ, кто проникъ во внутрь самага дворца. Тогда начался бой въ дворцовыхъ корридорахъ и на далекое разстояніе была слышна трескотня ружейныхъ выстрѣловъ и крикъ женъ Мурада: двое маленькихъ дѣтей бывшего султана, перепуганные перестрѣлкой, выскочили на набережную передъ дворцомъ и, по распоряженію морского министра, сжалившася надъ ихъ ужасомъ, были приняты на стоявшій по близости турецкій броненосецъ.

Во время перестрѣлки 21 бунтовщикъ были убиты, 17 ранены, а остальные немногіе арестованы. Между убитыми былъ и Али-Суави-эфенди, получившій шесть ранъ штыкомъ. Вся эта перепалка продолжалась не болѣе полчаса.

При первомъ извѣстіи о Чераганскомъ происшествіи султанъ Абдуль-Хамидъ и его свита совершенно потеряли голову. Одинъ случайно бывшій въ ту минуту въ Ильдызь-кіоскѣ европеецъ рассказывалъ потомъ, что во дворцѣ произошла тогда сцена невыразимаго переполоха.

Первое извѣстіе было принесено однимъ изъ дворцовыхъ служителей, который, весь запыхавшись, вбѣжалъ въ Ильдызь-кіоскъ съ крикомъ: «бунтовщики вторглись во дворецъ султана Мурада!» Только-что были

произнесены эти слова, какъ поднялась ужасная сума-тоха: султанская свита, придворные чиновники и служители, обезпамятѣвъ отъ ужаса, метались по заламъ кіоска; гофмаршалъ, Саидъ-паша, въ обыкновенное время важный и олимпійски невозмутимый, такъ растерялся, что лишился голоса: онъ силился отдать какія-то приказанія, но изъ устъ его не могло вылетѣть ни одного звука, онъ лишь безпомощно и молча помахи-валъ руками.

Въ нижнемъ этажѣ Ильдызь - кіоска безпорядокъ точно также былъ неописуемъ: дворцовая прислуга со-валася тамъ безъ толку и бѣгала по корридорамъ; чауши заряжали, на скорую руку, свои карабины. Повсюду слышался шумъ отдаленной бѣготни, крики, суетня всей этой перебудораженной толпы, носившейся какъ муравьи, у которыхъ палкою разворачиваютъ муравей-никъ. Снаружи, доносилось бряцаніе оружія, ржаніе лошадей. Изъ оконъ дворца было видно, какъ собран-ный, по тревогѣ, черкесскій конвой султана во весь опоръ неся черезъ ильдызскіе сады, по направленію къ Черагану; за конвоемъ по тому же направленію стремился бѣглымъ шагомъ батальонъ пѣхоты съ ружья-ми на перевѣсь.

Официальное извѣщеніе о чераганской стычкѣ, напечатанное Блистательной Портою, въ мѣстныхъ газе-тахъ, гласило, что «нѣкто Али-Суави, извѣстный кон-стантинопольскому населенію своими происками, своимъ мятежнымъ духомъ и своимъ коварствомъ по отношенію къ націи и къ государству, вознамѣрился привести въ исполненіе свои личные мятежные замыслы. Для дости-женія этого, набравъ съ собою нѣсколько человекъ, неспособныхъ различить добро отъ зла, и скрывъ отъ

*

нихъ цѣль, къ которой онъ стремился, онъ отправился сегодня около четырехъ часовъ (по турецки) къ Черанганскому дворцу. Нѣсколькимъ изъ этого сборища удалось проникнуть во дворецъ съ цѣлью, чего Боже упаси, произвести возмущеніе. Но, благодаря Богу, быстрыя и рѣшительныя мѣры, тотчасъ же принятыя, привели къ тому, что все сборище было разогнано. Али-Суави, зачинщикъ бунта, былъ убитъ въ происшедшей при этомъ свалкѣ. Главные его сообщники, очень немногочисленные, были арестованы. Такъ какъ заговоръ не имѣлъ никакихъ развѣтвленій, то спокойствіе и общественный порядокъ, находящіеся подъ эгидою его величества султана, не были нисколько нарушены. Его императорское величество повелѣлъ, чтобы немедленно же было начато разслѣдованіе дѣла о задержанныхъ соумышленникахъ, дабы они понесли, согласно законамъ, должное наказаніе».

Слѣдственная коммиссія по этому дѣлу была подъ предсѣдательствомъ Намика-паши. Она установила, что, желая снова возвести на престоль завѣдомо больного Мурада, Али-Суави-эфенди намѣревался одновременно съ тѣмъ учредить регентство и регентомъ сдѣлать Мидхата-пашу. Мало того, Али-Суави былъ твердо увѣренъ, что дабы Турція могла возвратитъ себѣ все ею утраченное, она должна была немедленно объявить войну Россіи; въ то же время, такъ какъ задуманный имъ переворотъ не могъ обойтись безъ потрясеній и крупныхъ безпорядковъ, то онъ разсчитывалъ, что стоявшія тогда по близости русскія войска двинутся на Константинополь для возстановленія тамъ порядка, — послѣдуетъ столкновеніе между ними и турецкими войсками. Въ свою очередь и англійская эскадра не останется

спокойною зрительницею начавшейся борьбы, и такимъ образомъ заварится каша, неминуемымъ исходомъ изъ которой будетъ всеобщая европейская война. Послѣдствія же такой войны, по мнѣнію Али-Суави, могли быть только благоприятны для Турціи, вынужденной незадолго передъ тѣмъ подписать тяжелыя условія Санъ-Стефанскаго мира.

Въ виду всего этого можно, пожалуй, лишь радоваться, что мятежъ Али-Суави-эфенди былъ такъ скоро подавленъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ могъ повести къ послѣдствіямъ нежелательнымъ не только для европейскаго мира, но и въ особенности для Россіи, заставивъ насъ возобновить тяжелую борьбу, только-что законченную, а когда вооруженная борьба начинается—кто можетъ заранѣе опредѣлить ея размѣры и ея конечные результаты?

X.

Чтобы показать народу, что эра придворныхъ переворотовъ прошла невозвратно и что султанскій престолъ закрѣпленъ окончательно за Абдуль-Хамидомъ, этотъ послѣдній рѣшилъ отпраздновать съ особенною торжественностью древній обрядъ препоясанія мечомъ Османа, замѣняющій у турокъ обрядъ коронаванія христіанскихъ государей, и до совершенія котораго вновь воцарившіеся султаны обыкновенно избѣгаютъ носить при себѣ саблю.

Празднество это, официально называемое арабскимъ терминомъ *таклиди-сейфъ* или по турецки, *кылыч-алай* (церемонія меча), имѣетъ очень древнее начало.

Аббасидскіе халифы Багдада и Египта, хотя и лишенные своихъ прежнихъ владѣній и сохранившіе за собою исключительно власть духовную, продолжали въ глазахъ мусульманъ пользоваться правомъ быть законными раздавателями коронъ и престоловъ, подобно тому какъ средневѣковые папы стремились играть такую же роль по отношенію къ христіанскимъ властителямъ тогдашней Европы. Въ виду такого возрѣнія, владѣтели новыхъ государствъ, возникавшихъ на развалинахъ прежняго халифата, считали необходимымъ, изъ за соображеній не только религіозныхъ, но и политическихъ, получать свою, такъ сказать, духовную инвеституру отъ намѣстника пророка, хотя и обезсиленнаго матеріально, но могучаго еще по своему духовному значенію, и этою инвеститурою узаконять свою власть предъ своими новыми подданными.

Первые турецкіе султаны (какъ извѣстно, всё—тонкіе политики) прекрасно понимали, какъ важно для нихъ—пришельцевъ изъ далекихъ степей, основавшихъ въ Малой Азіи новое царство — добиться признанія своихъ правъ, своей власти со стороны халифовъ, преемниковъ Магомета, хранителей заповѣданнаго имъ закона, и потому султаны съ самаго начала открыто признавали свои подчиненныя отношенія къ аббасидскимъ халифамъ, считали ихъ своими сюзеренами, заискивали въ нихъ и добивались отъ нихъ подтвержденія своихъ владѣтельныхъ правъ. Такъ мы видимъ, что Баязидъ I посылаетъ въ 1389 г. въ Египетъ къ халифу Магомету XI блестящее посольство съ богатыми подарками и съ чрезвычайно почтительными письмами, въ которыхъ онъ проситъ благословить его и дать инвеституру (*текалуду - селтанетъ*) на всё земли,

доставшіяся султану по наслѣдству отъ его предковъ. ¹⁾

Магометъ II, захвативъ Константинополь, чувствовалъ потребность подтвердить предъ лицомъ всѣхъ правовѣрныхъ божественное происхожденіе своей власти: не слѣдуетъ забывать, что въ то время турецкіе султаны не были еще халифами, т.-е. не воплощали въ себѣ высшую на землѣ мусульманскую власть. Случай къ тому не замедлилъ представиться.

Во время первой осады Византіи сарацинами, бывшими подъ начальствомъ Іезида, сына Моавіи I, подѣнами осажденнаго города палъ въ 668 г. знаменосецъ пророка Магомета, Эюбъ, и былъ похороненъ тамъ, гдѣ впослѣдствіи возникло городское предмѣстье Агюсъ-Мамасъ, извѣстное, между прочимъ, тѣмъ, что оно служило мѣстопробываніемъ для русскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ по торговымъ дѣламъ въ Константинополь. Въ 1453 году, нѣсколько недѣль спустя послѣ взятія Константинополя, могила Эюба была открыта слѣдующимъ, по словамъ турецкихъ историковъ, чудеснымъ образомъ.

Одинъ изъ любимыхъ шейховъ султана Магомета II, Акъ-Шемсуддинъ, видѣлъ во снѣ небожителя, который указалъ ему, гдѣ находится мѣсто погребенія Эюба, прибавивъ, что въ доказательство справедливости его откровенія—въ указанномъ мѣстѣ найдутся еще источникъ воды и мраморная доска съ еврейскою надписью. Пробудившись, Акъ-Шемсуддинъ поспѣшилъ къ султану и рассказалъ про бывшее ему видѣніе. Магометъ II велѣлъ немедленно же произвести раскопки въ указан-

¹⁾ Tableau général de l'empire othoman, par d'Ohsson. I. 78.

номъ свѣше мѣстѣ, находившемся за городскими стѣнами, и какъ увѣряютъ мусульманскія лѣтописи, тамъ были найдены и ключъ воды и мраморная доска. Этого было совершенно достаточно, чтобы признать то мѣсто за могилу погибшаго знаменосца пророка и возвысить славу самого Эюба, который, проявивъ мѣсто своего погребенія, на самыхъ первыхъ порахъ владычества турокъ надъ Константинополемъ, какъ бы выставилъ себя небеснымъ защитникомъ побѣдоносныхъ турецкихъ полчищъ и какъ бы явился поручителемъ за спокойное владѣніе ими вновь завоеваннаго города.

Проникнутый благодарностью за столь явно выразившееся небесное покровительство, увѣренность въ которомъ вселила новое мужество въ сердца турецкой арміи, понесшей при взятіи Царь-града крупныя потери, Магометъ II повелѣлъ построить надъ прахомъ Эюба великолѣпную надгробную часовню (*турбэ*) и рядомъ большую мечеть, которая, равно какъ и окружающее ее предмѣстье, носятъ нынѣ названіе Эюба.

Когда надгробная часовня была окончена постройкою, султанъ отправился туда торжественнымъ шествіемъ. Послѣ прочтенія нѣкоторыхъ молитвъ, Акъ-Шемсуддинъ препоясалъ султана мечомъ родоначальника турецкой династіи Османа, по примѣру считавшагося, какъ сказано выше, сюзереномъ турецкихъ султановъ аббасидскаго халифа Ахмеда IX, совершившаго въ 1342 г. подобную же церемонію надъ Меликъ-Мансуромъ, при восшествіи его на египетскій престоль.

Начиная съ того времени, всѣ преемники Магомета II считали своею обязанностью препоясываться мечомъ Османа, причемъ обрядъ обыкновенно совершался на пятый день по воцареніи султана. Соверше-

ніе обряда, съ самаго его установленія и донинѣ, принадлежитъ исключительно потомству одного знаменитаго муллы Хункяра, происходящаго, по нѣкоторымъ источникамъ, отъ иконійскаго сельджукскаго султана Алаэддина, который въ 1307 году уступилъ свой скипетръ турецкимъ султанамъ ¹⁾.

По другимъ историкамъ, причина, принадлежавшей потомству муллы Хункяра привилегіи была иная.

Шейхъ Мевлана-Джелалъединъ-Руми, по прозванію Мулла-Хункяръ, жилъ въ Коніи (древнемъ Иконіумѣ) и основалъ мусульманскій монашескій орденъ кружащихся дервишей, *мевлеви*. Его часто навѣщала Эртогруль, первый исторически извѣстный вождь турецкой орды. Однажды онъ привелъ съ собою своего сына, Османа, бывшаго еще ребенкомъ, и просилъ шейха благословить его. Шейхъ взялъ мальчика за руку и сказалъ ему: «Я смотрю на тебя какъ на моего родного сына и такъ же какъ сына люблю тебя; да будетъ надъ тобою благословіе неба! пусть судьба твоя будетъ блистательна и пусть воинскія удачи и благоденствіе твоего рода продолжатся до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться привязанность твоихъ потомковъ и преемниковъ по отношенію къ потомкамъ моимъ». Въ этомъ-то обстоятельствѣ, въ этой таинственной связи между послѣдующими судьбами обоихъ родовъ и лежитъ, говорятъ, истинная причина того особаго уваженія, которое турецкіе султаны питали постоянно къ потомству муллы Хункяра и къ шейхамъ и дервишамъ основаннаго имъ ордена ²⁾.

¹⁾ Lettres du Bosphore, par de Moüy. стр. 174.

²⁾ Tableau général de l'empire othoman, par d'Ohsson. I, 115.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію церемоніи Кылычъ-Алая, считаю необходимымъ, для лучшаго уясненія послѣдующаго разсказа, сказать нѣсколько словъ о сословіи улемовъ, а также объ іерархическомъ строѣ турецкаго чиновничества вообще.

Намѣстники пророка Магомета, халифы, въ качествѣ верховныхъ хранителей корана и священнаго мусульманскаго закона, являлись въ одно и то же время и первосвященниками, и законодателями, и завѣдывали отправленіемъ правосудія. Первые халифы справлялись съ этими многосложными обязанностями лично, но когда владѣнія халифа стали увеличиваться и заботы государственнаго управленія усложнились, халифы нашли возможнымъ возложить исполненіе части лежавшихъ на нихъ обязанностей на своихъ представителей, жившихъ какъ въ столицѣ, такъ и въ подвластныхъ халифу областяхъ. Посредники эти отличались отъ остальныхъ мусульманъ какъ важностью порученныхъ имъ обязанностей, такъ и своею начитанностью въ священныхъ книгахъ ислама. Начитанность же эта являлась качествомъ необходимымъ при наличности обширной литературы комментаріевъ, безъ которыхъ нѣтъ возможности обойтись при толкованіи или примѣненіи текста корана, обыкновенно крайне неяснаго и запутаннаго и тѣмъ не менѣе служащаго источникомъ всего мусульманскаго права, основою всей духовной и гражданской жизни каждаго мусульманина. Правовѣрные, усвоившіе себѣ эту трудную науку, образовали изъ себя особый, рѣзко выдѣленный іерархически, классъ *улемовъ*, что собственно означаетъ сословіе *ученыхъ, книжниковъ*. Особенную силу это сословіе приобрѣло съ тѣхъ поръ, какъ стало пользоваться правомъ *фетвы*. Фетва, какъ

уже сказано выше, есть не что иное какъ основанное на мусульманскомъ правѣ краткое письменное заключеніе по тому или другому юридическому вопросу.

Происхожденіе обычая *фетвы*, играющей столь важную роль въ магометанской исторіи, восходитъ къ первымъ временамъ халифата. Чтобы обезпечить за собою лучшее повиновеніе своихъ подданныхъ и дать болѣе силы своимъ повелѣніямъ, преемники Магомета имѣли обыкновеніе давать каждому наиболѣе важному правительственному распоряженію санкцію религіи. Право давать эту санкцію было предоставлено главѣ улемовъ, шейхъ-уль-исламу, который своимъ приговоромъ, фетвой, объявлялъ дѣйствія правительства соотвѣтствующими правиламъ корана и, потому, обязательными для всякаго мусульманина. Но это орудіе власти для султановъ обратилось противъ нихъ, какъ только ослабъ воинственный, твердый духъ султановъ. Тогда шейхъ-уль-исламы поняли всю важность имѣвшагося въ ихъ рукахъ средства и стали иногда систематически противодѣйствовать государямъ, отказывать нѣкоторымъ указамъ въ необходимой фетвѣ и, прикрываясь закономъ, даже низвергать султана съ престола.

Несмотря на духъ единства, спланивающій въ одно огромное цѣлое все сословіе улемовъ, пользующееся въ Турціи громаднымъ авторитетомъ, сословіе это распадается на три класса, сообразно самой сущности возлагаемыхъ на него обязанностей.

Къ первому классу принадлежатъ *имамы*, равнозначашіе нашимъ священникамъ, хотя, собственно говоря, въ исламѣ нѣтъ священства въ смыслѣ специальной категоріи людей, имѣющихъ преимущественное право совершать религіозныя обрядности. По мусуль-

манскому праву, всякій грамотный и, потому, начитанный въ Коранѣ человѣкъ можетъ быть во время общественной молитвы во главѣ молящихся, занимая мѣсто *предстоящаго* (собственное значеніе слова: *имамъ*). Но практика выработала иное и обособила тѣхъ улемовъ, которые подъ именемъ имамовъ посвящаютъ себя уже исключительно служенію при мечетяхъ, проповѣди и надзору какъ за охраною храма, такъ и за порядкомъ молитвъ.

Ко второму классу улемовъ принадлежатъ законовѣды по преимуществу, носящіе названіе *муфтіевъ*, завѣдующіе духовными дѣлами мѣстной общины и на предлагаемые имъ юридическіе вопросы, дающіе свою фетву.

Наконецъ, къ третьему классу улемовъ принадлежатъ *кади* или *муллы* (судьи) и *наибы* (помощники судей), основою рѣшеній которыхъ служатъ постановленія *шеріата* (мусульманскаго священнаго закона).

Каждый изъ поименованныхъ трехъ главныхъ классовъ подраздѣляется еще на нѣсколько болѣе мелкихъ отдѣловъ.

Столичный муфтіи или шейхъ-уль-исламъ является главою всего сословія улемовъ въ своемъ качествѣ на-мѣстника халифа-султана по духовной части, точно также какъ великій визирь является такимъ же на-мѣстникомъ султана по свѣтской власти.

Будучи верховнымъ истолкователемъ закона, шейхъ-уль-исламъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ рѣшающее значеніе для существованія самой власти того или другаго султана; а именно когда онъ приходитъ къ убѣжденію, что, съ точки зрѣнія мусульманскаго закона, султанъ не удовлетворяетъ болѣе требованіямъ этого

закона, словомъ, что онъ пересталъ быть законнымъ халифомъ, то шейхъ-уль-исламъ имѣетъ право издать фетву о томъ, что царствующій государь долженъ быть по такимъ-то причинамъ низложенъ, подобно тому, какъ и было поступлено по отношенію къ султанамъ Абдуль-Азизу и Мураду.

Несмотря на кажущуюся несообразность такого права съ качествомъ шейхъ-уль-ислама, дѣйствующимъ лишь по полномочію, получаемому имъ отъ халифа, оно тѣмъ не менѣе совершенно логично, хотя шейхъ-уль-исламъ является лишь намѣстникомъ султана,—такъ какъ по шеріату онъ намѣстникъ законнаго халифа; если же, съ точки зрѣнія шеріата, халифъ дѣлается незаконнымъ, шейхъ-уль-исламъ вступаетъ въ свои права верховнаго истолкователя закона, и изрекаетъ свой приговоръ о низложеніи халифа, котораго доселѣ онъ былъ только представителемъ.

Насильственная же перемѣна султана безъ санкціи на то шейхъ-уль-ислама, съ точки зрѣнія мусульманъ, будетъ всегда неправильною.

Всѣ тѣ, кто предназначаетъ себя къ поступленію въ улемы, воспитываются въ школахъ (*медресэ*), гдѣ главными предметами обученія служатъ законовѣденіе и богословіе. Ученики медресэ носятъ названіе *софты* или *вѣрнѣ суктэ* (горящій, пламенѣющій, т.-е., любовью къ (знанію)). Неспособные или менѣе способные остаются на службѣ при мечетяхъ въ качествѣ имамовъ. Болѣе способные, путемъ усиленнаго изученія законовъ, готовятъ себя къ юридическому поприщу. Послѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ экзаменовъ, софты получаютъ званіе *мудерриса* (магистра богословія и юриспруденціи), которое, въ свою очередь, имѣетъ двѣнадцат-

чать различныхъ степеней: изъ одной степени въ другую, болѣе старшую, кандидаты переходятъ лишь постепенно, и то не иначе какъ по порядку старшинства, вслѣдствіе чего, чтобы достигнуть высшей степени мудеррисовъ—*муселай сулейманіэ*, иногда нужно употребить до сорока лѣтъ. Названія этихъ степеней слѣдующія: харекети-алтмышлы, ибтида-алтмышлы, сахни-земанъ, муселай-саханъ, харекети-дахиль, ибтидаи-дахиль, харекети-хариджъ, ибтидаи-хариджъ. Четыре высшія степени, такъ называемыя *кибари-мудеррисинъ*, которыя можно приурочить къ ученой степени доктора богословія и юриспруденціи, носятъ названія: даруль-хадисъ, сулейманіэ, хамзеи-сулейманіэ, муселай-сулейманіэ ¹⁾. Достигнувъ высшей степени мудеррисовъ, кандидаты, снова по старшинству, попадаютъ въ списки мулъ, что открываетъ имъ доступъ къ высшимъ духовнымъ и судебнымъ должностямъ.

Въ прежнее время было шесть разрядовъ высшихъ должностей улемовъ: къ 1-му принадлежалъ муфтіи или шейхъ-уль-исламъ, ко 2-му—садри-румъ и садри-анадоли или *кази-аскеры* (военные судьи), такъ какъ въ началѣ они сопровождали султановъ въ ихъ походахъ и наблюдали за отправленіемъ правосудія въ арміи; къ 3-му—*истамболь-кадиси* (столичный судья), къ 4-му—*харемейнъ-моллалери* (судьи Мекки и Медины), къ 5-му—муллы Адрианополя, Бруссы, Каира и Дамаска и, наконецъ, къ 6-му—муллы Галаты, Скутари, Эюба,

¹⁾ По вопросу объ улемахъ очень цѣнныя указанія были мнѣ сдѣланы нынѣ уже покойнымъ Фардисомъ-эфенди, профессоромъ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ, состоящаго при азіатскомъ департаментѣ.

Иерусалима, Смирны, Алеппа, Ени-шахра (Лариссы) и Солуни.

Такимъ образомъ, высшія званія улемовъ различались между собою лишь на основаніи тѣхъ должностей, которыя улемы занимали въ дѣйствительности, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ такой порядокъ измѣнился и различныя степени улемовъ стали различаться не по исполняемымъ ими обязанностямъ, но по чинамъ, независимо отъ занимаемыхъ улемами должностей. Это преобразование въ іерархическомъ строѣ сословія улемовъ было логическимъ слѣдствіемъ переворота въ административномъ строѣ Турціи, произведеннаго султаномъ реформаторомъ—Махмудомъ II.

Мусульманское общество, по устройству своему, вполне демократично; самое понятіе о родовомъ имени, фамиліи, отсутствуетъ. Почетные титулы связаны лишь съ извѣстными официальными обязанностями и дѣтямъ не передаются, такъ что можно сказать, что въ турецкомъ обществѣ каждый членъ его есть исключительно дѣтище своихъ собственныхъ дѣлъ, а заслуги предковъ или преимущества рожденія не играютъ почти никакой роли.

Да и мудрено было бы, еслибы дѣло было иначе въ мусульманскомъ обществѣ, гдѣ каждый человекъ представляетъ изъ себя лишь орудіе въ рукахъ Аллаха, который постоянно вмѣшивается въ мельчайшія подробности жизни людей. При такомъ строѣ общества не можетъ быть аристократіи, обусловливаемой личными заслугами предковъ, а все начинается и оканчивается отдѣльною личностью, дѣйствующею лишь въ предѣлахъ Божьей воли и предопредѣленія. Одинъ лишь царствующій домъ составляетъ исключеніе: онъ одинъ

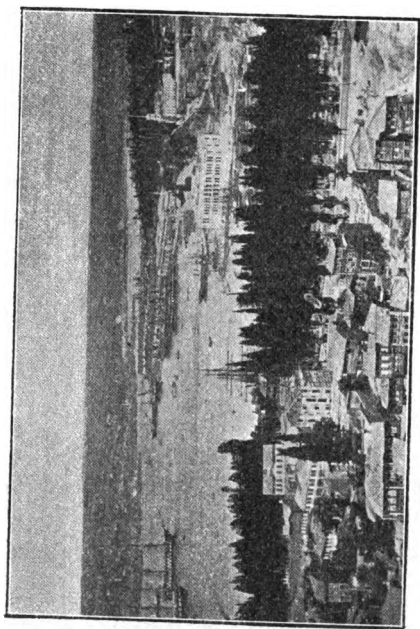
наслѣдственъ и представляетъ рядъ прямого, признаннаго всѣми нисходящаго потомства.

Когда султанъ Махмудъ II нашель нужнымъ, для укрѣпленія расшатаннаго организма Турціи, преобразовать его на европейскій ладъ, то въ ряду предпринятыхъ имъ для того мѣропріятій онъ намѣтилъ необходимость введенія въ турецкую администрацію чиновъ, дотолѣ въ ней не существовавшихъ. По нѣкоторымъ разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, эта послѣдняя мѣра имѣла будто бы источникомъ желаніе Махмуда подражать Петру Великому, котораго онъ былъ самымъ страстнымъ почитателемъ.

Дѣйствительно, осуществивъ у себя, и очень удачно, подобіе избіенія стрѣльцовъ, совершеннымъ уничтоженіемъ турецкихъ стрѣльцовъ, янычаръ, и принявъ мѣры къ организаціи регулярной арміи, Махмудъ могъ, затѣмъ, по примѣру нашего великаго преобразователя, ввести у себя болѣе точно опредѣленную іерархическую лѣстницу чиновъ должностныхъ лицъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, и поставить понятіе о жалуемомъ султаномъ гражданскомъ чиңѣ совершенно независимо отъ должности, занимаемой тѣмъ или другимъ лицомъ.

Какъ бы то ни было и изъ какихъ бы побужденій султанъ Махмудъ ни исходилъ, подобная мѣра была имъ приведена въ исполненіе въ 1248 году гиджры, т.-е. около 1830 года. Повидимому, нововведеніе это соотвѣтствовало требованіямъ времени, такъ какъ при преемникѣ Махмуда, султанѣ Абдуль-Меджидѣ, были установлены подробно регламентированные почетные титулы для cadaго чина и для каждой должности.

Меня издавна занималъ вопросъ о происхожденіи

Золотой рогъ.

въ турецкой администраціи столь, повидимому, несвойственныхъ истинному строю мусульманскаго общества гражданскихъ чиновъ, и особенно вопросъ о томъ, насколько султанъ Махмудъ, вводя въ Турціи чины, руководствовался примѣромъ Петра и дѣйствительно ли онъ стремился подражать нашей табели о рангахъ.

Касательно этого послѣдняго пункта мнѣ не удалось найти у турецкихъ историковъ никакихъ прямыхъ указаній, а, потому, оставалось лишь самому заняться сравнительнымъ изученіемъ существующихъ въ Турціи воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, а также присвоенныхъ имъ официальныхъ титуловъ обращенія или привѣтствія, чтобы, установивъ между ними соотвѣтствіе, попытаться согласовать ихъ и пріурочить эти чины къ соотвѣтствующимъ классамъ и чинамъ нашей табели о рангахъ.

Попытка эта привела къ составленію нижеприведенной таблицы, которая, какъ мнѣ кажется, подтверждаетъ предположеніе, что именно наша табель о рангахъ, въ томъ уже видѣ какъ она была во времена султана Махмуда, была, и по мысли и по подробностямъ, прообразомъ за самыми незначительными отступленіями, нынѣ существующей лѣстницы турецкихъ чиновъ, причемъ вмѣсто нашей степени посредствующей между VI и IV классомъ и равной чину *статскаго совѣтника*, не имѣющаго въ настоящее время соотвѣтствія съ какимъ-либо чиномъ военнымъ, введена была степень *балà*, равнымъ образомъ одна не имѣющая соотвѣтствія съ какимъ-либо военнымъ чиномъ, но только помѣщена она была не между VI и IV, а между III и II классами.

Турокіе чина гражданикъ.	Класси и чина, состоящія изъ по русской табели о рангахъ.	Военные чины (сейфѣ).	У д е м и
Великіи визирь.	I. Канцлеръ.	Сержари экремъ (генералиссимусъ), капуданъ-паша (генераль адмираль).	Шейхъ-уль-исламъ.
Визирь и муширь.	II. Дѣйствительный тайный совѣтникъ.	Муншаръ (полный генераль), въ презнее время трехбунчужный паша.	Суауръ.
Балъ.	—	Ферикъ (генераль-лейтенантъ), въ презнее время двухбунчужный паша.	Кави-аскеръ. Истамболъ паисси.
Ула синфи эвѣль.	III. Тайный совѣтникъ.	Мирри-лива (генер.-майоръ), въ презнее время одиобунчужный паша.	Харомейнъ паисси.
Ула синфи сани.	IV. Дѣйствительный статскій совѣтникъ.	Миралай (полковникъ).	Виледи хамсе.
Сани мутеманъ.	V. Коллежскій совѣтникъ.	Каймакамъ (подполковн.).	{ Махроджъ мевали Деври мевали.
Сани синфи сани.	VII. Надзорный совѣтникъ.	Визъ-баши (майоръ). Юзь-баши (капитанъ). Юзь-баши-венгли (штабсъ-капитанъ).	Кибари мудеррисинъ. Мудеррисъ.
Салисѣ. Рабіа. Хамисѣ.	VIII. Коллежскій ассессоръ. IX. Титулярный совѣтникъ. X. Коллежскій секретарь.	Мулазими эвѣль (поручикъ).	—
Ходжаганъ.	XII. Губернскій секретарь.		—

Въ поясненіе къ этой таблицѣ необходимо прибавить, что во главѣ всего турецкаго управленія стоятъ великій визирь—*садри-азамъ*, должность, учрежденная въ 750 г. по Р. Х. халифомъ Абдуллахомъ. Великій визирь является намѣстникомъ султана по отношенію къ его свѣтской власти, подобно тому какъ шейхъ-уль-исламъ служить представителемъ второй сущности власти султана—халифа, власти духовной. Поэтому, оба эти сановника, какъ представители двухъ совершенно равныхъ по значенію сторонъ султанской власти, одинаковы по своему значенію и между собою.

По европейскимъ понятіямъ, власть и значеніе садри-азама могли бы быть приравнены къ значенію обязанностей канцлера въ прежнемъ смыслѣ этого слова, въ особенности во Франціи, въ до-революціонный періодъ. Къ довершенію сходства, главнымъ атрибутомъ великаго визиря является храненіе государственной печати: врученіемъ ея сановникъ облачается званіемъ садри-азама; съ отобраніемъ ея онъ перестаетъ воплощать въ себѣ всю административную власть турецкаго царства.

Но между равными по важности должностями великаго визиря и шейхъ-уль-ислама есть одно огромное различіе. Въ то время какъ на эту послѣднюю должность султанъ можетъ назначить, за крайне рѣдкими исключеніями, только лицо, принадлежащее къ извѣстному высшему классу улемовъ—*судурамъ*, продолжительною подготовкою, пріобрѣвшее право стоять во главѣ улемовъ и всего духовнаго управленія оттоманской имперіи,—въ выборѣ великаго визиря султанъ не стѣсненъ рѣшительно ничѣмъ и можетъ возложить эти высокія обязанности на кого заблагоразсудитъ. Исторія

*

сохранила намъ имена садри-азамовъ, бывшихъ прежде лодочниками и пастухами.

Конечно, такъ бывало въ прежнее время; нынѣ же, въ виду осложнившихся требованій отъ государственныхъ дѣятелей вообще, а отъ лица занимающаго столь важный и отвѣтственный постъ, какъ должность садри-азама, въ особенности, султаны по неволѣ вынуждены выбирать своихъ великихъ визирей по преимуществу изъ числа своихъ министровъ или генераль-губернаторовъ, т.-е. лицъ, уже много послужившихъ и пріобрѣвшихъ необходимыя знанія и опытность.

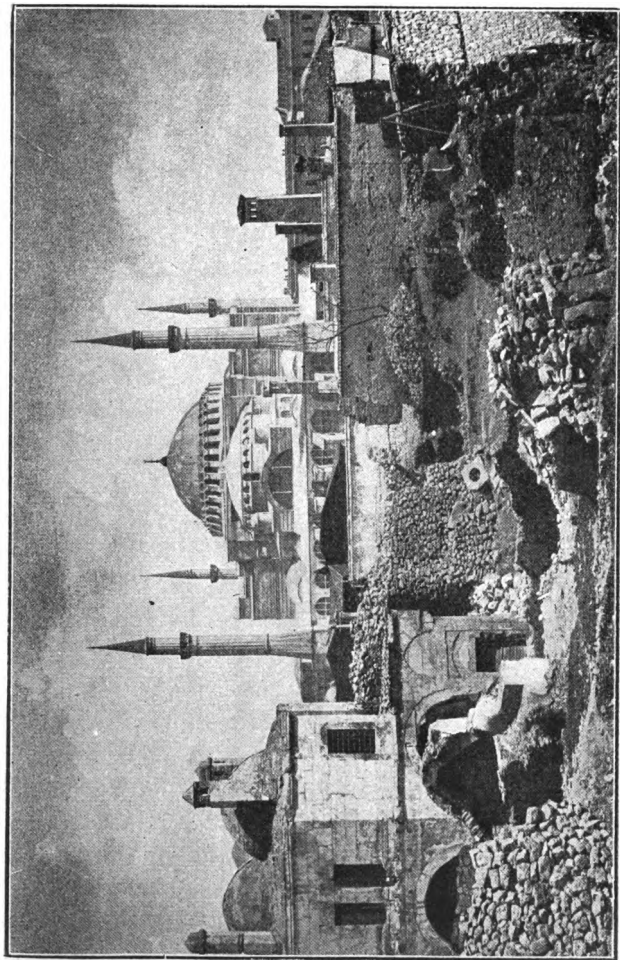
Слѣдующіе за великимъ визиремъ, по нисходящей линіи, сановники носятъ названіе *визирей* (буквально *носильщиковъ*—государственныхъ тяготъ). Обладатели этого чина пользуются правомъ на титулъ *паши*, тогда какъ для военныхъ титулъ *паши* начинается уже съ чина *мири-лива* (генераль-маіора). Титулъ *визирей* сталъ даваться, начиная съ Мурада III, всѣмъ пашамъ, стоявшимъ во главѣ *эйялетовъ* (генераль-губернаторствъ).

За визирями слѣдуютъ, въ порядкѣ старшинства, имѣющіе чинъ *бала*, которымъ хотя и не присвоено титула *паши*, но которые, тѣмъ не менѣе пользуются преимуществомъ быть приглашаемыми въ засѣданія *Дивана*, т.-е. совѣта высшихъ государственныхъ сановниковъ, созываемаго правительствомъ въ случаяхъ особой важности.

Затѣмъ уже идутъ, въ порядкѣ постепенности, прочіе гражданскіе чины, какъ это означено въ таблицѣ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ самое послѣднее время въ Турціи замѣчается новое теченіе, направленное къ ограниченію прежняго бюрократизма, вслѣд-

Ая-Софія.

ствіе чего напр., чины *ходжалянъ* и *хамисе* вышли вовсе изъ употребленія, а чинъ *рабій* дается очень рѣдко и то исключительно чиновникамъ служащимъ въ провинціи.

Въ ряду чиновныхъ отличій, жалуемыхъ турецкимъ правительствомъ, являются еще, какъ остатокъ старины, почетныя званія, которыя даются чиновникамъ, заслужившимъ особенное благоволеніе султана, или же тѣмъ, кого, по служебнымъ соображеніямъ, необходимо повысить для предоставленія имъ большаго авторитета при отправленіи возложенныхъ на нихъ Портою обязанностей. Такихъ званій три: *миръ-умъ-умера*, *миримиранъ* и *румили бейлербей*. Но званія эти отнимаются какъ только носящій одно изъ нихъ лишается своего мѣста. Съ званіями миримирана и румили бейлербея соединень титулъ паши, вслѣдствіе чего простой *мутессарифъ* (губернаторъ), не выслужившій еще чина, дающаго право на титулъ паши, дѣлается на все время своего губернаторства пашою, что, безъ сомнѣнія, возвышаетъ его въ глазахъ его же подчиненныхъ.

Обычай давать титулъ миримирана простымъ губернаторамъ, именно въ видахъ приданія имъ большаго значенія, ведется со временъ султана Мурада III, т.-е. съ конца XVI столѣтія.

Титулъ бейлербея гораздо древнѣе по происхожденію: самъ основатель царствующей турецкой династіи, Османъ I, былъ возведенъ въ это званіе, въ 1299 году, послѣднимъ сельджукскимъ султаномъ Коніи, Кейкубадомъ II. Послѣ него, первымъ получилъ званіе румили бейлербея, нѣкто Тимурташъ, въ 1376 году.

Вѣяніе времени коснулось и столь своеобразно организованнаго мусульманскаго сословія, какъ улемы.

И въ немъ духъ новшествъ султана Махмуда отразился введеніемъ чиновъ или званій по значенію своему могущихъ быть приуроченными къ классамъ чиновъ воинскихъ и гражданскихъ; дѣленіе же высшихъ духовныхъ сановниковъ на шесть приведенныхъ выше разрядовъ и притомъ лишь сообразно занимаемымъ ими должностямъ, исчезло.

Вышіе духовные сановники, послѣ шейхъ-уль-ислама, носятъ званіе верховныхъ судей—*судуровъ*. Есть два рода судуровъ (множеств. отъ *садръ*)—*садри румили* (румили—европейская Турція) и *садри анатоли* (Анатоли—азіятская Турція). Улемъ, получившій высокое званіе садра, можетъ, когда очередь дойдетъ до него, быть облеченъ и дѣйствительными обязанностями верховнаго судьи. Въ такомъ случаѣ, онъ называется *кази-аскеромъ* т.-е., въ буквальномъ переводѣ, военнымъ судьбою, такъ какъ въ былое время, какъ сказано выше, эти сановники состояли исключительно при турецкихъ арміяхъ, слѣдовали за ними въ походахъ и разбирали возникавшія судебныя пререканія. Въ настоящее же время, на обязанности ихъ лежитъ разсмотрѣніе самыхъ сложныхъ гражданскихъ дѣлъ, требующихъ особеннаго знанія всѣхъ юридическихъ тонкостей мусульманскаго права. Кази-аскеровъ полагается два—одинъ для Европейской, а другой для Азіятской Турціи и они несутъ свои обязанности лишь въ продолженіи одного года; по истеченіи же годоваго срока они уступаютъ свое мѣсто другимъ. Невозбраняется назначать кази-аскеромъ лицо уже прежде исполнявшее эти обязанности, причемъ улемъ, бывшій кази-аскеромъ Румелии, можетъ быть назначенъ кази-аскеромъ Анатоли и на оборотъ.

Бываетъ, впрочемъ, иногда что кази-аскеромъ назначаются улема, не имѣющаго еще званія садра и онъ получаетъ это званіе уже позже, но это принадлежитъ къ весьма рѣдкимъ случаямъ, вызываемымъ какими-нибудь исключительными обстоятельствами.

Послѣдующая за судурами ступень—это *истамболь паіеси*—званіе равнозначущее существовавшей издревле обязанности главнаго стамбульскаго судьи—истамболь-кадиси. Одинъ изъ улемовъ, носящихъ это званіе, назначается исполнять дѣйствительную должность главнаго столичнаго судьи, оставаясь въ ней лишь въ продолженіи года и передавая затѣмъ исполненіе своихъ обязанностей другимъ улемамъ, одинаковаго съ ними чина.

За чиномъ истамболь паіеси идетъ непосредственно чинъ *харемейнъ паіеси* т.-е. муллы двухъ священныхъ мусульманскихъ городовъ—Мекки и Медины. Изъ савновниковъ, носящихъ это званіе, лишь двое несутъ дѣйствительныя обязанности мулль въ означенныхъ городахъ,—всѣ же остальные носятъ лишь одно это званіе или чинъ.

За харемейнъ паіеси слѣдуетъ чинъ *билади хамсе* т.-е., собственно говоря, муллы пяти городовъ—Адрианополя, Бруссы, Дамаска, Каира и Филиппополя. И изъ нихъ лишь пятеро исполняютъ дѣйствительныя обязанности мулль помянутыхъ городовъ, а остальные довольствуются простымъ званіемъ мулль этихъ городовъ.

За билади хамсе идетъ уже низшій для мулль чинъ называемый двойко: *махреджъ мевали* и *деврие мевали*, причемъ вся разница между этими обоими, совершенно одинаковыми по значенію, разрядами заключается въ

томъ, что первый предоставляется исключительно улемамъ, достигшимъ степени мудеррисовъ въ Константинополѣ, а второй—улемамъ изъ мудеррисовъ Адрианопольскихъ и Брусскихъ. Въ практическомъ отношеніи, различіе между ними касается лишь послѣдующей службы улемовъ достигшихъ этой степени: въ то время какъ муллы махреджъ могутъ повышаться по службѣ и достигнуть самыхъ высшихъ степеней іерархіи,—муллы девріе на такое повышение права не имѣютъ.

Махреджъ мевали есть собственно должности мулль городовъ: Іерусалима, Алеппо, Салоникъ, Енишахра, Тенара, Смирны, Софіи, Трбизонда, Кандіи и предмѣстій Эюба и Галаты. Девріе мевали—городовъ: Багдада, Аицтаба, Сараева, Эрзерума, Мараша, Триполи-варварійскаго, Бейрута, Рущука, Сиваса, Аданы, Бенгази и области Курдистана. И въ этомъ чинѣ лишь немногіе улемы исполняютъ дѣйствительныя обязанности своего званія, всѣмъ же прочимъ предоставляется лишь одно званіе, безъ соотвѣтствующей ему должности.

XI.

Наконецъ насталь день 26-го августа 1876 года, день назначенный для Кылычъ-Алая. Съ самаго утра весь городъ, или вѣрнѣе, столпленіе городовъ, извѣстное подъ названіемъ Константинополя, былъ въ движеніи. Ширкеты, пароходы Золотого Рога, шлюпки всевозможныхъ формъ и размѣровъ, военные катера съ пароходовъ, состоящихъ при иностранныхъ посольствахъ въ столицѣ Турціи, и изящные, остроносые

каики бороздили по всѣмъ направлѣніямъ Босфоръ и Золотой Рогъ, перевозя къ предмѣстью Эюба безчисленныя толпы любопытныхъ. На улицахъ тоже было трудно изобразимое оживленіе.

Византійскіе жители, наравнѣ съ римлянами, всегда были падки на зрѣлища: древняя страсть эта сохранилась у нихъ въ прежней неприкосновенности и до нашихъ дней. И въ это утро народъ стремился ко всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ должно было проходить султанское шествіе, стремился отовсюду, и изъ Стамбула, и изъ пригородовъ его и изъ при-босфорскихъ деревень. Всѣ спѣшили какъ бы не опоздать насладиться давно уже невиданнымъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ и за-одно посмотрѣть на лицо своего новаго повелителя, прошедшаго на престоль чрезъ лужи крови, при драматическихъ обстоятельствахъ, такъ сильно подѣйствовавшихъ на впечатлительный, южный умъ константинопольцевъ.

Согласно заранѣе выработанному церемоніалу, уже съ 10 часовъ утра собрались близъ Эюбской мечети министры, улемы, высшіе гражданскіе и военные чины, которые, по своему положенію, имѣли право участвовать въ султанскомъ кортежѣ.

Около полудня, султанъ отплылъ отъ пристани у дворца Дольма-багче, въ своемъ большомъ парадномъ каикѣ, въ тринадцать паръ весель. Каикъ этотъ, по украшеніямъ, есть своего рода чудо искусства. Онъ весь бѣлый, съ богатыми золотыми узорами; на носу его позолоченный орелъ съ распростертыми крыльями, на кормѣ вздымается султанскій тронъ изъ краснаго бархата, осѣненный балдахиномъ, утвержденнымъ на серебряныхъ, позолоченныхъ столбахъ. Султанъ сидѣлъ

на тронѣ, имѣя наспротивъ себя своего зятя Махмудашу, тогдашняго министра торговли.

За султанскимъ кайкомъ слѣдоваль въ кильватеръ богато убранный кайкъ, тоже съ краснымъ балдахиномъ, подъ которымъ сидѣли принцы—родственники султана.

Въ четырехъ семипарныхъ кайкахъ, предшествовавшихъ султанскому кайку, и въ двухъ такихъ же парадныхъ кайкахъ, замыкавшихъ все шествіе, размѣстились высшіе придворные сановники и лица султанской свиты.

Какъ только вся эта флотилія отдѣлилась отъ пристани, пушечные выстрѣлы возвѣстили народу, что церемонія началась.

Въ это мгновеніе Босфоръ и Золотой Рогъ и ихъ берега представляли чудный видъ. Кортельжъ проходилъ мимо выстроенныхъ въ линію броненосцевъ и другихъ военныхъ судовъ турецкаго флота, расцвѣченныхъ всевозможными флагами, съ матросами, посланными по реямъ,—мимо иностранныхъ военныхъ и коммерческихъ судовъ и пароходовъ, тоже разубранныхъ флагами и переполненныхъ зрителями.

Безчисленные кайки и лодки, наполненные людьми въ праздничныхъ нарядахъ, толпились на пути, съ трудомъ сдерживаемые катерами адмиралтейства, вытянутыми по всему пути въ двѣ линіи для огражденія широкой водной полосы, по которой быстро скользила султанская флотилія.

Даже прибрежные дома Галаты, Джубали, Фанара, Балаты и Хайванъ-серая, обыкновенно такіе мрачные, со стѣнами, закопченными постоянно обдающими ихъ клубами пароходнаго дыма, и тѣ казались въ тотъ день

просіявшими отъ множества радостныхъ головъ, торчавшихъ изъ всѣхъ оконъ, и отъ пестрыхъ одеждъ биткомъ въ нихъ набитыхъ зрителей, костюмы которыхъ рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ своими рѣзущими глазъ оттѣнками, свойственными только жителямъ востока. Какъ яркій солнечный лучъ, проникшій въ глухой уголь, придаетъ ему дотолѣ незамѣчаемую прелесть, оживляя все то, что казалось холоднымъ, безжизненнымъ, такъ и въ тотъ день полуденное солнце раскрасило всѣ темные дома, основанія которыхъ лежатъ въ волнахъ Золотого Рога. Разукрашенные своими полными народомъ окнами, дома эти какъ бы сами не узнавали себя и радостно пересмѣивались съ своими точно также преобразившимися сосѣдями.

Безчисленныя кофейни и лавки, выходящія прямо на Золотой Рогъ, казались тоже нарядными, благодаря тому, что онѣ были сплошь увѣшаны разноцвѣтными флагами.

На обоихъ мостахъ—Каракѣй и Азапъ-капу—разведенныхъ по срединѣ, чтобы открыть свободный проходъ султанской флотилии, яблоку негдѣ было бы упасть отъ запрудившей ихъ толпы. Мосты эти представлялись какъ бы огромнымъ полемъ, сплошь засѣяннымъ краснымъ макомъ отъ фесокъ, головного убора, обязательнаго для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ засвидѣтельствовать о вѣрно-подданничествѣ къ падишаху, волею судьбы призванному царствовать надъ этими прекрасными странами.

Мало того, всѣ поднимающіеся по обѣимъ сторонамъ Золотого Рога холмы, всѣ верхнія террасы домовъ, всѣ возвышенности, хотя и отдаленныя отъ залива, но съ которыхъ былъ самомагнѣйшій видъ на этотъ послѣдній, — все это было залито и облѣплено

любопытными, принадлежащими ко всѣмъ слоямъ общества, ко всѣмъ національностямъ, въ такомъ разнообразіи роящимся въ градѣ св. Константина. Эти оба, съ двухъ сторонъ спускающіеся къ Золотому Рогу ската холмовъ, походили издали на два огромныхъ муравейника, въ которыхъ копошились, между разноцвѣтными домиками съ рѣшетчатыми окнами, между тамъ и сямъ разбросанными мечетями съ островерхими минаретами, массы живыхъ существъ, раскрашенныхъ во всѣ цвѣта радуги.

Тѣмъ временемъ, султанскій кортежъ величественно двигался все далѣе, привѣтствуемый криками матросовъ, съ встрѣчавшихся по пути судовъ, и постоянными пушечными выстрѣлами съ броненосцевъ и съ баттарей, расположенныхъ въ Топъ-хане, на Серай-бурну (дворцовомъ мысу) и въ адмиралтействѣ.

Въ Эюбъ султанъ высадился около 6 часовъ по-турецки. Турецкій часъ считается не отъ полудня, какъ часъ европейскій, а отъ заката солнца и, слѣдовательно, подверженъ ежедневному измѣненію въ соотвѣтствіи съ измѣняющимся каждый день моментомъ солнечнаго заката. Такъ какъ всѣ босфорскіе пароходы-широкеты совершаютъ свои рейсы по турецкому времени, то это обстоятельство служитъ источникомъ вѣчной тревоги для европейцевъ, вынужденныхъ отправляться въ прибосфорскія мѣстности и обязанныхъ чуть не ежедневно переставлять стрѣлку своихъ часовъ и все-таки мучиться сомнѣніемъ, правильно ли поставлена стрѣлка и не придется ли, прибѣжавъ, запыхавшись, на пристань, видѣть лишь вспѣненный широкій слѣдъ, оставляемый на волнахъ Босфора уже быстро удаляющимся пароходомъ.

Такимъ образомъ, султанскій кайкъ подошелъ къ

Султанъ Абдуль-Хамидъ II.

пристани близъ мечети Эюба около часа пополудни. Пристань была вся покрыта ярко-краснымъ бархатнымъ ковромъ. На ней въ два ряда стояли офицеры съ саблями на-голо. Нѣсколько далѣе, на маленькой площадкѣ, предъ самою мечетью, были собраны министры, высшіе чины улемовъ и генераль-лейтенанты, всѣ въ полной парадной формѣ. Совсѣмъ въ глубинѣ площадки находился оркестръ придворной музыки, при звукахъ котораго султанъ высадился на берегъ и направился чрезъ ряды высшихъ турецкихъ сановниковъ къ мечети. Абдуль-Хамиду предшествовалъ гофмаршалъ и имамъ Эюбской мечети: каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ золотую курильницу, въ которой дымилось алоэ. Въ былое время султанъ проходилъ чрезъ дворъ мечети, поддерживаемый подъ руки великимъ визиремъ и янычарскимъ агою. На этотъ разъ не было и великаго визиря, такъ какъ онъ по нездоровью не могъ присутствовать на церемоніи.

Послѣ обычныхъ молитвъ въ мечети, въ которую не входилъ еще никогда ни одинъ христіанинъ, султанъ перешелъ въ сосѣдній мавзолей, построенный надъ прахомъ Эюба, вѣрнаго знаменосца пророка Магомета, павшаго смертью храбрыхъ подъ стѣнами города, которому судьба предназначила сдѣлаться столицею ислама.

Здѣсь-то, въ этой надгробной часовнѣ, Абдуль-Хамидъ II и былъ препоясанъ мечомъ Османа, основателя доселѣ царствующей въ Турціи династіи, улемомъ, потомкомъ конійскаго муллы Хункяра, роду котораго, какъ сказано выше, предоставлено преимущественное право совершенія обряда, окончательнаго закрѣпляющаго престоль за новымъ султаномъ.

Самая церемонія препоясанія происходила въ присутствіи шейхъ-уль-ислама, министровъ и улемовъ, произнесшихъ установленныя для такого случая молитвы; въ самый же моментъ возложенія на султана меча были заколоты на прилегающемъ къ мечети дворѣ пятьдесятъ барановъ и принесены въ жертву Аллаху, чтобы онъ милостиво принялъ возносившіяся тогда молитвы о счастіи и благоденствіи новаго владыки, возсѣвшаго на древній престолъ, выдавшій столькожъ грозныхъ султановъ, не разъ заставлявшихъ трепетать сильнѣйшихъ христіанскихъ государей Европы.

Нужно имѣть на палитрѣ особыя краски—знойныя и пламенныя, чтобы описать всю красоту картины, блещущей всею роскошью и великолѣпіемъ Востока, когда, по окончаніи Кылычъ-Алая, торжественное шествіе, пройдя чрезъ тѣнистыя аллеи обширнаго Эюбскаго кладбища, сквозь полный таинственности лѣсъ вѣковыхъ чинаровъ и суровыхъ, темныхъ кипарисовъ, направилось вдоль византійскихъ городскихъ стѣнъ къ Эдирне-капу (Адріанопольскимъ воротамъ). Древнія стѣны, зубцы которыхъ такъ рѣзко выдѣлялись на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба, смотрѣли на все съ угрюмымъ спокойствіемъ. Слишкомъ много всего видали онѣ на своемъ вѣку,—въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій были онѣ нѣмыми свидѣтелями разыгравшихся около нихъ трагедій. Гдѣ теперь тѣ народы, которые такъ бѣшено ихъ штурмовали, — забыты и самыя имена ихъ; гдѣ вожди, которые въ теченіи ряда вѣковъ были крѣпкостоятельными борцами и защитниками Константинополя. Сколько бывало тутъ ликованій по случаю избранія новаго императора—нынѣшнее султанское шествіе направляется именно вдоль той долины, гдѣ въ прежнее

время былъ военный лагерь и гдѣ легіоны поднимали на щитѣ своего новаго императора. Знають стѣны, что земное счастье непрочно—онѣ видали вчерашнихъ любимцевъ толпы, бѣсновавшейся по случаю возведенія ихъ на императорскій престолъ, видали какъ на другой же день капризная толпа топтала въ грязь свой вчерашній кумиръ, срывала съ него царскій пурпуръ, волочила его тутъ же, изувѣченнымъ, преклоняясь предъ новымъ избранникомъ, которому судьба, быть можетъ, готовила ту же участь, какъ и его предшественнику. Оттого то, должно быть, стѣны теперь и смотрять такъ угрюмо на новое ликованіе, на торжественное шествіе новаго султана,—онѣ знають, что и его царство пройдетъ и вся ликующая толпа сойдетъ въ небытіе, а онѣ все таки останутся съ своими томящими думами, съ своими горькими воспоминаніями,—одна лишь вершина ихъ закутается поболѣе въ зеленую шапку разныхъ растений, смѣло разбѣжавшихся по челу когда то грознаго богатыря—воина.....

Но если старая, безмолвная стѣны такъ равнодушно, такъ безстрастно относятся ко всему теперь происходящему около нихъ, то рѣзкую имъ противоположность представляетъ ютящаяся тутъ повсюду толпа, она волнуется, дрожить отъ нетерпѣнія, жизнь бьетъ въ ней живымъ ключомъ.

Окрестность представляла сплошное море головъ: любопытные толпились по всѣмъ возвышенностямъ Эюбскаго предмѣстья, во всѣхъ впадинахъ холмовъ, гдѣ только можно было какъ-нибудь примоститься. Многіе взобрались на принесенныя съ собою изъ дому скамейки; другіе расположились на подмосткахъ, нарочно для того устроенныхъ подъ сѣнью кинарисовъ и гро-

мадныхъ платановъ. Всюду виднѣлись живописныя группы, облитыя жгучимъ константинопольскимъ солнцемъ. Разноцвѣтныя, изъ матерій самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, *фераджэ* (верхнее платье) турчанокъ и ихъ бѣлыя прозрачныя *яимаки* (вуали) вырисовывались на темной листвѣ окружающаго лѣса. Старые, бородатые турки, въ широкихъ шубкахъ и въ тяжелыхъ чалмахъ, греки, евреи, болгары, армяне—вся эта разноязычная, пестрая толпа, которая обыкновенно наполняетъ стамбульскія улицы своимъ движеніемъ, своимъ гамомъ, своимъ своеобразнымъ одѣяніемъ, вся эта толпа была здѣсь, она вся трепетала, полная жизни и любопытства.

Наибольшая давка была, конечно, вдоль самаго пути кортежа. Подъ напоромъ нахлынувшей волны новыхъ пришельцевъ, толпа начинала иногда правильно колебаться, подобно движенію морского прилива и отлива. Пришлые люди наполнили и извилистыя тропинки, сбѣгающія съ высотъ Эюба, и самое Эюбское кладбище съ безчисленными, торчащими изъ земли могильными памятниками, то въ видѣ мраморныхъ досокъ съ позолоченными на нихъ разводами и листьями, то въ видѣ раскрашенныхъ столбовъ оканчивающихся тюрбаномъ.

Это кладбище, гдѣ постоянно царствуетъ невозмутимая тишина и безмятежное спокойствіе, было неузнаваемо. Казалось, что присутствуешь при сценахъ великаго Суднаго дня и что цѣлая армія воскресшихъ правовѣрныхъ вышла, по звуку трубы Архангела, изъ нѣдръ земли и толпилась теперь между могилами, заключившими въ свои послѣднія объятія столько поколѣній схороненныхъ здѣсь мусульманъ.

Нѣкоторые зрители, похрабрѣе, взобрались на де-

ревья; всюду, куда только хватается взоръ, видны толпы, сбѣжавшіяся со всѣхъ концовъ города.

А и то сказать, кромѣ зрѣлища султанскаго шествія, есть что посмотрѣть съ Эюбскихъ высотъ.

Надѣво, змѣнится безконечными меандрами рѣчка, древній Барбизъ, въ глубинѣ чуть виднѣется султанскій загородный дворецъ Кяать-хане (Европейскія сладкія Воды). Прямо передъ нами Золотой Рогъ, свѣтящійся на солнцѣ тысячью переливовъ и бирюзовыхъ, искрящихся волны котораго еле колышатъ мириады покрывающихъ его и на сегодня, какъ невѣста, разубранныхъ флагами и выпелами судовъ, начиная съ самыхъ мелкихъ гребныхъ, до огромнаго стопушечнаго линейнаго корабля «Махмудіе»—остатка прежняго паруснаго флота,—доживающаго свои дни уже въ качествѣ учебнаго корабля для турецкихъ гардемариновъ.

Широкая полоса Золотаго Рога раздѣляетъ развертывающуюся предъ нами картину на двѣ части: слѣва, тянутся выжженные пространства Окъ-мейдана, предмѣстья Хась-кѣя, Терсане, Касимъ паши, вѣнчаемая каменною громадою Перскаго холма съ его дворцами иностранныхъ миссій, съ его лабиринтомъ высокихъ, узкихъ домовъ, среди которыхъ одиноко вздымается Генуэзская Галатская башня, напоминающая о быломъ могуществѣ этого народа воиновъ — купцовъ, у которыхъ на первомъ планѣ стояли всегда выгоды исключительно матеріальныя.

Направо отъ Золотаго Рога, раскинулся въ своей царственной красѣ семихолмный градъ св. Константина, съ своею переплетающеюся сѣтью улицъ и переулковъ, съ своими садами и строеніями, окрашенными въ яркіе цвѣта,—съ своими, наконецъ, массивными куполами

мечетей, замѣнившихъ собою древнія византійскія церкви.

Совсѣмъ вдали, въ синеватой мглѣ виднѣется азійскій берегъ Босфора, Скутари, гора Булгурлу, архипелагъ Принцевыхъ острововъ и лучистая снѣговая шапка Вифинскаго Олимпа.

И все это, при несравненной голубизнѣ константинопольскаго августовскаго неба, залито какимъ-то серебристо-жемчужнымъ свѣтомъ, все погружено въ какую-то сладостную истому.....

Предъ тѣмъ какъ выйти на широкое раздолье равнины, стелющейся вдоль полуразрушенныхъ стѣнъ Константинополя, султанское шествіе должно было проходить извилистыми улицами Эюбскаго предмѣстья. Въ этихъ узкихъ улицахъ, заселенныхъ исключительно мусульманами, всѣ рѣшетчатые окна домовъ были открыты настежь: въ однихъ тискались, высовываясь иногда на улицу, турчанки, закутанныя въ свои яшмаки; въ другихъ виднѣлись неподвижныя фигуры старыхъ, бѣлобородыхъ турокъ, черныя, лоснящіяся лица негрятянокъ-невольницъ и цѣлые рои смѣющихся дѣтей. Нѣкоторые, болѣе смѣлые ребяташки взобрались на самыя башни древнихъ стѣнъ, размѣстились среди листьевъ плюща и дикаго винограда и ихъ яркія ситцевыя кацавейки издали казались спѣлыми гроздьями, щедро разсыпанными по зеленому ковру, украсившему бывшій оплотъ Комненовъ и Палеологовъ.

На высотахъ Куюбаши, близъ Адрианопольскихъ воротъ, были раскинуты двѣ обширныя, подбитыя шелкомъ, палатки, уставленные зеркалами и богатою ме-

белю и предназначенныя для иностранныхъ дипломатовъ и ихъ семействъ. Насупротивъ, черезъ дорогу, помѣщалась палатка для нѣкоторыхъ именитыхъ жителей Константинополя. Палатки эти были расположены въ мѣстности чрезвычайно удобной для того, чтобы находящіяся въ нихъ лица, могли сразу окинуть взоромъ всѣ подробности проходящаго мимо султанскаго кортежа.

Вотъ показалась голова шествія. Впереди шель *пейкъ*, родъ султанскаго тѣлохранителя, въ старинномъ костюмѣ, красномъ, шитомъ золотомъ; кафтанѣ, съ сѣкирою въ рукахъ и позолоченномъ шлемѣ съ чернымъ султаномъ.

За пейкомъ слѣдовало штукъ десять заводныхъ султанскихъ лошадей (*седикъ*), въ богатыхъ чепракахъ: ихъ вели подъ уздцы конюшіе въ придворныхъ ливреяхъ. За ними тянулась безконечная золотая лента всѣхъ высшихъ турецкихъ сановниковъ, ѣхавшихъ слѣдомъ, одинъ за другимъ, въ полной парадной формѣ, на великолѣпныхъ арабскихъ лошадяхъ. Порядокъ, въ которомъ они слѣдовали, былъ, согласно общему обычаю всѣхъ придворныхъ шествій, таковъ, что чѣмъ дальше отъ головы процессіи и чѣмъ ближе къ султану, тѣмъ важнѣе были сановники.

Шествіе состояло изъ слѣдующихъ отдѣленій:

- 1) Церемоніймейстеры.
- 2) Полковники.
- 3) Гражданскіе чиновники, имѣющіе чинъ ула-син-фи-сани.
- 4) Генераль-маіоры.
- 5) Улемы, имѣющіе званіе харемейнъ-паіеси.
- 6) Гражданскіе чиновники, имѣющіе чинъ ула-син-фи-эввелъ или званіе румили-бейлербеевъ.

*

- 7) Генераль-лейтенанты.
- 8) Улемы, носящіе званіе истамболь-паіеси.
- 9) Гражданскіе чиновники, имѣющіе чинъ бала.
- 10) Кази-аскеры.
- 11) Министры и всѣ сановники, имѣющіе чинъ *визиря*; судуры.

Впереди каждаго отдѣленія шель пейкъ, наблюдавшій, чтобы шествіе двигалось равномерно.

За визирями ѣхалъ въ великолѣпномъ бѣломъ одѣяніи шейхъ-уль-исламъ, окруженный толпою своихъ прислужниковъ, и непосредственно за нимъ самъ султанъ, посреди двухъ густыхъ рядовъ *пейковъ-солаковъ*, въ серебряныхъ шлемахъ, на гребнѣ которыхъ были прикрѣплены павлиньи перья, расположенныя въ видѣ огромнаго распущеннаго вѣера. Это головное украшеніе *пейковъ-солаковъ* издали представляло одну непрерывную, колышашуюся линію, производившую на непривычныхъ зрителей крайне оригинальное впечатлѣніе. Во время созданія дружины этихъ *пейковъ*, назначеніемъ этихъ гребней ихъ шлема было именно скрывать въ дни церемоній, — когда султану необходимо показаться народу, — пресвѣтлое лицо повелителя правовѣрныхъ отъ нескромныхъ взглядовъ его подданныхъ.

Султанъ былъ на чудномъ бѣломъ арабскомъ аргмакѣ, чистѣйшей крови, сбруя котораго, сѣдло и чепракъ были покрыты золотомъ и драгоценными камнями. Самъ Абдуль-Хамидъ былъ одѣтъ очень просто, въ генеральскомъ мундирѣ; на фескѣ его не было даже брилліантоваго султана, всегда надѣвавшагося его предшественниками при церемоніи Кылычъ-Алая. На груди была зеленая лента Османіе и звѣзды Османіе и Меджидіе, усыпанныя брилліантами, ярко горѣвшими на

солнцѣ. Роскошна была также усыпанная камнями рукоятка его сабли, этого главнаго атрибута турецкихъ султановъ-воиновъ, остріемъ своего меча завоевавшихъ себѣ обширное царство.

Взоры султана были устремлены прямо впередъ, какъ бы поверхъ головъ предшествующихъ ему сановниковъ; онъ какъ бы не замѣчалъ толпившагося вокругъ народа, погруженный въ свои собственные, таинственныя думы. Подъ впечатлѣніемъ только-что происходившей внушительной церемоніи, Абдуль-Хамидъ невольно долженъ былъ мысленно перенестись къ первымъ временамъ своей династіи, столь быстро занявшей выдающееся положеніе. Мечъ Османа и тяжелая боевая булава Магомета II сковали могущество турецкой имперіи настолько прочно, что четырехсотлѣтнія бури, устремлявшіяся на нее со всѣхъ сторонъ, не могли сокрушить ее окончательно. И теперь, Абдуль-Хамидъ ѣхалъ вдоль стѣнъ, завоеванныхъ его доблестнымъ предкомъ во времена болѣе счастливыя для Османова рода, чѣмъ нынѣшнія,—мимо воротъ, гдѣ палъ несчастный Константинъ, своею мужественною смертью искупившій ошибки и преступленія династіи Палеологовъ. Сегодня онъ — законный халифъ, преемникъ цѣлаго ряда знаменитыхъ султановъ, вознесенный на вершину власти, благодаря двумъ катастрофамъ столь же ужаснымъ, какъ и неожиданнымъ, — сегодня онъ впервые объѣзжалъ, какъ государь, ограду своего царственнаго города.

Тяжелыя воспоминанія, темныя политическія тучи, собравшіяся въ то время надъ Турціей и грозившія въ будущемъ еще большими опасностями, отуманивали взоръ новаго падишаха и, несмотря на всю окружаю-

пую его роскошь обстановки, быть можетъ, заставляли его помышлять со страхомъ объ опасностяхъ и тяготахъ его новаго положенія.

Тѣмъ не менѣе, проѣзжая мимо палатки дипломатическаго корпуса, Абдуль-Хамидъ пріостановилъ своего коня и послалъ адъютанта передать великобританскому послу, сэру Генри Эллиоту, какъ тогдашнему декану пребывающихъ въ Константинополѣ дипломатовъ, что его величество крайне доволенъ тѣмъ, что начальники посольствъ и миссій почтили торжество своимъ присутствіемъ.

Не такъ поступилъ въ день своего препоясанія мечомъ Абдуль-Азизъ: проѣзжая мимо палатки дипломатическаго корпуса, онъ намѣренно повернулся къ ней спиной и обратилъ глаза въ пространство, какъ бы желая разсмотрѣть что-то вдаль.

Торжественный кортежъ замыкался Махмудомъ-пашою, за которымъ густою толпою слѣдовали камергеры, флигель-адъютанты, султанскіе секретари, султанскій казначей и помощникъ кызлара-аги, причемъ послѣдніе двое бросали въ народъ горстями мелкія серебряныя монеты съ монограммою новаго султана; въ самомъ хвостѣ кортежа двигались низшіе придворные чины и придворные служители.

Нынѣшнее торжественное шествіе султана, возвращавшагося съ церемоніи Кылычъ-Алая, конечно, не имѣло прежняго великолѣпія, прежней восточной роскоши. Уже не было по сторонамъ пути длинныхъ рядовъ янычаръ въ ихъ оригинальныхъ одеждахъ, — янычаръ, однимъ своимъ именемъ нагонявшихъ страхъ на

враговъ ислама. Не склоняютъ болѣе, въ глубокомъ молчаніи, эти привычныя къ побѣдамъ воины свои головы на лѣвое плечо, какъ бы подставляя ихъ мечу государя—такимъ способомъ они отвѣчали на султанское привѣтствіе, заключавшееся въ томъ, что, проѣзжая мимо ихъ, падишахъ милостиво поводилъ глазами, то на право, то на лѣво. Этотъ родъ янычарскаго поклона и назывался *саламомъ*, откуда и происходитъ названіе *саламникъ*, относящееся ко всякой церемоніи, ко всякому шествію, гдѣ присутствуетъ султанъ.

Нѣтъ болѣе въ султанскомъ кортежѣ прежнихъ двухъ офицеровъ, имѣвшихъ каждый въ рукахъ царскую чалму, украшенную брилліантовымъ султаномъ, и которую онъ наклонялъ поочередно то на правую, то на лѣвую сторону, на что народъ отвѣчалъ низкимъ поклономъ; нѣтъ тамъ придворнаго съ изукрашеннымъ серебряными пластинками табуретомъ, на который становился султанъ, садясь на коня; нѣтъ, наконецъ, *козъ-бекчи-баши*, который на особомъ золотомъ жезлѣ возилъ золотой кувшинъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, съ водою для султанскаго употребленія. За шейхъ-уль-исламомъ не ведутъ болѣе, въ ослѣпительныхъ чепракахъ, тридцати двухъ заводныхъ лошадей, на двѣнадцати изъ которыхъ надѣты щиты, украшенные золотомъ и самоцвѣтными камнями.

Въ свитѣ султана не видать визирей въ монументальныхъ тюрбанахъ и странныхъ нарядахъ, какъ во времена Магомета II Завоевателя или Солимана Великолѣпнаго, не видать прежнихъ плащей, панцырей, кольчугъ и нѣтъ болѣе тѣхъ переливовъ солнечныхъ лучей въ атласныхъ тяжелыхъ тканяхъ, въ золотыхъ украшеніяхъ или въ сверканіи полированной стали,—

которые придавали столько блеска султанской свѣтѣ прошлаго времени.

Тѣмъ не менѣе, и нынѣ торжественное шествіе послѣ Кылычъ-Алая производитъ неотразимо - сильное впечатлѣніе своею своеобразною красотою и величавостію.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не восхищаться этою нескончаемою вереницею превосходныхъ арабскихъ коней, съ расшитыми, разукрашенными чепраками, ведомыхъ подъ уздцы многочисленными *сеисами* (конюхами), въ живописныхъ албанскихъ костюмахъ, и гордо несущихъ на себѣ всадниковъ въ залитыхъ золотомъ, блестящихъ на солнцѣ мундирахъ.

Въ особенности приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе эффектныя одѣянія улемовъ различныхъ цвѣтовъ, сообразно званію, принадлежащему тому или другому изъ этихъ высшихъ мусульманскихъ духовныхъ сановниковъ. Харемейнъ - паіесн были въ верхнемъ платьѣ лиловаго цвѣта, истамболь-паіесн—свѣтлосѣраго и судуры—зеленаго.

Невольное уваженіе внушало къ себѣ этотъ рядъ почтенныхъ старцевъ, посѣдѣвшихъ на изученіи закона и представляющихъ собою пламенные вѣрованія многихъ мильпоповъ мусульманъ — старцевъ съ длинными бѣлыми бородами, медленно двигавшихся верхами въ своихъ восточныхъ одеждахъ — подобно возставшимъ ветхозавѣтнымъ патріархамъ, — въ своихъ красивыхъ чалмахъ изъ бѣлой матеріи съ широкою полосою изъ золотой парчи, плотно облегающей ихъ чело и ниспадающей позади длинною свободною лопастью.

Но и помимо того, на европейскій, непривычный взглядъ по неволѣ дѣйствовало все это толпящееся

разнообразіе одѣяній, покроя столь отличнаго отъ обще-европейскаго и сдѣланныхъ изъ яркихъ матерій, представляющихъ собою всю гамму цвѣтовъ,—все эти разнообразные мундиры сановниковъ, епанчи улемовъ, шлемы пейковъ, все это напоминало своими рѣзкими красками тѣ изображенія пестрой толпы, которая на Сѣверѣ мы привыкли видѣть лишь на театральныхъ подмосткахъ, либо на историческихъ картинахъ, возстановляющихъ событія и жизнь временъ давно прошедшихъ.

На волшебномъ фонѣ древнихъ византійскихъ стѣнъ, султанское шествіе, блещущее своею пышностью, невольно очаровывало глазъ европейскаго зрителя своею разнообразною своею прелестью, обладающею непреодолимою для него притягательною силою, такъ какъ, чтобы охарактеризовать производимое этимъ зрѣлищемъ впечатлѣніе однимъ словомъ,—все это было *иное*, чѣмъ въ остальной Европѣ, а, потому то, съ тѣмъ болѣе жаднымъ любопытствомъ все приглядывались къ проходившему мимо кортежу, стараясь запечатлѣть въ своей памяти все его подробности, все его особенности...

Отъ Адрианопольскихъ воротъ шествіе направилось къ Зинджирликую, вдоль рядовъ войскъ, иногда лишь прерывавшихся шпалерами воспитанниковъ военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній.

По прибытіи къ мечети Селима, гдѣ находится гробница султана Абдуль - Меджида, Абдуль - Хамидъ сошелъ съ коня, чтобы поклониться праху своего отца. Слѣдующія затѣмъ остановки кортежа были у мечети Магомета II и у мавзолея султана Махмуда, гдѣ новый халифъ поклонился гробницамъ, въ первой — завоева-

теля Константинополя, а во второмъ—своего дѣда истребителя янычаръ.

Въ прежнее время, у султановъ, на пути, бывала еще одна остановка, а именно, проѣзжая мимо янычарскихъ казармъ, они, согласно обычаю, останавливались, чтобы принять отъ янычаръ кубокъ шербета (прохладительнаго питья). Привилегія подносить кубокъ принадлежала штабсъ-капитану—*ода баши*—61-й янычарской роты. Офицеръ этотъ передавалъ кубокъ *симх-дар-атъ* (оруженосцу султана), султанъ бралъ его изъ рукъ послѣдняго и, пригубивъ, возвращалъ кубокъ обратно, опустивъ предварительно въ него двѣ или три горсти червонцевъ.

Отъ гробницы султана Махмуда шестіе двинулось по улицѣ Шахзаде-баши и чрезъ ворота, называемыя Баби-хумаюнъ (Августѣйшія ворота), вступило во дворецъ Топъ - Капу. Здѣсь султанъ провелъ нѣкоторое время въ молитвѣ въ святилищѣ, гдѣ хранятся столь благоговѣнно чтимыя мусульманами древности—Хиркаи-шерифъ (плащъ пророка) и Санджаки-шерифъ (знамя пророка).*)

Отсюда, послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, султанъ Абдуль-Хамидъ, съ своею блестящею свитою, сѣлъ на пристани у Серай-бурну снова въ парадныя кайки и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ прибылъ около шести часовъ пополудни, Босфоромъ, обратно въ свой дворецъ, Дольма-багче.

---

*) Подробнѣе объ этомъ знамени въ моемъ историческомъ очеркѣ „Представители европейскихъ Державъ въ прежнемъ Константинополѣ“. С.-Петербургъ. 1890. стр. 63—64.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
<p><i>Глава I.</i> Тревожное утро 18-го мая 1876 г. Причины низверженія Абдуль—Азиза. Финансовое и политическое положеніе Турціи. Партія «Молодой Турціи». Расточительность Абдуль—Азиза. Движеніе софть. Убіиство консуловъ въ Солуни. Отставка великаго визири Махмудъ—Недима паши. Опасенія рѣзни христіанъ. . . . .</p>	1
<p><i>Глава II.</i> Борьба вліяній русскаго и англійскаго. Кандидатура Юсуфъ—Иззедина. Воззванія партіи дѣйствія. Усиленіе конституціоннаго движенія. Провски Мидхата паши. Старанія вызвать вражду къ Россіи . . . . .</p>	35
<p><i>Глава III.</i> Удаленіе Дервиша паши. Задуманный министрами проектъ ограниченія султанской власти. Рѣшительный поступокъ трехъ министровъ. Фетва о низложеніи султана. Дворцовый переворотъ. Заключеніе Абдуль—Азиза въ старомъ Серагь. . . . .</p>	45
<p><i>Глава IV.</i> Водареніе Мурада V. Народный восторгъ. Дѣлежъ имущества Абдуль—Азиза. Жестокое обращеніе съ бывшимъ султаномъ. Перевѣздъ Абдуль—Азиза въ Чераганъ. Конституціонныя манифестаціи. Стѣсненное положеніе Мурада. Убіиство Абдуль—Азиза . . . . .</p>	57
<p><i>Глава V.</i> Политическій процессъ 1881 года. Осужденіе Мидхата паши, убійцъ и соучастниковъ убійства султана Абдуль—Азиза. Старанія Англии спасти ихъ. Рѣшеніе Абдуль—Хамида. Ссылка осужденныхъ въ Таифъ и ихъ смерть. . . . .</p>	73
<p><i>Глава VI.</i> Похороны Абдуль—Азиза. Недовольство улемовъ. Несбывшіяся надежды. Общее разочарованіе. Начало нервной болѣзни Мурада. Тріумвиратъ пашей. Невозможность введенія въ Турціи конституціи. Замыслы Мидхата объ учрежденіи республики; борьба его съ сераскиромъ. Черкесь Хасанъ—убійца министровъ; казнь его. . . . .</p>	85

<i>Глава VII.</i> Апатія Мурада, развитіе его болѣзни. Политическія усложненія. Неистовства въ Болгаріи. Сербія объявляетъ войну. снаряженіе добровольцевъ. Внутреннія затрудненія. Борьба Мидхата паши съ Мехмедъ-Рушди пашей и прихиреніе, достигнутое благодаря усиліямъ англійскаго посла. Пріѣздъ психіатра Лейлесдорфа. Мидхатовская конституція, ея судьба.	101
<i>Глава VIII.</i> Мнѣніе Лейлесдорфа о сумасшествіи Мурада. Миссія дервиша Османа эфенди. Низложеніе Мурада. Воцареніе Абдуль-Хамида II. Достоинства его. Трудное положеніе Турціи вообще.	118
<i>Глава IX.</i> Разногласія относительно болѣзни и нынѣшняго состоянія здоровья Мурада. Бунтъ Али-Суави эфенди. Неудача попытки возстановленія Мурада на престолѣ. Политическіе проекты убитаго заговорщика	127
<i>Глава X.</i> Историческое происхожденіе церемоніи кыльчъ-алай. Гробница Эюба. Привилегія потомства муллы Хункяра. Организациія сословія улемовъ. Введеніе чиновъ въ турецкую администрацію. Султанъ Махмудъ—подражатель Петра Великаго. Доказательства тому, что наша табель о рангахъ была преобразомъ реформы Махмуда, распространеннойся и на сословіе улемовъ	133
<i>Глава XI.</i> Церемонія препоясанія мечомъ Османа (<i>кыльчъ-алай</i>). Вишній видъ города и его предмѣстій. Эюбское кладбище. Шествіе вдоль византійскихъ стѣнъ. Порядокъ султанскаго кортежа, его блескъ. Сравненіе съ подобными же церемоніями прежняго времени	152
Указатель рисунковъ.	173

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

	Стр.
1) Буюкдере.	1
2) Сады и общій видъ дворца русскаго посольства въ Буюкдере	4
3) Дворецъ русскаго посольства въ Буюкдере.	12
4) Султанъ Абдуль-Азизъ	16
5) Любимая жена султана Абдуль-Азиза	20
6) Невристанъ ханымъ, послѣдняя одалиска султана Абдуль-Азиза	28
7) Мезарликъ (старое кладбище) въ Перѣ.	32
8) Дворецъ русскаго посольства въ Перѣ.	36
9) Залъ въ дворцѣ Бейлербей	44
10) Султанъ Мурадъ V.	48
11) Галатская башня.	52
12) Хоры въ Ая-Софіи	60
13) Дворецъ Дольма-багче	64
14) Ворота во дворцѣ Дольма-багче	68
15) Лѣстница во дворцѣ Бейлербей	76
16) Мидхатъ-паша	80
17) Черкесъ Хасанъ	96
18) Улица въ Бейкосѣ	100
19) Фонтанъ султана Ахмеда	108
20) Мечеть Ахмедіе	112
21) Али-Суави-эфенди.	128
22) Золотой Рогъ	144
23) Ая-Софія	148
24) Султанъ Абдуль-Хамидъ II.	156

Новыя изданія К. Ю. Геруца:

- Никитинъ, В. М.** Многострадальные. Быть кантонистовъ, писарей, завѣдывающихъ хозяйствомъ унтер.-офицеровъ, характеристика начальства: полка, штаба, департамента и иныхъ петерб. дореформенныхъ учреждений. Въ двухъ частяхъ. Людямъ старымъ въ воспоминаніе, а молодымъ въ назиданіе 369 стр. 1 50
- Никитинъ, В. Н.** Разнообразіе. Повѣсти, рассказы и очерки. 378 стр. . . . . 1 —
- «Японскій романъ».** Соч. Юшида. Изящное изданіе — 60
- «Для легкаго чтенія».** Собраніе юмористическихъ рассказовъ и повѣстей Марка Твена, Стоктона Джерома, Анстеа, Муано, Зейделя и т. д. . . — 60
- Антидорскій.** Тартль. Венгерская коммерческая игра для двоихъ. Подробное описаніе, правила и разсчеты . . . . . — 40
- «Волна».** Сборникъ русской художественной лирики. 324 стихотв., выбранныхъ изъ 83 русскихъ авторовъ. Изящное миниат. изд. въ переплетѣ. Ц. 80 к., съ перес. налож. плат. . 1 —
- «Записки неизвѣстнаго».** (Библ. Истор. чтенія № 2). Спб. 97. . . . . 1 —
- Тепловъ В. А.** Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ. (Библ. Истор. чтенія № 1) Съ портретами султановъ, ихъ женъ и видами Царь-града . . . . . 1 —

Новыя изданія К. Ю. Геруца:

- «Гминный законникъ».** Справочная книга для чиновъ уѣздной администраціи, земской стражи, гминныхъ войтовъ, солтысовъ, уполномоченныхъ и гминныхъ писарей. Спб. 96. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. . . . . 3 —
- Арефа, Н. И.** Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній о правѣ евреевъ на жительство и производство торговли въ Росс. Имперіи съ сенатскими и минист. разъясненіями. Спб. 97. 2-е дополн. изд. . . . . 1 —
- Положеніе** о видахъ на жительство съ оглавленіемъ и азбучнымъ указателемъ. Спб. 95 . . . — 20
- Положеніе** о привилегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія (Высоч. утв. 20 Мая 1896 г.) и правила о товарныхъ знакахъ, съ дополнительными узаконеніями, инструкціей, извлеченіями изъ трактатовъ и декларацій, и съ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1897. Цѣна . . . — 50
- Сборникъ** положеній и правилъ о наймѣ слугъ и рабочихъ для домашнихъ услугъ, отправленія земледѣльческихъ, ремесленныхъ заводскихъ работъ, торговыхъ и прочихъ промысловъ въ губерніяхъ Имперіи, Царства Польскаго, и В. К. Финляндскаго, съ приведеніемъ дополнительныхъ узаконеній и разъясненій. Съ азбучн. предм. указателемъ 2-ое изд. Спб. 1897. . . . 1 —
- Высочайшій коронаціонный манифестъ** 1896 г. съ азбучнымъ предметнымъ указателемъ Ц. . . . — 10
- Планъ** столицы Спб., подъ назв. «Петроградъ» Спб. 1897. . . . . — 20

Выписывающія отъ издателя (С.-Петербургъ, Мойка, 92) или отъ Г. Б. Винклера, (Альбомная фабрика и паровая переплетная, Спб. В. О. 17 лин. д. 4). за пересылку не платятъ.

Типо-Литографія М. Пайкина, Невскій просп., д. № 82.

Рисунки дозволены цензурою 2 Ноября 1896 г.
и печатаны въ типографіи газ. „Новости“, Екат. кан. д. № 113.